ROSA LUXEMBURG STIFTUNG
CENTRAL ASIA

Афганистан под властью Талибан: реакция соседних стран и великих держав

Материалы международной конференции,
RLS-УМЭД, Ташкент, 27 августа 2024 года

Алматы, 2024

УДК 323/324 (581)
ББК 66.3 (5Афг)

А94 **«Афганистан под властью Талибан: реакция соседних стран и великих держав»: материалы одноименной международной конференции, состоявшейся в Ташкенте 27 августа 2024 года.** — Алматы: ТОО «Бук Эксперт Казахстан», 2024. — 144 с.

ISBN 978-601-08-4703-3

Настоящий сборник материалов включает доклады участников международной конференции «Афганистан под властью Талибан: реакция соседних стран и великих держав» (г. Ташкент, УМЭД, 27 августа 2024 года). Организаторами мероприятия выступили Университет мировой экономики и дипломатии и Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии.

В конференции приняли участие ведущие эксперты по Афганистану из Узбекистана, Казахстана, Таджикистана, Германии, Китая, Индии и России. Основными темами обсуждения стали оценка устойчивости движения «Талибан» в социально-экономической и политической сферах после трех лет пребывания у власти, влияние новой расстановки сил в Афганистане на региональную безопасность, а также политика мировых центров силы в отношении Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА). На конференции состоялся профессиональный обмен мнениями, который позволил наметить новые направления в области исследования проблем восстановления Афганистана и выработки политики стран региона и мировых держав в отношении ИЭА.

Сборник предназначен для международников, экспертов и практиков, занимающихся изучением проблем региональной и международной безопасности, а также преподавателей и студентов высших учебных заведений.

За содержание настоящей публикации всю ответственность несут авторы, а изложенная в ней точка зрения может не совпадать с позицией Фонда Розы Люксембург.

ISBN 978-601-08-4703-3

© Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

I. Оценка устойчивости власти Талибан в Афганистане: экономика, политика, гуманитарная сфера 8

Смагулов А. Оценка устойчивости власти движения Талибан на современном этапе 8

Ризоён Ш. Восприятие Талибан в экспертном сообществе Центральной Азии 18

Махмудов Р. Социоэкономическая политика Талибан и перспективы модернизации Афганистана 27

II. Талибан и региональная безопасность: состояние и новые вызовы (вода, терроризм, идеология, синтетические наркотики) 43

Зиганшина Д. Афганистан и Центральная Азия: международно-правовое регулирование водных отношений 43

Хайдаров А. Современные идеологические воззрения Талибан по вопросу строительства исламского государства в Афганистане 49

D'Souza S.M. Terrorism and Violent Extremism in Afghanistan 60

Каратаева Л. Афганский фактор в дискурсе террористических угроз Центральной Азии 69

Азизи Р. Влияние «фактора Талибан» на новые риски и вызовы радикализации и экстремизма в регионе Центральной Азии 77

III. Мировые центры силы и Большая афганская игра: геополитика, природные ресурсы и признание талибов 87

Sun D. China's Response to the Taliban Government in Afghanistan... 87

Толипов Ф. Талибан как геополитический проект и роль стран Центральной Азии в Большой афганской игре 96

Luecking D. From Former Mistakes to Future Failures? Stop Playing Games in Afghanistan – a Statement of a Former Soldier 106

Махмудов Р., Абдуллаева М., Усмонова М. Природные ископаемые Афганистана: станут ли они фактором Большой игры?.....111

Abdurakhimova Z., Tashpulatova L. Foreign aid and soft power: Competition of great powers in Afghanistan..... 124

Abstracts 134

ПРЕДИСЛОВИЕ

После прихода талибов к власти в Афганистане в августе 2021 года ситуация в стране стала гораздо реже попадать в фокус внимания мировой общественности.

По данным Всемирного банка, в период с 2021 по 2023 год валовой внутренний продукт (ВВП) Афганистана сократился более чем на 20 %. Доступ к международной банковской системе был ограничен. Десятки тысяч высокообразованных афганцев покинули страну. Международная помощь была значительно сокращена и временно приостановлена в 2021 году. В результате экономической слабости, конфликтов, перемещений и бегства, а также стихийных бедствий, таких как продолжительная засуха, несколько сильных землетрясений в провинции Герат в октябре 2023 года и наводнения в нескольких провинциях в мае 2024 года, более половины населения страны зависело от международной гуманитарной помощи в 2024 году.

За последние три года ситуация с правами человека в Афганистане резко ухудшилась. Произвольные аресты и задержания, насильственные исчезновения, пытки и другие виды жестокого обращения были классифицированы Международной амнистией и Международной комиссией юристов (МКЮ) как преступления против человечности.

Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в Афганистане в своем докладе от августа 2024 года указал, что его афганские собеседники, в частности женщины, постоянно подчеркивают, что термин «гендерный апартеид» наиболее точно описывает всю совокупность различных действий, наносящих им вред на протяжении поколений. В настоящее время Афганистан является единственной страной в мире, где женщинам и девушкам старше 12 лет отказано в доступе к среднему и высшему образованию. По данным «ООН – Женщины», тот факт, что 1,1 млн девочек больше не посещают школу, а 100 тыс. женщин не учатся, приведет к увеличению числа преждевременных родов на 45 % и росту материнской смертности на 50 % к 2026 году.

Забвение Афганистана при талибах таит в себе значительные риски, причем не только для населения, которое по-прежнему будет страдать от неразвитости, голода, стихийных бедствий, политического и социального бесправия и беспрецедентного кризиса в сфере образования и здравоохранения. В результате люди будут бежать из Афганистана, что усугубит существующий кризис беженцев в принимающих странах.

Кроме того, стране грозит вновь стать экспортером терроризма. В Афганистане продолжают действовать такие террористические группировки, как «Исламское государство – провинция Хорасан» (ИГ-К), «Аль-Каида», пакистанские талибы («Техрик-и-Талибан Пакистан»/ТТП) и другие. Талибы видят в ИГ-К только прямую угрозу своему правлению. Это создает значительный потенциал для дестабилизации региона.

В то время, как на Западе годовщина захвата власти талибами в августе 2021 года остается главной отправной точкой для публичных размышлений о том, почему политика Запада в Афганистане провалилась и закончилась катастрофой, различные стороны, особенно в соседних странах, уже вырабатывают другие позиции в отношении талибов и Афганистана, основываясь на собственных оценках ситуации.

В данный сборник вошли аналитические материалы, подготовленные в рамках международной конференции «Афганистан под властью Талибан: реакция соседних стран и великих держав», организованной Университетом мировой экономики и дипломатии (г. Ташкент) при поддержке регионального Представительства Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии.

В августе 2024 года, почти через три года после вывода войск США и их западных союзников из Афганистана и возвращения талибов к власти в Афганистане, эксперты обменялись своими оценками деятельности талибов, трендов развития в Афганистане и реакций стран соседних регионов Центральной и Южной Азии, а также других важных международных игроков на эти изменения. В представленных в сборнике материалах анализируются изменения в экономической, политической и гуманитарной сферах, рассматриваются вопросы безопасности Афганистана в контексте исламизма, терроризма и экстремизма, а также ресурсы страны, такие как вода, которые необходимо делить с соседями. Статьи авторов сборника отражают геостратегические подходы игроков из Китая, России, США и Германии по отношению к Афганистану и находящимся у власти талибам и дают понять, что не только географическое положение страны, но и ее богатые природные ресурсы продолжают оставаться факторами, пробуждающими желания и формирующими планы различных сторон.

Конференция «Афганистан под властью Талибан: реакция соседних стран и великих держав» является результатом третьего года сотрудничества между региональным Представительством Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии и Университетом мировой экономики

и дипломатии (г. Ташкент). Я хотела бы поблагодарить обе команды, поддержавшие проект, и авторов-участников за их вклад и пожелать этой антологии много внимательных читателей.

Марлис Линке,
Глава Представительства Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии

I. ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ ВЛАСТИ ТАЛИБАН В АФГАНИСТАНЕ: ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, ГУМАНИТАРНАЯ СФЕРА

Смагулов Агыбай
заслуженный сотрудник дипломатической
службы Республики Казахстан,
кандидат исторических наук
Алматы, Казахстан

Оценка устойчивости власти движения Талибан на современном этапе

О том, что произошло становление движения «Талибан» как самостоятельной, реальной военной силы в Афганистане, стало окончательно понятно после принятой президентом США Б. Обамой в 2009 году стратегии выхода из этой страны к 2014 году и кратковременного захвата талибами города Кундуз в сентябре 2014 года. Уже тогда командование американских и НАТОвских сил договаривалось с полевыми командирами о беспрепятственном прохождении своих колонн и платило им за безопасность своих баз и подразделений. Напомню, что эта стратегия выхода заключалась в укреплении афганской национальной армии и полиции и подавлении сопротивления вооруженной оппозиции [1].

Появление офиса талибов в Дохе (Катар) в 2013 году стало результатом переговоров с ними Кабула в 2007-2008 годах при посредничестве Саудовской Аравии, а затем прямых, без участия представителей ИРА, контактов с американцами, установленных талибами через немцев. Открытие политического представительства обозначило их окончательное становление как самостоятельной, реальной политической силы, с которой американцы начали прямые переговоры в 2018 году. Считаю важным подчеркнуть – Талибан стал самостоятельной, реальной военной и политической силой, к тому же значительно изменившей свои подходы к управлению обществом и государством по сравнению с тем, что он представлял собой в 1990-е годы.

США, вопреки желанию руководства ИРА, по итогам переговоров в Катаре с движением «Талибан» подписали 29 февраля 2020 года соглашение об условиях вывода своих войск из Афганистана. Так же, как лидеры ДРА не хотели вывода советских войск, руководство

ИРА стремилось сохранить американское присутствие. Оказавшись в безвыходном положении и подчиняясь давлению США, выполняя соответствующий пункт соглашения, руководство ИРА было вынуждено пойти на создание структур для контактов с политическим офисом талибов в Дохе. Однако переговоры не получили развития, история Афганистана пошла по другому пути.

Для ДРА и ИРА подготовку, рекрутирование и финансирование управленческих кадров обеспечивали, соответственно, Советский Союз и Соединенные Штаты с союзниками. Готовившееся к захвату власти движение «Талибан» не могло рассчитывать на такую внешнюю помощь, поэтому заранее, задолго до выхода американских войск и еще до подписания соглашения с американцами, они планировали политические шаги по снижению сопротивления своему возвращению, вели соответствующую работу среди населения по всему Афганистану. В 2010-х гг. (в течение десяти лет) велась последовательная пропагандистская работа в социальных сетях. 6 января 2020 года была создана Комиссия Исламского Эмирата Афганистана (ИЭА) по призыву и привлечению, члены которой начали ведение переговоров с представителями непуштунских национальностей, со многими политиками и чиновниками администрации ИРА по их рекрутированию в свое будущее правительство. Комиссию возглавил нынешний исполняющий обязанности министра иностранных дел Маулави Амир Хан Муттаки. В этой должности он посетил провинцию Дайкунди и вел непосредственные переговоры о мире и сотрудничестве с лидерами хазарейцев [2]. Во многом эти шаги обеспечили устойчивое функционирование государственных органов Афганистана после 15 августа 2021 года. Плавному и более-менее стабильному переходу управления страной в руки талибов способствовали и заблаговременно созданные теневые органы управления на уровне провинций и уездов, которые сразу же включились в работу после взятия власти в Кабуле и на местах.

Без сомнения, в целях ведения переговоров с бывшими политиками и чиновниками полезным было согласие талибов на дальнейшее проживание и активную деятельность в Кабуле таких влиятельных лиц, как экс-президент Хамид Карзай и экс-глава исполнительной власти и высшей комиссии по национальному примирению ИРА доктор Абдулла Абдулла. Оба политика имели возможность свободно поддерживать связь с внешним миром, проводить встречи с иностранными делегациями в Кабуле, вести аккаунты в социальных сетях. В Афганистане оставался и бывший спикер сената ИРА Фазл Хади Муслимияр.

Формирование 6 сентября 2021 года временной администрации – подчеркну, именно временной администрации – позволило талибам сохранять поле для маневра и иметь достаточно времени для выполнения требований международного сообщества о создании инклюзивного правительства. Временный характер правительства и назначение министров как исполняющих обязанности должно было продемонстрировать, что еще предстоит создание законных институтов власти.

Далее 16 марта 2022 года была создана «Комиссия по возвращению и связи с бывшими афганскими чиновниками и политическими лидерами». В июне 2022 года в Афганистан вернулось более 150 политических фигур, включая министров. Еще более 100 человек, включая женщин, заполнили присланные им анкеты, с ними велась работа по обеспечению их визами для возвращения домой. 20 июня 2022 года исполняющий обязанности министра иностранных дел Маулави Амир Хан Муттаки, встречаясь с 40 вернувшимися высокопоставленными чиновниками бывшей администрации, сказал следующее: «Всем вам я говорю: добро пожаловать! Поверьте, вашему возвращению мы очень рады! Рады, потому что, как говорится: кровь кровью не смоешь. Афганцы пережили много проблем, все прежние пути их решения оказались безрезультатны. Нам с вами осталась одна дорога, которая имела успех в нашей истории, и сейчас будет иметь ощутимый результат: это протянуть друг другу руку братства и считать Афганистан своим общим домом. … Наше население около сорока миллионов, конечно, не каждый человек может быть у власти, но каждый из соотечественников имеет право иметь свой дом, свой очаг, свою землю, свободу и права. Никто не должен считать себя чужим на своей же родине. Нужно положить конец такому мнению, когда в стране какая-то партия или движение у власти, а другие не имеют права жить. Вы являетесь началом этого каравана, вы открыли дорогу другим, и ваши имена несомненно войдут в историю» [2].

Такие действия талибов демонстрируют афганскому и мировому сообществу устойчивое стремление организовать условия для последующего создания инклюзивного правительства и государственных органов как предпосылок для их дипломатического признания.

Талибы сумели привлечь внимание бывших управленцев-технократов, гражданских и военных специалистов, отечественных крупных и средних бизнесменов и, несмотря на существующие критические финансовые, бытовые условия и проблемы с безопасностью, добиться их возвращения и включения в работу по восстановлению страны. Ожидаемое ускорение

этого процесса, отчетливо намечаемая реализация замороженных крупных экономических проектов с участием зарубежных стран и иностранных инвесторов могут внести раскол в ряды политических оппонентов.

Талибы пришли к власти в результате гражданской войны с ее особенностями и спецификой. О том, что движение «Талибан» было признано воюющей стороной в гражданской войне или силой, борющейся за независимое определение судьбы нации, может свидетельствовать и подписание 29 февраля 2020 года в Дохе (Катар) «Соглашения о продвижении мира в Афганистане» между Исламским Эмиратом Афганистан, которое не признается Соединенными Штатами как государство и известно как «Талибан», и Соединенными Штатами Америки. Оговорка о том, что США не признают ИЭА как государство, была понятна. Тогда еще речь не шла о его государственности. Сегодня эта структура демонстрирует способность к вступлению в отношения с другими государствами и проявляет устойчивость своей власти на всей территории страны. В Кабуле продолжили работу 17 представительств иностранных государств, посольства многих западных стран переместились, действуют и поддерживают контакты с временным правительством в Дохе. Официальные встречи проходят и в Кабуле. За рубежом функционируют 39 постоянных представительств новой афганской власти, в том числе на уровне послов и временных поверенных в делах. Таким образом, согласно декларативной теории государственности, можно говорить о международной правосубъектности ИЭА. На уровне ООН нынешняя власть в Афганистане признана де-факто: используется термин «власть де-факто».

Согласно докладам ООН, оценкам правительств, экспертов, поступающим из других источников информации, афганская экономика отличается относительной стабильностью при низком росте, и это в условиях трехлетней засухи и разрушительных землетрясений в провинции Герат. В 2024 году Афганистан страдает от наводнений. Инфляция в стране снижается, сократился уровень коррупции. В целом уровень безопасности повысился, даже проводится последовательная и результативная работа по прекращению между племенами убийств, основанных на вековых традициях «кровной мести».

Выращивание опиума значительно сократилось и движется к полному прекращению. Более того, по итогам Третьей встречи в Дохе 1 июля 2024 года в ИЭА создана контрнаркотическая комиссия, которая будет заниматься также альтернативными культурами для фермеров и лечением от наркозависимости [3].

Новая власть сумела найти подходы к урегулированию земельных споров между возвращающимися беженцами и нынешними владельцами участков. Она пытается не допустить перерастания постоянных конфликтов из-за земли между кочевыми племенами пуштунов и оседлыми хазарейскими общинами (пр. Бамиан, Дайкунди, Майдан-Вардак, Газни, Урузган, Гор, Сарипуль, Саманган, Парван) в политическое противостояние и возобновление вооруженных конфликтов на этнической основе. Печально известный двадцать лет назад Бамиан в прошлом году посетило более 130 тысяч туристов, в том числе около полутора тысяч человек из-за рубежа [4]. Афганские спортсмены участвуют в международных соревнованиях.

С весны 2022 года ведется невиданное по масштабам для современного Афганистана строительство канала для орошения сельскохозяйственных земель на севере страны. Генеральным подрядчиком этого проекта является многоотраслевая Национальная корпорация развития Афганистана, созданная указом президента Афганистана в 2020 году. Талибы сохранили и активно используют созданные прежней администрацией структуры управления жизнью общества и государства.

Ведутся переговоры с китайской компанией о возобновлении работ на месторождении меди Айнак, но при сохранении исторических артефактов, связанных с буддизмом. Восстановлены контакты на официальном уровне по известным проектам строительства трансафганских железных и автомобильных дорог, газопроводов и линий электропередач. Афганистан достиг договоренностей с Казахстаном и Туркменистаном о строительстве логистического хаба в афганской провинции Герат в целях развития региональной торговли. Ведутся переговоры с Китаем о прокладке торгового транспортного маршрута между двумя странами через высокогорный Ваханский коридор, где строится автодорога. Активно ведется строительство «Нового Кабула» площадью 740 кв. км и стоимостью 10 млрд долл. США, где можно разместить 3 млн человек [5; 6].

Поступающая из Афганистана информация со всей очевидностью свидетельствует об устойчивости власти талибов и в политике, и в экономике, и в гуманитарной сфере. С начала деятельности «Комиссии по возвращению и связям с бывшими афганскими официальными лицами и политическими деятелями» в страну уже вернулось более 950 человек. В это число входят и бывшие министры, губернаторы и члены парламента [7].

Из соседних стран за период контроля власти талибами возвращено более миллиона афганских беженцев. Хотя нынешняя действующая власть

просит соседей не спешить с выдворением, так как это создает серьезные социальные проблемы, мы видим, что Афганистан все же принимает людей и так или иначе совместно с программами ЮНИСЭФ, Мировой программой продовольствия, Международной организацией миграции и др. решает вопросы размещения, распределения гуманитарной помощи, поступающей от международного сообщества. Властные структуры сообщают о том, что на местах в разы снижается количество недоедающих детей и детской смертности. Можно быть уверенными в том, что в соседних Пакистане и Иране, а также в Турции, Индии уже полностью убеждены в устойчивости власти талибов и их способности справиться с потоком возвращающихся беженцев.

Таким образом, сегодня совершенно очевидно, что управление талибов в течение трех лет опровергло многочисленные прогнозы о возобновлении гражданской и межэтнической войны, расколе внутри самих талибов, масштабной террористической угрозе и росте потока наркотиков, социально-экономической и гуманитарной катастрофе, миллионах беженцев.

Вместе с тем нужно констатировать, что двадцатилетние попытки строительства демократического общества и государства столкнулись с социальным и духовным отставанием афганского общества, исключившим возможность решения такой задачи даже с использованием военной мощи всего западного мира, и отсутствием сдерживающего вмешательства конкурирующих внешних сил.

Однако верно и то, что за последние полвека афганское общество как в городах, так и на периферии стало менее архаичным, что вынуждает нынешних талибов отказаться от крайнего исламского фундаментализма в своей политике государственного строительства. В конце концов, талибы являются чисто афганским явлением и находятся в постоянном взаимодействии с очень медленно меняющейся социальной и политической средой. Говоря другими словами, идеология талибов, включая положение женщин в обществе, поддерживается значительной частью населения во всех его этнических сегментах. По общему мнению экспертов из самых разных стран, итоги 10-х и 11-х Гератских диалогов безопасности, прошедших осенью 2022 и 2023 года в Душанбе, а также трех встреч оппонентов талибов в Вене за прошедшие два года свидетельствуют об отсутствии единства оппозиции, широкой базы в стране и действенной иностранной поддержки.

Представляется, что и международное сообщество становится все менее категоричным в своих требованиях к временному правительству,

признавая необходимость учета сложившихся традиций страны, требующих терпения, времени, стабильности и просветительства. Появилось понимание того, что необходимо учитывать внутреннюю логику исторического и общественно-политического развития раздробленного афганского общества.

Локальные общества в этой стране могут управляться из центра только с согласия старейшин (маликов и пр.) при соответствующих платежах из центра. Нет платежей – нет подчинения, более того, отсутствие платежей ведет к вооруженному сопротивлению действиям центральной власти. Учитывая, что в афганском Пуштунистане сотни мелких и крупных племен, нестабильность присутствует постоянно. В этом обществе практически невозможно, подкупив лидера крупного объединения племен, подчинить все составляющие племена этого объединения.

Это общество в своей основе еще в значительной мере характеризуется такими понятиями, как общинно-родовой строй, трайбализм и патриархат, власть старейшин и духовных лидеров, система обычного права и средневековые кодексы поведения, узкое, ограниченное понимание религиозных норм (включая представление о роли женщин в обществе), этническое соперничество и утилитарный подход к государству: стремление получать практическую выгоду или пользу от центральных властей, не давая взамен ничего (включая подоходные налоги).

За прошедшие двадцать лет международные доноры также внесли свою лепту, направляя половину денег (причем наличными) не через бюджет, а напрямую местным общинам, ослабляя тем самым роль и влияние государственных структур.

В 2023 году исследователь Тимор Шаран издал книгу «Inside Afghanistan: Political Networks, Informal Order and State Disruption» («Внутри Афганистана: политические сети, неформальный порядок и государственный распад»). В ней раскрывается, как политические сети и центры власти, патронаж, коррупция и незаконность при соучастии военного вторжения и международного проекта строительства государства формировали афганскую государственность. Эти сети захватили и контролировали все секторы афганской экономики и государства, включая горнодобывающую промышленность, банкинг, нелегальные наркотики, выборные и политические процессы.

Силы, которые хотели бы сохранить патриархальный строй в Афганистане, его экономическую недоразвитость, еще чрезвычайно

сильны. В то же время нет мощных внутренних сил, способных ускорить социальный прогресс, а вмешательство извне принимает форму цивилизационного противостояния.

Вероятно, нужно согласиться с тем, что 40-летняя гражданская война в Афганистане выиграна силами, защищавшими традиционные ценности. При этом на противостоявшие силы оказали и оказывают влияние внешние факторы, общее развитие человеческой цивилизации. Афганское общество с учетом этих факторов будет развиваться согласно своей судьбе, вернувшись на 50 лет назад.

Приходится признать, что логику внутреннего последовательного развития страны не смогла изменить даже такая чрезвычайная сила, как международная коалиция. Она оказалась не способна подавить противодействие традиционных политических сил. Традиционное афганское общество в основной своей массе оказалось трудноreформируемым. Речь идет не только о лидерах духовенства и племенных вождях, но и об обществе в целом. Именно в этом заключается глубина афганской проблемы.

Эти силы остановили реформы младоафганцев и короля Аманулла-хана. Представляется, что монархия периода правления Захир-шаха, уступая требованиям прогрессивных сил, но понимая свою слабость в отношении консервативных сил, не торопилась с решительными действиями против них, так как родоплеменной уклад общества на периферии не был к ним готов.

«Белая революция» иранского шаха также встретила сопротивление традиционного общества, не помогли массовые репрессии тайной полиции САВАК. В итоге к власти пришло духовенство и сформировало государство в форме имамата: Велаят-е-факих – правление богослова. В Афганистане вернулись к форме эмирата.

На данном этапе консерватизм сильно замедлил модернизацию. Видимо, нужно согласиться с тем, что этот сектор афганского общества еще силен и отражает идеологию талибов. Важно также понять, насколько глубоко сидят корни, сдерживающие движение к развитию: стремление сохранить родоплеменные отношения, традиции кровной мести, роли женщины в жизни социума. Сейчас эта тема как никогда актуальна и привлекает внимание исследователей.

Вместе с тем усилия прежних афганских властей, реформаторов и просветителей, международного сообщества по содействию и развитию, образовательные программы оказывали и оказывают свое влияние. Глубинное афганское общество начало осознавать необходимость

перемен. Даже лидеры талибов по-своему поняли необходимость смены ориентиров и подчинения своих позиций более широким интересам национального обновления.

Сегодня нет той максимы, которую выражал президент США Б. Обама 24 сентября 2013 года в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН, оправдывая гуманитарную интервенцию и применение военной силы [8]. Согласно его логике, число жертв при силовом решении будет намного меньше, чем за долгие годы правления того или иного режима или диктатора. Другими словами, нужно вторгаться в страну и свергать их, открывая путь для выборных процессов и демократии, даже несмотря на то, что традиционное общество не готово к такому развитию событий, что будет жесткое сопротивление с многочисленными человеческими жертвами. Перефразируя известный вопрос Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?», можно сказать, что «история вернулась» и диктует свои законы.

Сегодня преобладает другое мнение. В американском журнале «Национальный интерес» 28 июля 2023 года была опубликована статья «Взаимодействие с Афганистаном отвечает американским интересам». Суть ее заключается в том, что лишь посредством взаимодействия, вплоть до политического признания и установления дипломатических отношений с правительством талибов, Соединенные Штаты не только смогут внести свой вклад в более процветающий и безопасный Афганистан, но и защитить при этом свои интересы. Автор статьи уверенно заявляет, что талибы доказали свою способность поддерживать стабильное управление, справляются с текущими гуманитарными проблемами и сегодня не имеют какой-либо иной альтернативы в Афганистане.

Американский политолог и ведущий эксперт по Афганистану и Южной Азии Барнетт Рубин в своей книге «Афганистан: что о нем нужно знать каждому», изданной в 2020 году, пишет, что стабильность в Афганистане «требует по крайней мере того, чтобы ни одна региональная или глобальная держава, способная дестабилизировать Афганистан, не рассматривала политический и военный порядок в Афганистане как угрозу. Для этого потребуется сложная международная координация между государствами, в прошлом вызывавшими подозрения и недоверие, а также соглашение между народами самого Афганистана».

Позволю себе интерпретацию слов этого эксперта. Какой бы политический порядок не существовал в Афганистане, включая и нынешний эмират, не нужно рассматривать его как угрозу и пытаться влиять на него силой. Это внутреннее дело нынешнего афганского общества.

Необходимо рассматривать власть талибов как потенциальную возможность положить конец длительному внутриафганскому конфликту и стимулировать региональную безопасность. Думаю, именно такой позиции нужно придерживаться в ближайшей перспективе, наблюдая за дальнейшим развитием событий в этой многострадальной стране.

Литература

1. Смагулов А. Афганистан. Опыт восстановления и реконструкции 2001-2009 гг. – Кабул: издательство «Нури», 2010. – 502 с. // https://www.agybaysmagulov.com/post/афганистан-опыт-восстановления-и-реконструкции-2001-2009-годы
2. Exclusive Interview with Acting Foreign Minister, Amir Khan Muttaqi // Tolo News. – 2024. – February 29 // https://tolonews.com/special-show-187638
3. Taliban Forms Counternarcotics Commission in Afghanistan // Afghanistan International. – 2024. – July 14 // https://www.afintl.com/en/202407148931
4. Abdul Rahman Rosta. Bamyan visited by about 130,000 tourists last year // Pajhwok Afghan News. – 2024. – April 15 // https://pajhwok.com/2024/04/15/bamyan-visited-by-about-130000-tourists-last-year/#google_vignette
5. Hijratullah Kakar. IEA officials inaugurate construction of New Kabul City // Pajhwok Afghan News. – 2023. – August 18 // https://pajhwok.com/2023/08/18/iea-officials-inaugurate-construction-of-new-kabul-city/
6. Hijratullah Kakar. Chinese investment sought in New Kabul City project // Pajhwok Afghan News. – 2024. – May 28 // https://pajhwok.com/2024/05/28/chinese-investment-sought-in-new-kabul-city-project/
7. 952 Ex-Officials Return to Afghanistan Via Contact Commission // Tolo News. – 2024. – August 20 // https://tolonews.com/node/190325
8. Remarks by President Obama in Address to the United Nations General Assembly // The White House Office of the Press Secretary. – 2013. – September 24 // https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/09/24/remarks-president-obama-address-united-nations-general-assembly

Ризоён Шерали
кандидат политических наук
Таджикистан, Душанбе

Восприятие Талибан в экспертном сообществе Центральной Азии

Введение

Прежде чем говорить о восприятии Талибан в экспертном сообществе Центральной Азии, обозначим тезисы, которые содействуют раскрытию ключевой цели данной работы.

Во-первых, фактор соседства с нестабильным Афганистаном. На протяжении всего периода своей независимости страны Центральной Азии являются соседями нестабильного Афганистана. Этот фактор существенно влияет на восприятие Афганистана политическими элитами, экспертным сообществом и общественным мнением в странах Центральной Азии. С возвращением в августе 2021 г. Талибан к власти в Афганистане этот аспект еще больше усилился. В информационном пространстве, на полях научных и экспертных мероприятий часто звучат мнения и рассуждения об угрозах, исходящих с территории Афганистана, для стран Центральной Азии.

Во-вторых, фактор уязвимости центральноазиатских стран из-за обстановки в Афганистане. Кризис в социально-экономической и гуманитарной сферах, хрупкость стабильности и безопасности, а также неопределенность траектории развития ситуации в Афганистане оставляют открытой возможность распространения нестабильности на соседние государства. В этом плане центральноазиатские страны, к сожалению, являются «слабым звеном», потому что они не обладают потенциалом, который есть у других соседей Афганистана, а именно теми инструментами воздействия на политические процессы Афганистана, которые есть, например, у Китая, Пакистана и Ирана. Поэтому страны Центральной Азии находятся «в плену у ситуации в Афганистане», особенно в области обеспечения собственной стабильности и безопасности.

В-третьих, фактор отсутствия легитимности правительства Талибан в Афганистане. За три года нахождения у власти в Афганистане талибы так и не смогли обрести легитимность в глазах международного сообщества. Такая ситуация создала новый прецедент, когда ни одно

государство в мире не признает легитимность правительства Талибан, но при этом с ним устанавливают отношения. Сложно говорить о том, является ли эта ситуация позитивной или негативной, но она ставит ряд вопросов, на которые сегодня необходимо найти ответы. Очевидно, что страны ЦА не могут позволить себе признать легитимность правительства Талибан, поскольку среди крупных акторов нет консенсуса, но также не могут игнорировать талибов, которые де-факто являются властями Афганистана и способны создать им большие проблемы. В этой патовой ситуации трудно что-либо сделать, поскольку ситуация в Афганистане остается неясной, и не исключено, что такое положение сохранится до 2030 года. Таким образом, соседство с нелегитимным правительством, которое контролирует почти 40-миллионную страну, в краткосрочной перспективе будет влиять на все сферы жизнедеятельности центральноазиатских государств.

На фоне трех обозначенных факторов центральноазиатским странам хотелось бы иметь развитого, стабильного и миролюбивого южного соседа, поскольку такой Афганистан отвечает национальным интересам стран Центральной Азии и предоставляет им возможность использовать территорию, экономический и транспортный потенциал для выхода на новые рынки, проводить более активную внешнюю политику, ограничивать влияние геополитических игроков как на весь регион, так и на отдельные страны.

Афганские исследования в Центральной Азии

Тема изучения Афганистана в странах Центральной Азии или афганистика как направление общественных наук является больше областью академических исследований и развивается вне зависимости от существующей ситуации. Цели и задачи академических исследований отличаются от прикладных исследований, то есть оперативной аналитики, которая направлена на принятие политических решений. Не умаляя и не преувеличивая роль первых и вторых, сосредоточим свое внимание на прикладных исследованиях Афганистана в странах нашего региона. Приведенные далее тезисы были разработаны в результате серии экспертных интервью, анализа доступных академических и аналитических материалов, экспертной рефлексии на страницах СМИ и соцсетей, докладов и дискуссий на полях научных и экспертных мероприятий, а также личного общения с практиками и исследователями. Эти тезисы

следует воспринимать как экскурс в понимание прикладных афганских исследований в нашем регионе.

Резюмируя в них главное, можно отметить:

Во-первых, совершенствование афганских исследований.

За годы независимости прикладное изучение политических процессов Афганистана в странах Центральной Азии качественно изменилось. Это происходило по разным причинам. Особое место среди факторов, повлиявших на эти перемены, занимали запросы от ответственных государственных органов, которым необходимо было оказать экспертную поддержку для совершенствования внешней политики или для предупреждения угроз, исходящих с территории Афганистана. В 90-е годы эксперты в некоторых странах региона не имели доступа к текущим процессам Афганистана и формировали свое видение из публикаций иностранных СМИ. С 2015 года позиции и взгляды региональных экспертов по Афганистану начали меняться, и после августа 2021 года этот тренд сохраняется.

Во-вторых, дисбаланс в количестве экспертов.

В странах Центральной Азии, в силу естественных исторических, культурных, языковых, а также политико-экономических связей с Афганистаном, наблюдается дисбаланс в количестве экспертов. В одних странах региона мало экспертов и исследователей, занимающихся афганской проблематикой, в других, наоборот, много. Существует серьезный запрос на подготовку специалистов для проведения в этом направлении точечных исследований. Однако этот тезис не связан со специалистами широкого профиля, которые плавно переходят с одной темы на другую: в 2020 году во время пандемии коронавируса они были вирусологами, в 2021 году – талибановедами, в 2022 году переквалифицировались на российско-украинский, а в 2023 году – на палестино-израильский конфликты, в 2024 году – начали рефлексировать на тему террористических угроз, перейдя в ранг игхорасановедов, и т. д.

В-третьих, формирование собственного видения ситуации в Афганистане и отход от нарративов внешних акторов.

Значимым трендом региональной экспертизы по Афганистану является транслирование страновой повестки и нарративов, а также постепенный отход и дистанцирование от нарративов советской и нынешней российской афганистики. Такому повороту событий способствовали процессы, происходящие после августа 2021 года, когда стало очевидно, что интересы, а также вызовы и угрозы для

стран Центральной Азии в Афганистане отличаются от приоритетов внешних акторов. В экспертном сообществе региона, то есть среди тех, кто занимается разработкой предложений и анализом ситуации для принятия политических решений, утвердилось понимание того, что странам региона необходимо сформировать свою повестку дня по Афганистану и синхронизировать подходы к этой стране. В экспертных интервью и в общении на полях научных и экспертных мероприятий часто звучало мнение о том, что в странах Центральной Азии формируется собственное восприятие политических процессов в Афганистане и того, что представляет собой Талибан. Становлению такого видения способствуют как региональные, так и страновые перспективные проекты, вызовы, риски, угрозы, а также возможности.

В-четвертых, понимание прямого и косвенного влияния Талибан на безопасность стран Центральной Азии.

Эта особенность напрямую связана с третьим тезисом, то есть формированием странового видения ситуации в Афганистане, а также потенциальных вызовов и угроз, исходящих с территории этой страны для государств Центральной Азии. За прошедшие три года Талибан предпринимал противоречивые действия: ***звучали угрозы*** (заявления представителей Талибан и их неофициальных спикеров, а также представителей других террористических организаций в адрес стран региона из-за их позиции и невозврата авиационной техники), ***призывы к миру*** (во время пограничных конфликтов между Таджикистаном и Кыргызстаном в 2021 и 2022 годах), ***предложения тесного сотрудничества*** (неоднократные заявления руководителей Талибан), а также ***выдвигались обвинения*** (несоблюдение Узбекистаном соглашения о поставках электроэнергии в Афганистан; обвинения в адрес Пакистана и Таджикистана в причастности их граждан к террористическим актам в Афганистане). Таким образом, в экспертном сообществе сложилось мнение, что влияние Талибан на безопасность стран региона носит прямой и посредственный характер, то есть напрямую затрагивает Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан, а косвенно – Кыргызстан и Казахстан. Поэтому для стран, граничащих с Афганистаном, это страновая проблема, а для стран, не имеющих общей границы, угрозы, исходящие с территории Афганистана, являются, скорее, проблемой для региона и в меньшей степени – вызовом для них самих.

В-пятых, геополитические аспекты восприятия Талибан и ситуации в Афганистане в странах Центральной Азии.

Особенности этого аспекта можно рассмотреть в трех измерениях:

1. Восприятие ситуации в Афганистане через призму геополитического противостояния в этой стране.

С вводом войск США и НАТО в Афганистан в 2001 году члены международной коалиции использовали территорию и воздушное пространство стран региона для проведения военной операции. Недалеко от Карши находилась база ВВС США (2001-2005), в Термезе – база ВВС Германии (2022-2015), в Кыргызстане – крупнейшая военная база США в регионе (2001-2014), в Таджикистане в аэропорту Душанбе – небольшая база ВВС Франции (2002-2014). Начало военной операции в Афганистане способствовало тому, что Центральная Азия перестала находиться на периферии глобальной политики, и внимание крупных акторов к региону возросло…

Сегодня неизвестно, как поведет себя Талибан. Учитывая тот факт, что среди движения есть сторонники разных крупных игроков, существует большая вероятность, что они будут использованы как инструмент для дестабилизации Китая (особенно СУАР), а также создания проблем для России, которая рассматривает Центральную Азию как зону своих стратегических интересов. К сожалению, для этого есть все основания. За годы присутствия ISAF (Международные силы содействия безопасности) в Афганистане члены террористических организаций поысредством неопознанных вертолетов были переброшены из южных и юго-восточных провинций этой страны и Вазиристана в северные и северо-восточные регионы, граничащие со странами Центральной Азии. Этому процессу также способствовали две пакистанские войсковые операции в Вазиристане – в 2009 и 2014 годах. Крупная войсковая операция с участием 30-тысячной армии Пакистана под названием «Зарб-э-Азб» (Āpreshan Ẓarb-i ʿAẓb) началась 15 июня 2014 года с целью ликвидации, ослабления и погрома пакистанских и иностранных боевиков, в том числе Tehrik-i-Taliban Pakiṡtan (ТТР), Аль-Каиды, Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и других. Таким образом, некогда безопасные и стабильные северные провинции Афганистана стали местом проживания и деятельности иностранных боевиков, в том числе центральноазиатского происхождения. Можно только догадываться об истинных задачах этих военных операций и переброски террористов в провинции, но очевидно, что одной из целей было создание условий для их использования против Китая и России, а также соседних центральноазиатских стран. Поэтому страны ЦА опасаются нового витка геополитического соперничества в Афганистане, которое может создать существенные вызовы для их безопасности и стабильности.

2. Восприятие Талибан через призму обеспечения региональной безопасности.

Наряду с состоянием «в плену ситуации в Афганистане», которое выражается в отношениях стран региона с движением Талибан, существует также дилемма отношения к этой стране: если государства ЦА будут изолировать себя от Афганистана, фактор географии и соседства никуда не денется, угрозы для их безопасности будут исходить от этой страны. Для всестороннего взаимодействия и минимизации угроз необходимо тесное сотрудничество с Афганистаном, однако этому препятствует отсутствие легитимности правительства Талибан. Таким образом, невзирая на обещания Талибан и гарантии внешних акторов о том, что они контролируют Талибан (чего на самом деле не происходит), страны региона в значительной степени проводят политику умиротворения Талибан. Время покажет, насколько это правильно и оправдаются ли надежды стран Центральной Азии.

Анализ ситуации демонстрирует, что во взаимовлиянии между странами Центральной Азии и Талибан в сфере обеспечения безопасности наблюдается доминирование последних. Используя «страх» стран региона, Талибан постепенно добился своих целей. Если страны Центральной Азии смогут сформировать собственный подход к ситуации в Афганистане и взаимоотношениям с Талибан, то у них будет больше возможностей отстаивать свои интересы, решать проблему боевиков и террористических организаций центральноазиатского происхождения, а также обеспечивать региональную безопасность. Для этого необходимо изменить трактовку «региональная безопасность» и включить в понимание «национальной безопасности» положение всех пяти стран – то есть в страновом понимании «национальной безопасности» должно быть отведено фактическое (а не декларативное) место региональной безопасности. Только тогда у стран региона будет больше возможности влиять на Талибан и обеспечивать свою безопасность.

Для этого есть все необходимые инструменты. Так, с вводом войск США и НАТО в Афганистан страны региона оказали содействие разгрому первого правительства Талибан. Если международное сообщество придет к консенсусу о том, что с Талибан необходимо воевать, оно опять может использовать территорию и пространство стран Центральной Азии для осуществления этой цели. Талибан прекрасно знает о таком потенциале и опыте стран региона.

3. Восприятие Талибан как угрозы безопасности отдельных стран Центральной Азии.

С момента прихода к власти в Афганистане Талибан заявил, что с их территории не будет исходить угроз для соседних стран. Центральноазиатские страны добились гарантий своей безопасности от Талибан различными способами: путем предоставления финансовых ресурсов, экономической поддержки в виде гуманитарной помощи, смягчения риторики, лоббирования интересов Талибан на региональном и международном уровнях и т. д. Насколько эффективны такие подходы и «подкуп», остается неизвестным.

В целом, подводя итоги по прикладным афганским исследованиям в Центральной Азии, нельзя не коснуться показателей качественной аналитики в этой области. К ним прежде всего относятся: знание языков, понимание реальной ситуации, доступ к афганским экспертам, активистам гражданского общества и государственным чиновникам. Для понимания происходящего в Афганистане и формирования собственного восприятия экспертам на различных уровнях необходимо иметь доступ к трем источникам: 1) материалы интернет-ресурсов на разных языках, особенно на фарси (дари) и пушту; 2) материалы для служебного пользования; 3) источники внутри Афганистана. Доступ к этим источникам обеспечит качество анализа и восприятия текущих процессов в Афганистане. Если будет доминировать только первый источник (особенно материалы не на языках фарси или пушту), то существует риск неосознанной трансляции нарративов крупных игроков, вовлеченных в процессы в Афганистане. Этот тезис заслуживает более широкого и отдельного рассмотрения в будущем.

Талибан глазами экспертного сообщества центральноазиатских стран

На основе серии экспертных интервью, анализа доступных академических и аналитических материалов, экспертной рефлексии на страницах СМИ и соцсетей, докладов и дискуссий на полях научных и экспертных мероприятий, а также личного общения с практиками и исследователями экспертное восприятие Талибан в странах Центральной Азии можно разделить на следующие группы, каждая из которых имеет свои аргументы и поддержку внутри стран региона и за его пределами.

Первая группа – скептически относятся к Талибан, к диалогу и позитивным отношениям с ним. Эти эксперты не верят, что Талибан

выполнит свои обещания и обязательства, особенно в сфере безопасности, они убеждены, что с территории Афганистана будут исходить риски и угрозы для стран региона.

Вторая группа – рассматривают приход Талибан к власти в Афганистане как естественный процесс развития этой страны (провал попыток модернизации). Они считают Талибан «меньшим злом». По их мнению, если Талибан потеряет свою власть, существует большая вероятность того, что ИГ-Хорасан придет к власти в Афганистане и превратит эту страну в новую Сирию.

Третья группа – придерживаются прагматичного подхода и предлагают использовать относительную стабильность в Афганистане для реализации различных трансрегиональных проектов. Они убеждены, что необходимо работать с реальной властью, которая контролирует Афганистан, и приступить к реализации экономических и инфраструктурных проектов.

Четвертая группа – уверены, что фактор властвования «заставит» Талибан трансформироваться и они потеряют свою «пассионарность». Они не видят угрозы со стороны Талибан и верят, что через убеждение можно их изменить. Они считают, что нужно дать время Талибан, чтобы они проявили себя как ответственное правительство и договороспособный партнер стран региона.

Пятая группа – категорически негативно относятся к власти Талибан в Афганистане и считают их пример насильственного захвата власти угрозой для светской формы власти в регионе, поскольку внутри ЦА есть религиозные группы, которые с надеждой смотрят на пример Талибан и хотели бы повторить их опыт в своих странах. Другой аргумент связан с тем, что религиозные движения после укрепления своей власти начнут ее экспортировать в соседние страны. Они убеждены, что Талибан с идеологической точки зрения не изменился, а стал более прагматичным и лучше ориентируется в международной политике.

Шестая группа – рассматривают ситуацию в Афганистане как угрозу странам и другим крупным игрокам, имеющим постоянные интересы в регионе, то есть видят в этом излишнюю секьюритизацию. Их подход основан на том факте, что без внешнего «зонтика безопасности» страны Центральной Азии не способны самостоятельно реагировать на исходящие вызовы и угрозы с территории Афганистана.

Седьмая группа – относительно позитивно относятся к Талибан по разным причинам: из-за своей должности в государственных

учреждениях, официальной политики страны или из-за поддержки подходов внешних акторов.

Заключение

Приведенный анализ показывает, что в экспертном сообществе региона существуют разные представления о том, что такое Талибан. Такой же тренд наблюдается среди практиков, то есть сотрудников внешнеполитических ведомств и силового блока, которые в большей степени транслируют официальный страновой нарратив. Но представители правоохранительных органов и специальных ведомств всех стран в силу специфики своей деятельности говорят об угрозах и вызовах, исходящих с территории Афганистана. В целом правительственные структуры региона по-разному комментируют ситуацию в Афганистане: говорят как о существующих возможностях, так и о проблемах, используют мягкую риторику или вообще не комментируют. Пока неизвестно, какой будет вторая версия этого движения и как оно будет вести себя в дальнейшем. Скорее всего, по мере изменения ситуации в Афганистане существует вероятность трансформации восприятия Талибан в лучшую или худшую сторону.

В интересах обеспечения безопасности и устойчивого развития стран Центральной Азии, а также расширения региональной кооперации необходимо найти ответы на следующие практические вопросы. Насколько реальны угрозы, исходящие с территории Афганистана, для государств Центральной Азии? Если да/нет, то в чем это выражается? Сможет ли Талибан повлиять на ситуацию в Центральной Азии в области политики, безопасности, экономики и экологии? Если да/нет, то в чем это выражается? Как будет развиваться ситуация в Афганистане в ближайшей перспективе? Что ждет Центральную Азию в ближайшей перспективе с учетом афганского фактора?

Целесообразно институционализировать обсуждение афганского фактора, отказаться от практики проведения «торжественных» и «протокольных» мероприятий, перейти к проведению постоянно действующих экспертных заседаний, начать подготовку совместных книг, аналитических докладов и других материалов с участием исследователей всех стран региона по вышеуказанным и другим вопросам и предоставлять их структурам, ответственным за принятие политических решений.

Махмудов Рустам
Университет мировой экономики и дипломатии
доцент, ведущий научный сотрудник Института
перспективных международных исследований
Узбекистан, Ташкент

Социоэкономическая политика Талибан и перспективы модернизации Афганистана

Оценивая социоэкономическую политику Талибан в период 2021-2024 гг., нужно начать с того тяжелого положения, в котором оказался Афганистан после коллапса правительства Ашрафа Гани и вывода западных военных контингентов.

Прежде всего, новая власть лишилась западной финансовой помощи, которая формировала до 75 % бюджета правительства Ашрафа Гани и 45 % ВВП Афганистана [1]. В этот же период в западных банках были заморожены $9,5 млрд афганских средств, а инфляция стала бить рекорды. Только 18 августа 2021 года курс афгани повысился с 81 до 100 за 1 доллар США [2]. Даже спустя четыре месяца после захвата Кабула Талибан не мог совладать с инфляцией и обесцениванием афганы. 14 декабря 2021 года афгани обесценился за один день на 12 % по отношению к доллару [3].

Инфляция и кризис финансово-банковской системы стали причиной резкого снижения торгово-экономической, инвестиционной, кредитной и потребительской активности в Афганистане. По итогам 2021 года ВВП упал на 20,7 %, а ВВП на душу населения сжался до $368,80, что привело к резкому снижению уровня жизни [4]. По данным Международной организации труда ООН, по состоянию на январь 2022 года более 500 тыс. афганцев потеряли работу [5].

В ноябре 2022 года ООН призвала к срочным действиям по поддержке банков Афганистана, предупредив, что «резкий рост числа людей, неспособных выплачивать кредиты, снижение депозитов и дефицит ликвидности наличных денег могут привести к краху финансовой системы в течение нескольких месяцев». Также ПРООН заявила, что экономические издержки краха банковской системы и последующие негативные социальные последствия «будут колоссальными» [6]. На этом фоне возникла угроза масштабного гуманитарного кризиса, поскольку, по оценкам Мировой продовольственной программы ООН, на тот момент в стране с острым голодом столкнулись 23 из 40 млн афганцев [7].

Одновременно с этим в 2021 году Афганистан накрыла сильнейшая засуха, которая затронула более 80 % территории страны и вызвала рост количества внутренне перемещенных лиц до 700 тыс. человек [8].

Очевидно, что все это стало мощнейшим вызовом для Талибан, лидерам которого необходимо было как можно скорее стабилизировать ситуацию, так как в противном случае власть движения могла бы серьезно пошатнуться.

Меры, принятые Талибан для решения социально-экономических проблем в 2021-2022 гг.

Понимание экзистенционального характера этого вызова стало для лидеров Талибан фактором сплочения и поиска эффективных путей решения появившихся проблем. В период 2021-2022 гг. приоритетное внимание было уделено упорядочиванию ситуации в области частного бизнеса и торговли, которые рассматривались как источники экстренного поступления необходимых финансовых средств.

Оценку эффективности принятых талибами мер показывают несколько раундов исследования частного бизнеса, проведенного Всемирным банком. Как показал **Второй раунд** оценки бизнес-среды в Афганистане, результаты которого были опубликованы Всемирным банком (ВБ) в сентябре 2022 года, талибы существенно улучшили ситуацию с коррупцией в налоговой и таможенной сферах. Менее 10 % опрошенных фирм сообщили, что совершали неофициальные платежи с августа 2021 года, по сравнению с 82 % опрошенных – за предыдущий период[1].

Также движение «Талибан» сумело улучшить ситуацию с безопасностью в стране, что было позитивно воспринято бизнесом. Опросы ВБ показали, что большинство респондентов отметили улучшение ситуации в области безопасности по сравнению с ноябрем 2021 года.

Это в свою очередь снизило уровень неопределенности у бизнеса в отношении будущего. Чуть более 10 % опрошенных фирм указали неопределенность в числе основных ограничений для их бизнеса. Гораздо большей проблемой для почти половины респондентов стало отсутствие потребительского спроса [9].

[1] Первый раунд исследования пришелся на октябрь-ноябрь 2021 года и включал в себя проведение экспресс-опроса среди 100 официально зарегистрированных предприятий из частного сектора.

В то же время исследование показало наличие на тот период нескольких проблем в экономике, которые во многом были связаны с внутренней и внешней политикой Талибан.

Во-первых, проблема участия женщин в экономической деятельности. Исследование ВБ показало, что среди компаний, принадлежащих женщинам, 45 % отметили улучшение ситуации в области безопасности, а 41 % – ухудшение. Для сравнения, более 2/3 фирм, принадлежащих мужчинам, указали на улучшение ситуации с безопасностью с ноября 2021 года, лишь 11 % посчитали, что ситуация ухудшилась. Кроме того, именно компании, владельцами которых являлись женщины, особенно сильно пострадали от ограничений экономической деятельности женщин, что приводило к потере ими доходов. Также при реализации компаниями стратегии увольнения для смягчения риска потери доходов непропорционально сильно страдали женщины-работницы [9].

В значительной степени на ухудшение позиций женщин в экономической сфере повлияла средневековая гендерная политика талибов, которая началась с 2021 года и продолжилась затем в течение 2022-2023 гг. Эту политику United States Institute of Peace назвал «вычеркиванием афганских женщин из общественной жизни», а Ванда Фелбаб-Браун, старший научный сотрудник (Vanda Felbab-Brown, Senior Fellow – Foreign Policy) Strobe Talbott Center for Security, Strategy and Technology, определила ее как «гендерный апартеид» [10; 11].

Во-вторых, сложности с совершением транзакций на международном уровне, получением доступа к импортным ресурсам и экспортным рынкам, а также проблемы со снижением доверия к национальной банковской системе. Во многом это было связано с отказом Талибан выполнить требование Запада по созданию подлинного инклюзивного правительства, что повлекло за собой трудности в работе с международными финансовыми институтами и донорами. По состоянию на сентябрь 2022 года афганские компании все чаще стали использовать наличные деньги и институт «хавала» при осуществлении транзакций на местном и международном уровнях для получения кредитов на развитие бизнеса. Более четверти опрошенных ВБ компаний и почти половина малых фирм «выразили предпочтение получению кредитов от семьи и друзей, поскольку доступ к более формальным каналам кредитования был затруднен с августа 2021 года» [9].

В-третьих, проблемы с качеством кадров, которые были назначены Талибан на ключевые должности в областях, связанных с частным

бизнесом. 60 % опрошенных компаний, обратившихся за помощью к Временной администрации Талибан по вопросам торговли, налогообложения и ограничений на экономическую деятельность женщин, заявили, что их проблемы не были решены. Среди главных причин были названы недостаток знаний и опыта в отношении административной работы и отсутствие реакции на поднятые вопросы [9].

Среди плюсов, которые можно было бы записать в актив талибам в 2022 году, можно отметить выход на уровень 2020 года по сборам налогов – $2 млрд [4]. Основным их источником были регрессивные косвенные налоги, взимаемые на границах: пограничные налоги составили 57 % от общего объема поступлений. Также значительно возросли роялти и сборы с добычи природных ископаемых. Повышение объемов поступлений стало результатом ужесточения контроля талибов над пограничной торговлей и внутренней экономической деятельностью [12].

Талибы смогли стабилизировать систему внешней торговли. В 2022 году Афганистан отправил на экспорт товаров на рекордную сумму $1,9 млрд. Импорт в свою очередь составил $6,3 млрд без учета гуманитарного импорта в натуральной форме [12]. В 2020 году при правительстве Ашрафа Гани показатели экспорта товаров составили $732 млн, а импорта – почти $7,2 млрд [13].

В то же время товарная структура экспорта не изменилась по сравнению с прошлыми годами. Ее основу составляли свежие и сушеные фрукты, овощи, орехи, имбирь, шафран, растительные соки и экстракты, уголь, ковры. Для диверсификации экспорта необходимо было развитие промышленности с фокусом на производство товаров с высокой добавленной стоимостью. Однако, как показал первый бюджет новой афганской власти, принятый в марте 2022 года, у талибов просто не было средств на это.

По данным АБР, приостановка бюджетной помощи в целях развития привела к сокращению расходов на развитие на 80 % с 2020 года [4]. Ограниченность ресурсов показывает бюджет Афганистана на первый квартал 2022 года, в котором на цели развития было выделено всего $56 млн или 9 % от общего национального бюджета [14]. В целом в первом бюджете ожидался дефицит в $501 млн [15].

Говоря об усилиях Талибан решить острейшие социально-экономические проблемы в Афганистане в 2022 году, нельзя не отметить фактор финансово-гуманитарной помощи со стороны стран мирового сообщества, включая Запад. Без этой помощи вероятность коллапса

власти талибов была бы очень высока. Согласно данным Азиатского банка развития, «гуманитарная помощь в 2022 году, включая прямые денежные выплаты в размере $2 млрд долларов США, частично смягчила кризис, поддержав предоставление основных услуг, влив ликвидность на рынок и снизив волатильность обменного курса в отсутствие регулярных аукционов по доллару США со стороны центрального банка» [4].

Меры, принятые Талибан для решения социально-экономических проблем в 2023-2024 гг.

Пережив сложнейший начальный период своего пребывания у власти и приобретя некоторый опыт управления, талибы в 2023-2024 гг. продолжили политику социально-экономической стабилизации Афганистана.

Однако, как показал **Третий раунд** оценки бизнес-среды в Афганистане, проведенный ВБ в 2023 году, несмотря на продолжающееся улучшение ситуации в некоторых сегментах, в целом каких-то радикальных прорывов в поле частного бизнеса не произошло[2]. Во многом вопрос упирается, по мнению экспертов ВБ, в целый ряд ключевых ограничений, которые мешают частному сектору Афганистана стать самодостаточным эндогенным двигателем роста для восстановления экономики. Среди них можно выделить следующие:

- растущее чувство беспокойства у частного бизнеса по поводу экономического будущего Афганистана;
- сохраняющиеся проблемы с банковским сектором, такие как ограниченная функциональность, отсутствие ликвидности и трудности с доступом к банковским кредитам, сложности с осуществлением внутренних и международных транзакций;
- постоянная зависимость от хавалы как основного механизма решения деловых проблем у большинства опрошенных фирм;
- падение спроса на товары и услуги;
- низкий уровень занятости;
- опасения по поводу ограничений экономической деятельности женщин (количество опрошенных в 3 раунде компаний, сообщивших об отсутствии женщин-сотрудников, увеличилось до 50 %), хотя

[2] В исследовании приняли участие 422 фирмы из пяти провинций Афганистана с самой высокой концентрацией официальных предприятий: Кабул, Балх, Герат, Кандагар и Нангархар.

на официальном уровне талибы заявляют, что они всячески поддерживают женщин-предпринимателей (из 50 тыс. малых предприятий в стране более 9 тыс. компаний принадлежит женщинам) [16];

- проблемы, связанные с недостатками в предоставлении государственных услуг [17].

В дополнение к оценкам ВБ, Transparency International резко понизил позиции Афганистана в рейтинге Corruption Perception Index. Если в 2022 году Афганистан занял 150-е место среди 180 стран, то в рейтинге 2023 г. – 162-е место, показав резкое падение. При этом талибы, реагируя на ухудшение позиций страны в рейтинге, показали определенный оптимизм. Официальный представитель Талибана Забиулла Муджахид заявил: «Тот факт, что [оценка] Афганистана снизилась на 4 балла по сравнению с прошлым годом, не означает, что коррупция в Афганистане возросла, а что уровень прозрачности некоторых стран мог повыситься» [18].

Талибам не удалось переломить ситуацию с дефицитом во внешней торговле, которая наблюдалась еще при президентах Хамиде Карзае и Ашрафе Гани. В 2023 году Афганистан импортировал товаров на $7,8 млрд, что на 23 % ($6,3 млрд) больше показателя 2022 г. Таким образом, дефицит составил $5,9 млрд, увеличившись на 34 % (4,4 млрд) по сравнению с 2022 г. Основными товарами, на которые пришлось совокупно 50 % импорта, стали продовольствие ($1,7 млрд), минералы ($1,6 млрд) и текстиль ($0,72 млрд). Крупнейшими партнерами по импорту стали Иран (23 %), Пакистан (19 %), Китай (15 %) и ОАЭ (15 %) [13]. Серьезная диспропорция наблюдалась и в торговле со странами ЦА. В первом полугодии 2024 года Афганистан импортировал из ЦА товаров на $571 млн, а экспортировал – всего на $58 млн при общем объеме экспорта почти $700 млн [19].

Также на правительство Исламского Эмирата Афганистан продолжала оказывать давление угроза гуманитарного кризиса, поскольку внутренних ресурсов было недостаточно для взятия под контроль ситуации. По данным ООН, в 2024 году число нуждающихся в гуманитарной помощи афганцев оценивалось в 23,7 млн человек. Однако к 15 мая в рамках Плана по удовлетворению гуманитарных потребностей Афганистана на 2024 год было собрано лишь 16,2 % от суммы в 3,06 млрд долл. США, требуемой для удовлетворения потребностей 17,3 млн человек [20].

В принципе, исследование ВБ 2023 года показало предел роста афганской экономики за счет тех мер, которые были приняты талибами

в 2021-2022 гг. Предел связан с небольшой покупательной способностью афганских потребителей. Несмотря на 40-миллионное население, Афганистан остается в числе беднейших стран мира, при показателе ВВП на душу населения в $422,23 (2022 г.) [21].

Одним из индикаторов достижения предела роста за счет уже принятых мер можно считать удорожание ведения бизнеса из-за принимаемых талибами действий по повышению сборов налогов. Как показали результаты Третьего раунда исследования ВБ, большинство из опрошенных фирм сообщили об увеличении общей стоимости ведения бизнеса для малых и средних фирм в период с июня 2022 года по март 2023 года по причине ужесточения процедур сбора налогов, строгого применения налоговых режимов и нормативных обязательств. Половина респондентов в Третьем раунде исследования ВБ отметили увеличение расходов на таможенную очистку товаров и более длительные процедуры фискальных платежей по сравнению с ситуацией до августа 2021 года [17].

В этой связи перед талибами встал вопрос о создании новых внутренних стимулов для запуска экономического роста, и ставка была сделана на большие экономические проекты и инициативы, способные создать миллионы рабочих мест.

Курс Талибан на запуск больших проектов

Крупные экономические проекты и инициативы можно разделить на пять больших групп.

Источник 1. Развитие сельского хозяйства за счет расширения посевных площадей и системы орошения.

Одним из крупных экономических проектов, запущенных Талибан еще в 2022 году, стало начало строительства канала «Коштепа» длиной 280 км и шириной 100 м. Источником воды для канала является река Амударья. По предварительным данным, канал позволит оросить более 500 тыс. га земель в северных провинциях Балх, Джаузджан и Фарьяб, тем самым создав новые рабочие места и источники доходов для местного населения.

Ввод в оборот новых сельскохозяйственных земель должен увеличить экспорт продовольствия, которое является главным источником поступления валюты. В 2023 году основными экспортными товарами были продовольствие ($1,3 млрд), текстиль ($281 млн) и уголь ($257 млн). Крупнейшими экспортными направлениями стали Пакистан

и Индия с долями 54 % и 31 % соответственно [13]. Далее среди ведущих экспортных рынков – ОАЭ, Узбекистан, Турция и Иран.

Источник 2. Создание инфраструктуры в области водопользования и гидроэнергетики.

Проекты в этой области должны одновременно придать импульс развитию сельского хозяйства и промышленного производства. Среди реализуемых в настоящее время проектов можно отметить строительство китайским бизнесом трех плотин гидроэлектростанций вдоль реки Кунар в регионах Шал, Саги и Сартак. Ожидается, что каждая из них будет вырабатывать около 700 мегаватт электроэнергии [22].

Также сохраняют свою актуальность планы по строительству 12 плотин на реке Кабул, которые были намечены еще предыдущими властями. В области гидроэнергетики Талибан рассчитывает на продолжение сотрудничества с Индией (завершение строительства плотины Шахтут возле Кабула) и Россией (завершение строительства плотины Мачалго на реке Джелга в провинции Пактия) [23].

Источник 3. Развитие транспортной инфраструктуры.

Согласно официальной статистике Министерства общественных работ на август 2024 г., в течение прошедшего года из 109 проектов по обслуживанию и поддержанию в рабочем состоянии дорог и автомагистралей были реализованы 85; также 24 проекта находятся в стадии реализации, в том числе реконструкция Саланга, шоссе «Кабул – Кандагар», вторая полоса автодорог «Кабул – Джелалабад», «Кабул – Логар», «Кабул – Газни» и афганской кольцевой дороги. Все эти проекты позволили создать 15 тыс. рабочих мест и косвенно вовлечь 90 тыс. человек. В числе перспективных инфраструктурных проектов названо строительство второго туннеля на перевале Саланг, Трансафганской железной дороги [24].

Источник 4. Привлечение инвестиций в горную добычу и промышленность.

Согласно данным исполняющего обязанности министра промышленности и торговли Нуруддина Азизи, за последние три года в Афганистан было инвестировано более $7 млрд, из которых $500 млн были направлены в промышленный сектор [16].

Значительные инвестиции были привлечены в горнодобывающий сектор экономики. Согласно данным Министерства горнодобывающей

промышленности и нефти, в разработку небольших шахт были привлечены 10 млрд афгани от афганских бизнесменов, а также $7 млрд – в 30 крупных шахт на основе контрактов с китайскими, иранскими, турецкими и катарскими бизнесменами. В настоящее время во всех проектах Министерства горнодобывающей промышленности и нефти, связанных с добычей драгоценных и полудрагоценных камней, золота, нефти и газа, напрямую или косвенно работают 150 тыс. человек [25].

Большие надежды Талибан возлагает на китайское инвестирование в горнодобывающий сектор. В январе 2023 года был подписан контракт с Xinjiang Central Asia Petroleum and Gas Company (CAPEIC) на добычу нефти в этом регионе. В первый год китайская компания должна будет инвестировать $150 млн, а в последующие три года – еще $540 млн. Суточная добыча нефти должна составить от 1 000 до 20 000 тонн. Первоначальная доля Талибан в сделке – 20 %, с последующим увеличением до 75 % [26]. По состоянию на февраль 2024 года китайская компания инвестировала $49 млн, выйдя на ежедневную добычу в 1,100 метрических тонн. Доходы Афганистана от этого проекта составили $26 млн в 2023 г. [27].

Также в июле 2024 года China Metallurgical Group Corporation (MCC) и правительство Талибан официально начали разработку второго крупнейшего месторождения меди в мире «Мес-Айнак» с запасами 11,5 млн тонн руды. Соглашение стоимостью 3 млрд долларов было заключено еще 2008 г., но из-за нестабильности его реализация была отложена на 16 лет [28].

Интересными для китайских инвесторов могут быть потенциально перспективные месторождения лития и редкоземельных металлов, которые наряду с медью составляют «кровь» Четвертой промышленной революции. Это показывают прошедшие в апреле 2023 года переговоры между китайской компанией Gochin и министром горнодобывающей промышленности и нефти Афганистана Шахабуддином Делаваром. Китайская компания предложила инвестировать $10 млрд в добычу лития и создать рабочие места для 120 тыс. человек. Однако афганская сторона предпочла взять паузу, по всей видимости, стремясь получить лучшие условия. Как заявил пресс-секретарь Министерства горнодобывающей промышленности и нефти Хамаюн Афган: «Мы не торопимся с литийным контрактом, мы не будем предпринимать поспешных шагов и действий в этом отношении. Мы не обязаны отдавать этот контракт только Китаю» [29].

Источник 5. Возвращение ранее вывезенных афганских капиталов на родину.

Официальные лица Талибан называют фантастические для этой бедной страны цифры бегства капитала после 2021 года. По словам Шербаза Каминзада, главы Палаты промышленности и горной добычи, после прихода к власти Исламского Эмирата более миллиона афганцев стали беженцами, и если каждый из них взял с собой по $30 тыс., то это привело к оттоку около $33 млрд. В свою очередь исполняющий обязанности министра промышленности и торговли Нуруддин Азизи привел данные о том, что афганские инвесторы вложили более $150 млрд в Турцию, Объединенные Арабские Эмираты и Пакистан, причем $95 млрд из этой суммы было инвестировано только в Турцию [30].

Более реальную картину, как представляется, показывают иранцы. По данным «Совместной ирано-афганской торгово-промышленной и сельскохозяйственной палаты», афганцы инвестировали в Иран около $3 млрд, и по состоянию на июль 2024 года 50 % зарегистрированных в Иране иностранных компаний принадлежали афганцам [30]. Согласно данным «Департамента регистрации собственности» Ирана, с 2021 года в Иране было создано 6 409 иностранных компаний, в настоящее время 5 987 из них действуют.

Приток афганских бизнесменов и капиталов в ИРИ был вызван падением правительства Ашрафа Гани, ростом угроз безопасности и экономической нестабильности. Несмотря на призывы талибов к бизнесу вернуться на родину, пока этот процесс идет довольно вяло из-за проблем в афганской банковской сфере и на потребительском рынке [31].

Заключение

За прошедшие три года Талибан, безусловно, многое сделал для стабилизации социально-экономической ситуации в Афганистане. Однако пока рано говорить о выходе страны на устойчивую траекторию экономического роста и социальной стабильности. Тем не менее сегодня уже можно сделать некоторые предварительные выводы.

Так, анализируя предпринимаемые талибами шаги, становится вполне очевидным, что Афганистан идет по пути развития экстрактивных экономических институтов, опирающихся на дешевую и низкоквалифицированную рабочую силу, разработку и экспорт ресурсов и товаров с низкой добавленной стоимостью. В то же время отказ Талибан

от создания инклюзивной политической системы с ее плюралистическими институтами запускает процесс дальнейшей эволюции эксклюзивных политических институтов, которые сегодня имеют место в Афганистане. Дальнейшая эволюция этих институтов будет заключаться в том, что политические и экономические ресурсы станут все больше концентрироваться в руках определенных групп влияния внутри Талибан и связанных с ними бизнес-кругов, как показали работы американских исследователей Дарона Аджемоглу и Джеймса А. Робинсона. Конечно, доминирование экстрактивных институтов не исключает общего экономического развития в Афганистане. Вопрос состоит пока в том, как долго продлится рост.

На настоящий момент можно выделить три конкурирующие за ресурсы группы влияния, которые работают в рамках экстрактивной политико-экономической системы.

Группа 1. Экономические прагматики и технократы. В экспертной среде их называют «Кабульской группой», в которую входят представители временного правительства Исламского Эмирата Афганистан, базирующегося в Кабуле и непосредственно вовлеченного в проекты экономического развития и привлечения иностранных инвестиций и технологий.

Группа 2. Идеологи. Их центром концентрации является Кандагар, где располагается штаб-квартира духовного лидера Талибан Хайбатуллы Ахундзады [20]. Они пытаются навязать свое средневековое фундаменталистское видение на организацию жизни социума, экономики и системы образования и благодаря этому стать главными бенефициарами в области политики и экономики. Одним из ретрансляторов идей этой группы является «Министерство пропаганды добродетели и предотвращения порока», которое инициирует введение целого ряда ограничений, негативно влияющих на социально-экономическое развитие Афганистана. Именно от него исходят предложения по ограничению участия женщин в экономике и социальной жизни. Из-за вводимых идеологами запретов страдают индустрии красоты, музыки и развлечений, происходит массовое увольнение специалистов. Среди недавних примеров можно привести увольнение 25,6 тыс. сотрудников IT-компаний за распространение так называемого «вульгарного кино» [32].

Группа 3. Силовики. Ее представители делают акцент на необходимости постоянного повышения потенциала силовых органов для укрепления власти Талибан и стабильности в Афганистане. Выполнение этой задачи требует больших финансовых ресурсов. По попавшим в сеть данным, в бюджете на 2023-2024 гг. силовым структурам выделено $1,1 млрд, что составляет более 50 % от всех налоговых и таможенных сборов [33]. При этом Идеологическая группа также пытается влиять на силовые структуры. В 2023 году был уволен 281 сотрудник служб правопорядка – те, кто не отрастил бороду. Это нарушение принятого в марте 2022 года постановления об обязательном ношении бороды всеми государственными служащими [32].

Для дальнейшего экономического развития также огромное значение будет иметь способность Талибан профессионально играть на дипломатическом поле в целях привлечения инвестиций, технологий и открытия рынков сбыта. Пока эта игра ведется довольно успешно, особенно на региональном уровне. Практически все граничащие с Афганистаном страны восстановили торгово-экономические отношения и рассматривают талибов как партнеров в реализации масштабных трансрегиональных инфраструктурных проектов. В данном случае срабатывает их желание скорейшей стабилизации Афганистана и получения экономических выгод.

Однако на международном уровне не все так однозначно, и именно здесь находится серьезный источник неопределенности для будущих экономических планов Талибан. Речь идет о нарастающем геополитическом соперничестве между Западом с одной стороны, а с другой – Китаем, Россией и Ираном.

Для Талибан было бы выгодно, если бы конкурирующие глобальные и региональные акторы развернули вокруг них «позитивную конкуренцию» – чтобы внешние игроки стремились за счет инвестиций и официального признания перетянуть новые афганские власти на свою сторону. В то же время наиболее невыгодным для талибов будет сценарий «негативной конкуренции», которая может превратить Афганистан в одну из площадок назревающей новой Холодной войны, что отрицательно скажется на экономическом развитии этой страны.

Какой из двух сценариев станет реальностью, во многом будет зависеть от исхода президентских выборов в США, и, судя по звучащим сегодня заявлениям от ряда бывших и действующих политиков,

в случае победы кандидата от Республиканской партии вполне реально ожидать ужесточения курса Вашингтона в отношении Исламского Эмирата Афганистан.

Литература

1. Christina Goldbaum. Afghan Economy Nears Collapse as Pressure Builds to Ease U.S. Sanctions // The New York Times. – 2021. – November 27 // https://www.nytimes.com/2021/11/27/world/asia/afghanistan-economy-collapse-sanctions.html (last accessed 03 September 2024).
2. Matt Egan. Afghanistan's currency crumbles to record lows // CNN Business. – 2021. – August 18 // https://edition.cnn.com/2021/08/18/business/afghanistan-currency-taliban/index.html (last accessed 03 September 2024).
3. James Mackenzie, Mohammad Yunus Yawar. Afghan central bank moves to halt currency slide as crisis deepens // Reuters. – 2021. – December 14 // https://www.reuters.com/markets/currencies/afghanistan-central-bank-says-it-is-acting-halt-currency-slide-2021-12-14/ (last accessed 03 September 2024).
4. Afghanistan – Asian Development Outlook // Asian Development Bank. –2023. – April // https://www.adb.org/sites/default/files/publication/863591/afg-ado-april-2023.pdf (last accessed 03 September 2024).
5. Robin Gomes. Afghanistan has lost 500,000 jobs under Taliban // Vatican News. – 2022. – January 20 // https://www.vaticannews.va/en/world/news/2022-01/afghanistan-ilo-half-million-job-losses-under-taliban.html (last accessed 03 September 2024).
6. Michelle Nichols. U.N. warns of 'colossal' collapse of Afghan banking system // Reuters. – 2021. – November 23 // https://www.reuters.com/business/finance/exclusive-un-warns-colossal-collapse-afghan-banking-system-2021-11-22/ (last accessed 03 September 2024).
7. Shabnam von Hein. Afghanistan: Can the Taliban avert a food crisis without foreign aid? // Deutsche Welle. – 2021. – November 11 // https://www.dw.com/en/afghanistan-can-the-taliban-avert-a-food-crisis-without-foreign-aid/a-59790464 (last accessed 03 September 2024).
8. Afghanistan: Worst drought and hunger crisis in decades // IFRC. – 2021. – December 02 // https://www.ifrc.org/press-release/afghanistan-worst-drought-and-hunger-crisis-decades (last accessed 03 September 2024).
9. Afghanistan private sector survey. An Assessment of the Business Environment – Round 2 // The World Bank Group. – 2022. – September // https://thedocs.worldbank.org/en/doc/25bc69f199bac8b41cc393c9d964e4

0f-0310012022/original/AFG-PSRS-R2-Report-Final.pdf (last accessed 03 September 2024).
10. Tracking the Taliban's (Mis)Treatment of Women. An interactive graphic illustrating how the Taliban are attempting to erase Afghan women from public life // United States Institute of Peace. – 2023. – June // https://www.usip.org/tracking- talibans-mistreatment-women (last accessed 03 September 2024).
11. Vanda Felbab-Brown. The Taliban's three years in power and what lies ahead // Brookings. – 2024. – August 14 // https://www.brookings.edu/articles/the-talibans-three-years-in-power-and-what-lies-ahead/ (last accessed 03 September 2024).
12. Afghanistan Overview. The World Bank in Afghanistan // The World Bank Group. – 2023. – April 3 // https://www.worldbank.org/en/country/afghanistan/overview (last accessed 03 September 2024).
13. Foreign trade figures of Afghanistan // lloyds Bank. – 2023. – June // https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/afghanistan/trade-profile (last accessed 03 September 2024).
14. Ibrahim Khan. Fiscal Governance Under the Taliban: an analysis of the first Afghan national budget since the fall of the republic // CESR. – 2022. – March 09 // https://www.cesr.org/fiscal-governance-under-the-taliban-an-analysis-of-the-first-afghan-national-budget-since-the-fall-of-the-republic/ (last accessed 03 September 2024).
15. Mohammad Yunus Yawar. Taliban's first annual Afghan budget foresees $501 million deficit // Reuters. – 2022. – May 14 // https://www.reuters.com/world/asia-pacific/talibans-first-annual-afghan-budget-foresees-501-million-deficit-2022-05-14/ (last accessed 03 September 2024).
16. Sabria Abdal. Azizi: Over $7 Billion Invested in the Last 3 Years // Tolo News. – 2024. – August 16 // https://tolonews.com/index.php/business-190254 (last accessed 04 September 2024).
17. Afghanistan private sector survey. An Assessment of the Business Environment – Round 3 // The World Bank Group. – 2024. – February // https://thedocs.worldbank.org/en/doc/98d79f4be6e9604798353078fab5e480-0310012024/original/Afghanistan-Private-Sector-Rapid-Survey-Round-3.pdf (last accessed 04 September 2024).
18. Besmellah Zahidi. Global Transparency Index Challenges Claims that the Taliban Reigned In Corruption // Kabul Now. – 2024. – January 31 // https://kabulnow.com/2024/01/global-transparency-index-challenges-claims-that-the-taliban-reigned-in-corruption/ (last accessed 04 September 2024).

19. Afghanistan's international trade reaches $5.2 billion in first half of 2024 // ILKHA. – 2024. – July 27 // https://ilkha.com/english/world/afghanistans-international-trade-reaches-$52-billion-in-first-half-of-2024-407069 (last accessed 04 September 2024).
20. Доклад Генерального секретаря ООН. Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности // ООН. – 2024. – 13 июня // https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/154/73/pdf/n2415473.pdf (last accessed 04 September 2024).
21. Afghanistan: Gross domestic product (GDP) per capita in current prices from 2006 to 2022 // Statista. – 2024. // https://www.statista.com/statistics/262052/gross-domestic-product-gdp-per-capita-in-afghanistan/ (last accessed 04 September 2024).
22. Chinese firm investing in generation of over 2000 megawatts of electricity in Kunar // Islamic Emirate of Afghanistan. – 2024. – July 29 // https://www.alemarahenglish.af/chinese-firm-investing-in-generation-of-over-2000-megwatts-of-electricity-in-kunar/ (last accessed 04 September 2024).
23. Afghanistan 'Unleashes' Hydro Power On Pakistan; Dam On Kunar River Powers Taliban, Haunts Neighbors // EurAsian Times. – 2023. – December 27 // https://www.eurasiantimes.com/afghanistan-unleashes-hydro-power-on-pakistan-dam/ (last accessed 04 September 2024).
24. Public Works Ministry Completed 85 Projects, Plans 2nd Salang Highway // Tolo News. – 2024. – August 13 // https://tolonews.com/index.php/business-190210 (last accessed 04 September 2024).
25. Habib Rahman Qooyash. Major Investments Made in Mining Sector: Ministry // Tolo News. – 2024. – April 11 // https://tolonews.com/index.php/business-188239 (last accessed 04 September 2024).
26. Ruchi Kumar, Hikmat Noori. Will China's latest investment in Afghanistan actually work? // Al-Jazeera. – 2023. – February 27 // https://www.aljazeera.com/economy/2023/2/27/will-chinas-latest-investment-in-afghanistan-actually-work (last accessed 04 September 2024).
27. Akmal Dawi. Afghan Oil Production Jumps With $49 Million Chinese Investment // Voice of America. – 2024. – February 06 // https://www.voanews.com/a/afghan-oil-production-jumps-with-49-million-chinese-investment-/7473728.html (last accessed 05 September 2024).
28. China Breaks Ground On Massive Afghan Copper Mine After 16 Years Of Delays // Radio Azadi. – 2024. – July 25 // https://www.rferl.org/a/china-afghanistan-mes-aynak-copper-mining/33050447.html (last accessed 05 September 2024).

29. Parwiz Karokhail. Taliban in ‘no hurry’ to agree $10bn lithium deal with China // Arab News. – 2023. – May 02 // https://www.arabnews.com/node/2296046/world (last accessed 05 September 2024).
30. Bibi Amina Hakimi. Media: 50 % of Foreign-Registered Companies in Iran Owned By Afghans // Tolo News. – 2024. – July 12 // https://tolonews.com/index.php/business-189697 (last accessed 05 September 2024).
31. Half of foreign companies registered in Iran belong to Afghan nationals: Official // Amu TV. – 2024. – June 09 // https://amu.tv/102982/https://amu.tv/102982/ (last accessed 05 September 2024).
32. Сарханянц К. Все солдаты бородаты, все афганцы без греха // Коммерсантъ. – 2024. – 21 августа // https://www.kommersant.ru/doc/6906215 (last accessed 05 September 2024).
33. Rustam Seerat. Analyzing the Taliban budget for 2023-24: Prioritizing military spending over citizen welfare // Zan Times. – 2023. – May 11 // https://zantimes.com/2023/05/11/analyzing-the-taliban-budget-for-2023-24-prioritizing-military-spending-over-citizen-welfare/ (last accessed 05 September 2024).

II. ТАЛИБАН И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: СОСТОЯНИЕ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ (ВОДА, ТЕРРОРИЗМ, ИДЕОЛОГИЯ, СИНТЕТИЧЕСКИЕ НАРКОТИКИ)

Зиганшина Динара
Научно-информационный центр Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии
директор, доктор юридических наук
Узбекистан, Ташкент

Афганистан и Центральная Азия: международно-правовое регулирование водных отношений

Афганистан, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан и Кыргызстан (в незначительной доле) являются странами бассейна реки Амударья, одной из самых водоносных рек Центральной Азии (среднегодовой объем стока 79,3 км^3). Амударья образуется слиянием рек Пяндж и Вахш, на долю которых приходится соответственно 43 % и 25 % объема стока.

Различают малый и большой бассейны реки Амударья. Малый бассейн включает водосборную площадь и зону влияния ствола реки и ее основных притоков – Пяндж, Вахш, Кундуз, Кафирниган, Шерабад, Сурхандарья. Большой бассейн также включает реки, впадавшие ранее в реку Амударья, но в настоящее время утратившие с ней гидрологическую связь, а именно Заравшан, Кашкадарья, Мургаб, Теджен (Герируд), Атрек, а также реки северного Афганистана – Балх, Хульм, Сарыпуль и Кайсар[1].

Начатое в марте 2022 г. строительство крупного ирригационного канала Кош-Тепа, с водозабором на левом берегу реки Амударья в уезде Кальдар провинции Балх, недалеко от границы Таджикистана и Узбекистана, подняло вопросы, касающиеся международно-правового регулирования водных отношений между прибрежными странами бассейна.

Международное водное право регламентирует взаимоотношения субъектов международного права в сфере использования, управления и охраны трансграничных вод. Оно определяет права и обязанности субъектов права, предоставляет инструменты для обеспечения целостности

[1] Будущее бассейна Амударьи в условиях изменения климата / Под общ. ред. проф. В.А. Духовного. – Ташкент: НИЦ МКВК Центральной Азии, 2018. – 328 с. // http://cawater-info.net/projects/peer-amudarya/pdf/peer-amudarya-final-book.pdf

и согласованности правового режима (мониторинг, соблюдение, разрешение споров) и позволяет вносить изменения в существующую систему (адаптация).

Основными источниками международного водного права являются многосторонние, региональные, субрегиональные и двусторонние договоры, а также обычные нормы международного водного права.

В данной статье представлен краткий обзор ключевых правовых инструментов, регламентирующих взаимоотношения между странами бассейна реки Амударья по водным вопросам.

Соглашения по трансграничному водопользованию в бассейне реки Амударья между странами Центральной Азии

Вопросы трансграничного водопользования в рамках малого бассейна реки Амударья регулируются странами Центральной Азии (без Афганистана) на основе Соглашения «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» (г. Алматы, 1992 г.). В этом соглашении страны согласовали принципы трансграничного водораспределения и создали Межгосударственную Координационную Водохозяйственную Комиссию (МКВК) как орган скоординированного управления.

В части водораспределения была сохранена «сложившаяся структура и принципы распределения» воды на основе «ныне действующих нормативных документов по распределению водных ресурсов межгосударственных водных источников» (преамбула). Таким образом, руководящим документом, определяющим структуру и принципы распределения водных ресурсов реки Амударья, является документ советского периода, а именно Протокол №566 заседания Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства (Минводхоз) СССР от 10 сентября 1987 г., утвержденный 3 декабря 1987 года Министром мелиорации и водного хозяйства СССР Н.Ф. Васильевым (далее – Протокол №566). Данным протоколом утверждено «Уточнение схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов реки Амударьи», выполненное институтом «Средазгипроводхлопок» в 1984 году по заданию Минводхоза СССР.

Протоколом №566, исходя из водозабора из реки в размере 61,5 км^3, из которого вычтено предполагаемое использование Афганистаном в объеме 2,10 км^3/год, установлены следующие лимиты водозабора

по бассейну реки Амударья: Кыргызстан – 0,4 км^3 (0,6 %), Туркменистан – 22 км^3 (35,8 %), Таджикистан – 9,5 км^3 (15,4 %), Узбекистан – 29,6 км^3 (48,2 %). Такие лимиты водозабора установлены, «исходя из сложившегося водопотребления, существующих орошаемых площадей и с учетом расчетного удельного водопотребления».

На МКВК, в состав которой входят первые руководители водохозяйственных организаций стран Центральной Азии[2], возложена задача обеспечения согласованного распределения лимитов на вегетацию и межвегетацию в зависимости от водности и водохозяйственной обстановки.

С этой целью Комиссия должна собираться ежеквартально для «разработки и утверждения лимитов водопотребления ежегодно для каждой из республик и региона в целом, соответствующих графиков режимов работы водохранилищ, корректировки их по уточненным прогнозам в зависимости от фактической водности и складывающейся водохозяйственной обстановки» (статья 8). Ей также поручено «определение водохозяйственной политики в регионе, разработка ее направлений с учетом нужд всех отраслей народного хозяйства, комплексного и рационального использования водных ресурсов, перспективной программы водообеспечения региона и мер по ее реализации» (статья 8).

Исполнительными органами МКВК являются два бассейновых водохозяйственных объединения (БВО) по Амударье и Сырдарье, Научно-Информационный Центр и Секретариат.

За более чем 30 лет своей деятельности Комиссия провела 86 заседаний[3] и сыграла важную координирующую роль, обеспечивая платформу для обмена информацией, повышения квалификации, выработки новых соглашений, проведения и координации научных исследований и совместных проектов, а также способствуя взаимному обучению между прибрежными странами. МКВК проложила путь внедрению современных подходов к управлению водными ресурсами (таких как интегрированное управление водными ресурсами), усилению информационного сотрудничества, введению систем поддержки принятия решений и автоматизации головных гидроузлов.

---

[2] 18 мая 2016 года Кыргызстан принял решение «заморозить» свое участие в деятельности МФСА и его органов.

[3] Ознакомиться с заседаниями МКВК можно на сайте: www.icwc-aral.uz/meetings.htm.

Соглашения по водохозяйственным вопросам с Афганистаном

Согласно нормам правопреемства в отношении договоров, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан являются правопреемниками СССР в части приграничных территорий с Афганистаном (статьи 11-12 Венской конвенции о правопреемстве государства в отношении договоров). Поэтому обратимся к соглашениям, которые были заключены между Афганистаном и Россией (а позже – СССР) по пограничным вопросам, затрагивающим также вопросы водопользования, поскольку положения этих соглашений, в которых создаются права и обязательства, «неотъемлемо относящиеся к» частям бассейна Амударьи по определению статьи 12 Венской конвенции, остаются в силе.

К таким соглашениям можно отнести: Соглашение 1843 года между Россией и Великобританией; Протокол 1887/1885 гг. о делимитации; обмен нотами между Великобританией и Россией от 11 марта 1895 года; Договор о дружбе между Афганистаном и Советским Союзом 1921 года; Договор между СССР и Афганистаном 1931 года о нейтралитете и взаимном ненападении; Соглашение 1946 года между Афганистаном и СССР по пограничным вопросам; Договор 1958 года о режиме Советско-Афганской государственной границы; Протокол 1958 года между СССР и Афганистаном о совместном проведении работ по комплексному использованию водных ресурсов реки Амударьи на участке пограничном между СССР и Афганистаном; Соглашение 1968 года об экономическом и техническом сотрудничестве на период 1967-1972 гг.; Договор 1978 года о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве.

В данных соглашениях вопросы распределения водных ресурсов реки Амударья не рассмотрены, но в Договоре «О режиме Советско-Афганской государственной границы» от 1958 года определен общий порядок пользования «пограничными водами» и «водами рек, достигающих границы или пограничных вод» (раздел II). В частности, определяется, что при пользовании пограничными водами и водами рек, достигающих границы или пограничных вод, должны уважаться взаимные права и интересы договаривающихся Сторон (статья 7.2), ни одна из сторон не должна искусственно изменять положения русла рек (статья 9.3); вопросы водопользования, связанные с пограничным водами, регулируются особыми соглашениями (статья 16); стороны будут по возможности регулярно обмениваться сведениями об уровне и количестве воды на пограничных реках (статья 17); уславливаются порядок устройства

стока и отвода воды, а также другие вопросы использования пограничных вод (статья 18); возведение сооружений, которые могут повлиять на режим стока вод или нанести им ущерб, возможно только по соглашению Сторон (статья 19); работы по изысканию и эксплуатации полезных ископаемых в непосредственной близости от линии границы, а также сельскохозяйственные работы должны вестись таким образом, чтобы они не причиняли ущерба территории другой Стороны (статья 24.2).

Глобальные конвенции и нормы международного обычного права

Афганистан не является стороной Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков (Нью-Йорк, 1997 г.) и Конвенции ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 1992 г.), которые содержат наиболее полный свод норм касательно использования и охраны трансграничных вод. Тем не менее многие из положений данных конвенций являются нормами обычного международного права.

Международно-правовой обычай — это сложившееся во всеобщей практике правило поведения, за которым субъекты международного права признают юридически обязательную силу. Другими словами, обычные нормы международного права, содержащиеся в частности в упомянутых выше глобальных водных конвенциях, являются обязательными для государств, вне зависимости от присоединения к ним.

В соответствии с обычными нормами международного права странам бассейна реки Амударья необходимо придерживаться ряда материальных и процедурных норм.

Фундаментальной обычной нормой международного водного права является *справедливое и разумное использование трансграничного водотока.* Эта норма наделяет государства водотока правом использовать его в пределах своей территории справедливым и разумным образом и обязанностью сотрудничать в его защите и освоении. Использование международного водотока справедливым и разумным образом требует учета всех соответствующих факторов и обстоятельств, среди которых нет изначально приоритетных, но особое внимание следует уделить насущным человеческим нуждам. Целью использования и сотрудничества должно быть достижение его оптимального и устойчивого использования и получение связанных с этим выгод. Неустойчивое использование водотока является несправедливым и, следовательно, незаконным.

Второе обязательство касается *принятия всех надлежащих мер для недопущения значительного трансграничного вреда.* Данное обязательство требует, чтобы государства предпринимали «все надлежащие меры» по предотвращению, ограничению и сокращению трансграничного воздействия, то есть соблюдали должную осмотрительность (due diligence).

Нормой обычного международного права в отношении использования трансграничных вод является также *обеспечение минимального экологического стока по реке.* Под экологическим стоком в самом общем виде понимается необходимость оставления в реке части ее стока с соблюдением определенных объемов и качества в разные временные интервалы для поддержания пресноводных экосистем и существования людей, которые зависят от них. Конкретные объемы и режимы стока определяются для каждой реки и могут изменяться во времени.

Государства водотока также обязаны *добросовестно сотрудничать* друг с другом в целях достижения оптимального использования и надлежащей защиты международного водотока. Обязательство добросовестного сотрудничества является самостоятельным обязательством, но также включает в себя процедурные обязательства или конкретные формы сотрудничества. Минимальными процедурными обязательствами, которые признаны обычной нормой международного права, являются регулярный обмен данными и информацией между прибрежными странами; проведение консультаций касательно трансграничных вод; предварительное уведомление о планируемых мерах; оценка воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте. Процедуры и институты сотрудничества играют неоценимую роль, так как оценка справедливости и разумности должна производиться для каждого конкретного случая и может меняться с течением времени.

Заключение

В настоящий момент единого соглашения, которое бы регулировало водные взаимоотношения по всему бассейну реки Амударья между всеми странами бассейна, нет. Афганистан не участвует в региональном управлении водой в рамках действующих соглашений по водным вопросам в Центральной Азии и в работе МКВК. Однако нормы обычного международного водного права и договора по приграничным вопросам могут служить основой для поддержания текущих контактов, а также усиления водного сотрудничества и заключения отдельных соглашений в будущем.

Хайдаров Абдусамат
Дипломатическая академия
Университета мировой экономики и дипломатии (УМЭД)
директор
Узбекистан, Ташкент

Современные идеологические воззрения Талибан по вопросу строительства исламского эмирата в Афганистане

Исторический контекст появления «Талибан»

Зарождение и развитие идеологических воззрений "Талибан" уходит своими корнями в особенности развития афганского общества, которое формировалось на основе родоплеменных традиций и испытывавшего влияние различных исламских религиозных течений, политизированных в результате кардинальных геополитических изменений в этой части мира во второй половине XX века. Исламская революция в Иране 1978-1979 гг, апрельская революция 1978 г. в Афганистане и последовавший вскоре в декабре 1979 г. ввод советских войск в Афганистан отражают исторический контекст, предшествовавший появлению движения «Талибан на политической арене Афганистана.

Ввод советских войск, слом традиционного уклада жизни афганского общества и попытки его модернизации по советскому образцу стали основной причиной появления исламской вооруженной оппозиции просоветскому правительству в Кабуле в лице различных моджахедских организации, ставших предтечей появления Талибан. Последовавшая десятилетняя гражданская война в Афганистане способствовала дальнейшей радикализации взглядов исламских оппозиционных организаций и ужесточению методов борьбы с просоветским правительством.

Вывод советских войск из Афганистана в 1989 году и приход к власти в стране в 1992 году правительства моджахедов вместо долгожданного мира привели к новому витку гражданской войны. Межэтнические и межконфессиональные конфликты и борьба за власть между различными группировками моджахедов, еще недавно выступавших единым фронтом против просоветского правительства М.Наджибуллы, усугубили хаос, царивший стране, и обусловили

последующее появление на афганской политической сцене движения "Талибан".

Ситуация полнейшего хаоса и межэтнических конфликтов, а также неспособность создать систему государственной власти, приемлемой для всех моджахедских группировок, послужили одним из основных факторов, способствовавших становлению “Талибан”, стремившегося к установлению порядка в стране и восстановления религии ислама. Позже эта цель, а именно «восстановление религии Аллаха» нашла свое отражение в одном из посланий лидера Талибан – М.Омара [1].

Еще одним фактором, сыгравшим важную роль в приходе «Талибан» к власти в стране в 1996 году, о котором мало говорится в научной литературе, стало стремление руководства движения к восстановлению доминирующих позиций пуштунского этноса в органах государственной власти и в целом в социально-политической и социально – экономической жизни страны, утраченных в определенной степени в ходе апрельской революции 1978 года и сохранявшихся в период президентства Б.Раббани в 1992-1996 годах.

В целом, усилия Талибан по созданию исламского государства условно можно разделить на четыре периода. Первый – сначала 1990-х годов, времени появления движения «Талибан» до сентября 1996, период вооружённой борьбы за власть. Второй – с конца 1996 г. по сентябрь 2001 г., первый приход Талибан к власти в стране. Третий – с конца 2001 по август 2021 г., период противостояния Талибан республиканскому правительству. Четвёртый – с августа 2021 г., времени повторного прихода к власти в Афганистане по настоящее время.

Формирование основных идеологических воззрений «Талибан» по вопросу создания исламского государства на начальном этапе его становления

Основные идеологические воззрения "Талибан" формировались под влиянием различных исламских течений и школ, но как признают большинство зарубежных экспертов, наибольшее влияние оказала Пакистанская ветвь деобандийской школы. Её ключевые принципы нацелены на строгую интерпретацию шариата. Многие нынешние руководители «Талибан» являются

выпускниками медресе Дар-уль-Улум Хаккания, являющейся ключевой в системе деобандийской школы Пакистана.

Основная концепция этой школы заключается в возрождении ислама, основанного на законах шариата и очищенного от любых нововведений, а также создании единого исламского государства. Именно эти ключевые положения деобандийской школы легли в основу идеологии «Талибан», но адаптированные к условиям Афганистана и отвечавшие интересам доминирующего этноса – пуштунов, являющихся основной этнической группой в движении "Талибан". Их традиционная культура и родоплеменная структура общества оказали сильное влияние на идеологические воззрения движения. Кодекс чести пуштунских племён - паштунвали, регулирующий поведение пуштун в обществе и в повседневной жизни стал интегрированной и неотъемлемой частью идеологии движения. Включение положений этого кодекса в доктрину «Талибан» сказалось на радикализации движения и формулировании следующих её основных задач.

«Талибан» в качестве первой своей задачи обозначили установление порядка в стране в целях прекращения боевых действий на всей территории страны. Однако задача возрождения ислама через установление шариатской формы правления была и остаётся центральной и в первый, и во второй приход «Талибан» к власти в Афганистане. В свою очередь, обращение к исламской догматике было обусловлено необходимостью консолидации всех сил для установления порядка и создания исламского общества, строго следующего законам шариата. Ещё на заре становления Движения один из его видных представителей, бывший посол администрации «Талибан» в Исламабаде мулла Абдул Салам Заиф заявлял: «Шариат будет нашим законом…» [2].

Конечно же, ключевую роль в формировании идеологии и целей "Талибан" сыграл его основатель Мулла Мохаммад Омар, сумевший собрать группу последователей, называвших себя хранителями и защитниками ислама, и консолидировать усилия для достижения поставленных целей. Большинство этих первых последователей позже вошли в руководящее звено движения. Наиболее важные концептуальные и идеологические установки, разработанные Муллой Омаром, нашли своё отражение в различных декларациях, указах и других документах движения "Талибан". Эти

установки выражают основные цели и направление движения, ставшими руководством для "Талибан".

На начальном этапе своего становления до прихода к власти в осенью 1996 года основные цели «Талибан» заключались в установлении порядка и создания исламского общества на основе шариата.

Усилия «Талибан» по созданию исламского государства в период первого прихода к власти в стране

С захватом власти «Талибан» в 1996 г. в стране был установлен порядок, основанный на нормах шариата и провозглашено создание Исламского Эмирата Афганистана, который был признано КСА, Пакистаном и ОАЭ. Несмотря на частичное признание страна оказалась в международной изоляции. В 1999 году страна была официально объявлена Исламским Эмиратом Афганистана [3]. Через два года в 2001 г. был принят Закон о флаге и эмблемах Исламского Эмирата Афганистан [4]. Принятие этих законов было воспринято как решимость «Талибан» продолжать свои усилия по созданию исламского государства.

В своей внутренней политике «Талибан» придерживался жестких позиций, следуя предписаниям шариата времён первых праведных халифов, что привело к определённому охлаждению отношений с руководителями суфийских орденов Афганистана и отрицанию джафаритского мазхаба - школы исламского права шиитов Афганистана. Это в свою очередь вызвало обострение отношений с шиитским населением страны. Такая ситуация сохранялась вплоть до момента свержения Талибан силами международной коалиции во главе с США осенью 2001 года после известных событий 11 сентября.

Для поддержания порядка в стране и нормального функционирования госорганов власти за основу была взята структура прежних институтов государственной власти, существовавших в период правления Дауд Хана. Для этого был принят Указ офиса Эмира Исламского Эмирата Афганистан по вопросу о реорганизации правительства на основе правительства Дауд Хана [5].

Были запрещены все политические партии и организации, распущен парламент упразднено и Министерство по делам женщин,

как не отвечающее законам шариата. Для соблюдения исламского порядка было воссоздано Министерство по пропаганде добродетели и предотвращению порока, созданное в 1992 г. во время правления Б.Раббани. Важным стало принятие закона об исполнении законов, постановлений и уставов до талибовского правления, которые не противоречат исламскому шариату и ханафитскому фикху [6]. Уже на закате первого правления Талибан в 2001 г был принят Закон о Совете министров [7].

В первый период нахождения у власти обозначилась одна из главных проблем Талибан - отсутствие опыта государственного управления, организации функционирования органов государственной власти. Основой упорядочения и налаживания системы государственного управления должна была стать новая Конституция и другие законы, регулирующие функционирование всей политической и экономической системы жизнедеятельности государства. Однако необходимые шаги в этом направлении не были сделаны и вопрос разработки новой Конституции был отвергнут. Как утверждал Генеральный прокурор первого правительства Талибан моулави Джалилула Моулвизода: «Конституция — это Шариат, поэтому нам не нужна конституция» [8].

В целом в этот период правления Талибан, несмотря на принятие многочисленных указов и посланий высшего руководителя Талибан муллы Омара, вопросы государственного строительства не нашли адекватного развития. Основные усилия Талибан были сфокусированы на укрепление религии ислама во всех сферах жизнедеятельности государства и общества. Стабильность и порядок в Афганистане основывался на страхе наказания за нарушение законов Шариата.

«Талибан» в период противостояния республиканскому правительству в 2002- 2021 гг.

Идея создания исламского государства оставалась одной из ключевых задач движения и в период противостояния с республиканским режимом в 2002-2021 гг. С вводом сил международной коалиции во главе с США у Талибан появился реальный враг и против «неверных», к которым относились иностранные войска и республиканское правительство, был объявлен джихад. Такая тактика позволила движению мобилизовать

и объединять не только пуштунов, но и вовлечь представителей других этносов страны, в основном таджиков и узбеков, для достижения своих целей. Основные боевые действия против сил международной коалиции и правительственных войск начали разворачиваться с конца 2004 – начала 2005 года.

К этому времени, а точнее в 14 марта 2003 года высшим руководством бывшего Исламского Эмирата Афганистан была основана Кветта-шура. Основателями Кветтской шуры были мулла Гани Барадар, мулла Дадулла, Мавлави Мансур, мулла Гюль Ага Ишакзай [9]. Фактически Кветта-шура стала выполнять функции правительства Исламского Эмирата Афганистана в изгнании в период нахождения войск НАТО вплоть до повторного прихода к власти в августе 2021 г. Мулла Омар, объявленный Амир уль Мунинином (повелителем верующих/мусульман) ещё до первого прихода к власти в 1996 г. был избран высшим руководством Кветта-шуры лидером и оставался бесспорным лидером Шуры до своей смерти в 2013 году [10].

В период противостояния республиканскому правительству усилиями Кветта-шуры практически во всех провинциях и уездах страны были созданы теневые органы власти во главе теневых губернаторов. Были также созданы теневые шариатские суды, сыгравшие важную роль в процессе привлечения населения и духовенства на свою сторону на фоне коррумпированной системы власти республиканского правительства.

Для организации и ведения боевых действий сил «Талибан» муллой Омаром в 2006 г. была разработана и издана «Лойха» - ставшая сводом правил Исламского Эмирата Афганистан для моджахедов. В 2009 и 2010 гг. Лойха была дополнена и переиздана. Этот свод правил, ставший синтезом отдельных положений кодекса чести афганцев – паштунвали и положений исламского права, стал основным руководством для бойцов «Талибан» в период противостояния с республиканским правительством.

В 2017 г. (1439 г по исламскому календарю) Хайбатуллой Ахунзада, нынешним руководителем «Талибан» было издано новое руководство для моджахедов «Рохнамудхое Амир аль – муминин баройе моджохедин» [11] (Руководство Амир аль – муминин для моджахедов). Это руководство регламентируют поведение моджахедов, предписывает послушание Амиру, объясняет цели джихада, устанавливает правила устрашения неверных, а также

правила обращения с пленными, объясняет необходимость единства и сплочённости моджахедов, призывает к вниманию семьям моджахедов и шахидов, объясняет ценность и важность исламского правительства. Фактически это руководство является расширенной версией Лойхи, изданной при жизни муллы Омара. Вместе с тем следует отметить, что оба упомянутых руководства больше отражали традиции пуштунского этноса и отвечали задачам вооружённой борьбы с республиканским правительством.

Наряду с этим Хайбатуллой Ахунзада с момента его избрания в 2016 г. верховным руководителем «Талибан», вплоть до прихода к власти в Афганистане в августе 2021 г., издавались указы, распоряжения и инструкции по тем или иным вопросам повседневной жизни талибов, которые во многих случаях повторяли положения вышеотмеченного руководства для моджахедов.

Современный «Талибан»

После повторного прихода «Талибан» к власти в августе 2021 г. новая власть вновь занялась вопросами государственного строительства и налаживания социально-политической жизни страны на основе шариата и указов нынешнего руководителя «Талибан» Хайбатуллы Ахунзада.

За три последних года было выпущено более сотни различных указов и постановлений. Среди них «О правах женщин» от 2 декабря 2021 г., «О разделении и подчинении министерств и управлений заместителям Премьер-министра в соответствии с характером их деятельности» от 9 мая 2022 г., «О регулировании денежного довольствия военнослужащих» от 17 мая 2022 г., «О регистрации и назначении моджахедов в органы безопасности» от 17 мая 2022 г., «О запрете на выращивание мака в стране» [12] от 18 марта 2023, и ряд других. Эта категория предписывающих документов продолжает играть существенную роль в информационно-идеологической политике «Талибан».

Для контроля за деятельностью государственных органов страны во все без исключения министерства назначены представители верховного руководителя «Талибан». Во всех провинциях страны распущены прежние и сформированы новые советы улемов, которые находятся в прямом подчинении Хайбатуллы Ахунзада. Практически во всех провинциях

действующие медресе превращены в идеологические кузницы кадров, которые жёстко ориентированы на ведение постоянной информационной работы с населением. Имамам мечетей даются указания для проведения проповедей, нацеленные на строгое соблюдение шариата. Мечети являются ключевым элементом в идеологической составляющей государственной власти. Именно мечети являются основным механизмом информационно - идеологической работы «Талибан» с населением страны.

Процесс исламизации страны затронул и систему образования. Летом 2023 г., исполняющий обязанности Премьер-министра Кабир на встрече с представителями медресе Кабула, предложил разработать единые программы для светских школ и медресе с включением большего количества религиозных дисциплин.

Сам Хайбатулла Ахунзада пользуется всей полнотой своей религиозной, политической и военной власти и стремится к сужению рамок полномочий министров силовых структур. Наряду с этим для укрепления своей власти Хайбатулла Ахунзада назначает членов временного правительства, губернаторов провинций и глав советов улемов провинций из числа своих доверенных и преданных людей, в основном обличённых духовным саном. Для быстрого информирования населения его офис широко использует социальные сети, в частности твиттер. При этом догматика ислама используется в качестве идеологического инструмента, способного сохранить единство в самом движении, предотвращения появления возможных очагов нестабильности в районах, где преобладает не пуштунское население и закрепления исламской формы правления в стране. Невыполнение указов верховного руководителя расцениваются как отступничество от ислама и нарушение законов шариата.

Под стиль работы верховного руководителя стремятся подстраиваться и руководители министерств и ведомств страны, издавая свои приказы и рекомендации. Так, Министерство иностранных дел в своём циркулярном письме от 9 июля 2023 г. инструктировало сотрудников дипломатических миссий о необходимости соответствия внешнего облика дипломатов нормам шариата и обязательном совершения молитв в рабочее время.

Шариатские суды, сыгравшие важную роль в вопросе привлечения населения на свою сторону в период противостояния с республиканским правительством, также являются важной

составной частью идеологической системы новой власти. При этом все исламские институты страны выстроены в единую иерархическую структуру, подчинённую единому центру в лице высшего руководителя «Талибан».

Важным событием в идеологической составляющей политики Талибан стал выход в свет весной 2022 г. книги Абдул Хакима Хаккани, Верховного судьи Исламского Эмирата Афганистан «Исламский эмират и его система». Она была одобрена Х.Ахундзада, который написал вступительное слово для этой книги. Многие обозреватели назвали книгу своеобразным манифестом Талибан, раскрывающим его цель, роль политических институтов Исламского эмирата, источники шариата, а также принципы политики исламского эмирата. Эта книга является наиболее разработанным и значимым источником, позволяющим судить об идеологии руководства "Талибана".

Вместе с тем нельзя исключать, что власти предпримут усилия по созданию новой Конституции, которая придаст легитимность их внутренней и внешней политике. Пока этот процесс строительства не встречает сильного сопротивления, так как всё ещё пользуется поддержкой или лояльным отношением большей части духовенства - самой консервативной страты афганского общества, а также части пуштунского этноса, восстановившего своё прежнее доминирующее положение с приходом к власти «Талибан».

Укрепление идеологии "Талибан" в Афганистане и государственное строительство после повторного прихода к власти включает в себя усиленную информационную работу по применению религиозных норм в повседневной жизни на основе шариата, пересмотр образовательной системы, установление контроля над средствами массовой информации и активное использование институтов ислама и духовенства страны для достижения главной задачи – построения исламского государства. В частности, согласно информации телекомпании «Amy TV» Министерство информации и культуры Талибана собрало руководителей СМИ в Кабуле и выпустило беспрецедентный набор ограничений на свободу прессы [13]. Эти меры направлены на создание общества, полностью соответствующего интерпретации шариата, принятой "Талибан". Главной движущей силой этого процесса является прослойка духовенства, поддерживающая взгляды и указания верховного руководителя "Талибан" Х.Ахундзада.

Выходцы из этой прослойки входят в состав консультативного совета при Амире в Кандагаре, при поддержке которых принимаются решения государственного уровня. Из их числа назначаются председатели провинциальных советов улемов, министры, руководители местных органов власти.

В целом, нынешний процесс государственного строительства на основе укрепления роли ислама и исламских институтов отражает видение руководства «Талибан» по вопросу будущего развития страны и обозначает рамки жизнедеятельности общества и индивидуума, которые в какой-то мере напоминают систему власти, созданной в Иране после исламской революции 1978-1979 гг. и отчасти систему власти монархий Персидского залива. Сама деятельность нынешней власти по строительству исламского государства пока носит спорадический характер и в целом основывается на указах верховного руководителя «Талибан». Однако дальнейшее развитие ситуации в Афганистане в среднесрочной перспективе во многом остаётся непредсказуемым.

Однако Афганистан, испытывающий колоссальные трудности, вызванные многолетней войной, продолжающимся экономическим и гуманитарным кризисом не может развиваться без помощи международного сообщества, требующего выполнения обещаний временного правительства Талибан. Среди них – недопущение использования территории страны в качестве площадки или убежища для террористических организаций, формирования инклюзивного правительства, соблюдения прав человека, в том числе прав женщин и национальных меньшинств. От выполнения этих обязательств зависит сохранение стабильности в стране, снятие международных санкций и увеличение помощи международного сообщества Афганистану.

Литература

1. Advice and Message of His Highness, Amir al-Mominin [the Amir], to the Taliban on Strengthening the Religion of Allah and Committing to the Goals of the Taliban Movement Official Gazette: N/A Date: N/A. Mobasher M. B., Qadam Shah M. and Pasarlay S. The Constitution and Laws of the Taliban 1994–2001. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 2022. P 126.

2. Zaeef A.S. My life with the Taliban. – London: C. Hurst & Co, 2010. – 360 p.
3. Decree of the Office of the Amir on the Replacing ‘State’ with ‘Emirate’ // Official Gazette. Date: 07.11.1999. The Constitution and Laws of the Taliban 1994-2001. – International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2022.
4. Law of the Flag and Emblems of the Islamic Emirate of Afghanistan // Official Gazette: 797 Date: 05.02.2001. The Constitution and Laws of the Taliban 1994-2001. – International Institute for Democracy and Electoral Assistance, 2022.
5. Decree of the Office of the Amir of Islamic Emirate of Afghanistan on Restructuring the government Based on [the Government] of Daoud Khan (1977). Official Gazette: 12 Date: 3/6/1997.
6. Decree of the Office of the Amir on the Implementation of the previous (Pre-Taliban era) Legislations Official Gazette: 367 Date: 5/12/1997.
7. Law of the Council of Ministers. Gazette: 797 Date: 5/2/2001. The Constitution and Laws of the Taliban 1994–2001. International Institute for Democracy and Electoral Assistance. 2022. P 53.
8. Rashid A. Taliban. Islam? Oil and The New Great Game in Central Asia // I.B. Taurus Publishers. London. – New York, 2000. – 107 p.
9. Abdul Rehman. Quetta shura revival of Taliban in Afghanistan. Pak. Journal of Int’L Affairs, Vol 5, Issue 2(2022). P 723. https://pjia.com.pk/index.php/pjia/article/view/474/342.
10. Там же. P 726
11. **رهنمودهای امیرالمؤمنین حفظه الله برای مجاهدین. سال چاپ : ۱۴۳۸ ه.ق**
12. **رسمی جریده تاریخ نشر: (۲) ذوالقعدة الحرام سال ۱۴۴۴ه.ق**

(۱) جوزا سال ۱۴۰۲ ه.ش نمبر مسلسل (۱۴۳۲)

13. Taliban intensifies media censorship with ban on live political broadcasts, journalists’ group says. https://amu.tv/125743/

Shanthie Mariet D'Souza
Mantraya Institute for Strategic Studies (MISS), founder & president,
Naval War College, visiting faculty, professor
India, Goa

Terrorism and Violent Extremism in Afghanistan

The Taliban takeover of Afghanistan in August 2021 marked the end of the Republican government that had ruled the country for two decades with the support of the international community. The event also signified the end of a long insurgency, as the Taliban insurgents assumed power and established the Islamic Emirate. Some hoped that this change would bring an end to the long-standing conflict and violence in the country. However, three years after these events, the Islamic Emirate remains a pariah largely unrecognized by any foreign state or international institution [1].

Afghanistan remains a fertile ground for terrorism and violent extremism as the drivers of conflict have not been addressed. Taliban has failed in governing the country and have instead subjected the Afghan population to the strict interpretation of sharia law, especially girls, women, minorities and former officials to a range of regressive policies and systemic violence. Additionally, in the realm of counter-terrorism, the de facto rulers of the country have failed in two aspects: (i) to break linkages with terror groups with whom they shared past connections; (ii) to effectively suppress terror and extremist groups who continue to indulge in violence inside Afghanistan. This paper unpacks Taliban's nexus with some terror groups as well as its incapacity to deal with others; and its implications for regional as well as global security. The paper argues that in the past three years, the Taliban have failed to transform themselves from insurgents to a governing entity. Depending on its strategic requirement, the group tends to either allow terror groups to find haven in Afghanistan, or fight them nominally, thereby facilitating Afghanistan's lapse into a potential haven for global terror.

Continuing Nexus

The Doha Peace Agreement of 2020 [2] between the United States and the Taliban, which in a way facilitated the latter's return to the seat of power in Kabul made it obligatory that the Taliban will "not allow any of its members, other individuals or groups, including al-Qa'ida, to use the soil of Afghanistan

to threaten the security of the United States and its allies". In addition, the Taliban were required to prevent individuals and groups "from recruiting, training, and fundraising." However, the Taliban has consistently failed to adhere to this commitment. It was apparent with the killing of AQ chief Ayman al Zawahiri in the heart of Kabul in July 2022. Zawahiri was reportedly living with his family in a house owned by an aide of the Islamic Emirate's Interior Minister Sirajuddin Haqqani. In the past years, the United Nations Analytical Support and Sanctions Monitoring Team has repeatedly reported about the continuing alliance that exists between the AQ and the Taliban. In its latest report released in July 2024, it said that "the Taliban have done much to constrain the activities of AQ and their affiliates" [3]. And yet, the group "still uses Afghanistan as a permissive haven under the Taliban". The AQ operates training camps in 12 of Afghanistan's 34 provinces.

The UN Team's findings have been further corroborated by others including members of the National Resistance Front (NRF) who assert that the AQ has set up nine new terrorist camps in Afghanistan in 2024. "The Taliban have even allowed al Qaeda to build bases and munitions depots in the heart of the Panjshir Valley" [4]. Even the Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction, a U.S. government watchdog group, has said in its July 2024 report [5] that the Taliban has tolerated the presence of AQ in Afghanistan. Encouraged by the Taliban's hospitality, AQ leader Saif al-Adel in June 2024 explicitly called for foreign fighters to migrate to Afghanistan and prepare to attack the West [6]. The Taliban authorities, however, continue to deny the presence of AQ on Afghan soil. They assert there is no evidence of AQ's presence in the country [7].

The other group that the Taliban have been accused of harbouring is the Tehreek-e-Taliban Pakistan (TTP) or the Pakistani Taliban. Both groups have decades-long linkages and share the same ideological objectives of establishing states governed by Islamic laws. In mid-August 2021, just days after the Afghan Taliban took control of Afghanistan, Noor Wali Mehsud, the emir of TTP, renewed his pledge of allegiance to the Taliban's Islamic Emirate of Afghanistan.

The TTP is the most violent terror group in Pakistan accounting for hundreds of deaths in that country. Pakistan has repeatedly said that the TTP militants have increasingly and freely carried cross-border terrorist attacks from sanctuaries in Afghanistan since August 2021. Such attacks claimed over 1000 lives in 2023.

The 15th report of the UN's Analytical Support and Sanctions Monitoring Team concerning the Taliban and other associated individuals and entities

said that the TTP remained the largest terrorist group in Afghanistan, with an estimated strength of 6000 to 6500 fighters [8]. Previously, in January 2024, a UN report said that the TTP is being assisted by the AQ in carrying out suicide attacks in the latter's camps in TTP operatives train in Al Qaeda camps in Kandahar, Kunar, Nangarhar, and Takhar provinces. The AQ's Indian Sub-Continent (AQIS), the AQ's South Asian branch in particular, provides training and military staffing to the TTP. As a result of such skill honing, the tactics and nature of the TTP's attacks in Pakistan have undergone a transformation, its kill ratios and the frequency of such attacks have increased dramatically. The TTP has informed through its media publication that it carried out 282 attacks in 2021, 367 attacks in 2022 and 881 attacks in 2023 [9]. Such a dangerous collusion has serious implications for the Pakistani state, which has struggled to contain TTP's violence. Worse still, this could transform the TTP into an extra-regional threat.

Past Alliances with other Violent Extremist Organistaions

The Taliban, known as an umbrella organization rather than a monolithic group during its days of insurgency, maintained linkages with a range of militant and insurgent outfits. None of these linkages have been disrupted after August 2021. Other than the AQ and the TTP, over two dozen groups still operate in Afghanistan, each of them enjoying freedom of manoeuvre under the Taliban and its intelligence wing, the General Directorate of Intelligence. The analysis below focuses on two such groups. With one of these two the Taliban maintains linkages, while the other one may be operating independently, without much pressure from the Taliban.

During its rule in the 1990s, the Taliban allowed Uyghur militants belonging to the Turkestan Islamic Party (TIP), previously known as the East Turkestan Islamic Movement (ETIM), from China to operate in Afghanistan and is believed to have links with them still. The exact number of Uyghur fighters based in Afghanistan is unknown, although experts believe they number in the hundreds. The TIP demands an independent Xinjiang, which it refers to as East Turkestan. The TIP works in close coordination with the AQ, although the ISKP too has been able to attract some of the Uyghur fighters into its fold. In one attack carried out on a Shiite mosque in Kunduz in October 2021, the group used a Uyghur suicide attacker [10]. In September 2024, Taliban leader Mullah Hibatullah Akhundzada reportedly met Abdul Haq Turkistani, TIP leader and a senior AQ commander in Maymana city of northern Faryab province [11].

The Islamic Movement of Uzbekistan (IMU), with a vision to topple the government in Uzbekistan and implement an Islamic system of governance, is another group that is present in Afghanistan, although its relations with the Taliban are acrimonious. The IMU shared close relations with the Taliban for decades. But in August 2015, it expressed displeasure with the Taliban hiding the news of the death of its supreme leader Mullah Omar, who had passed away two years back [12]. Few days earlier, the IMU leader Sheikh Muhammad Ali pledged his allegiance to the Islamic State. The Taliban reacted to the development by killing IMU cadres and executing Muhammad Ali [13], and permanently dissociating itself from the group. In the subsequent years, a large chunk of IMU's fighters have gravitated towards the ISKP, allowing the latter to emerge as a potent threat to Uzbekistan in particular and Central Asia in general. The IMU is in a weakened state, although it still retains significant wherewithal to emerge as a potent threat.

The ISKP Challenge

The ISKP has been active in Afghanistan since its formation in 2015 and became the most active terror group in 2021. On 26 August 2021, it carried out one of its biggest attacks in Afghanistan, near the Kabul airport, killing over 100 people in the capital, including 19 American service members. That event and subsequent endemic violence targeting the Taliban and the Hazara Shia minorities were seen as a major security threat to Afghanistan's new rulers. Over the past years, the Taliban, however, has claimed to have decimated the ISKP, reducing its violence potential and preventing it from holding any territory in the country. Such assessment is shared neither by the UN nor by the US. The ISKP's threat lives through its periodic attacks carried out in Afghanistan and beyond. For instance, on 13 September, ISKP cadres killed at least 14 Shiite Muslims and injured six others in an overnight attack in the Daikundi province [14]. In March 2024, ISKP claimed that it was behind an attack on a Moscow concert hall that killed 145 Russians. Similar attacks have been carried out in Iran and Turkey by the ISKP.

The group is active in cyberspace as well, supplementing on-ground activities with online propaganda. In June 2024, Al Azaim Foundation, the ISKP's media wing released a video titled "Followers of the Jews" attempting to undermine the Taliban's religious authority in Afghanistan [15].

Counter-terrorism Strategy of the Taliban

The strategy of the Taliban to deal with the existing terror groups ranges from launching largely ineffective operations against groups such as the ISKP to tolerance shown towards the AQ, the TTP and others. Despite Taliban claims of overpowering the ISKP, the group continues its activities in Afghanistan. This underlines the Taliban's lingering counter-terrorism incapacity, despite periodic media events during which it boasts about the killing of ISKP cadres and their foiled terror plots. It has consistently refused to accept external assistance to deal with the group saying that either group no longer exists in the country or is no longer potent to attract the kind of attention it does in international media.

About the AQ and the TTP, on the other hand, the Taliban strategy is to maintain a nexus with these groups to be used against adversaries. Only on one instance, the Taliban detained 70 to 200 TTP members and relocated them northward away from the border areas [16]. Otherwise, several requests by Islamabad to act against the TTP have been ignored by the Taliban authorities, who instead advocate peace talks between the TTP and the Pakistan state [17]. Non-cooperation from the Taliban has forced the Pakistani authorities to unveil diplomatic umbrage against it in the UN and also to undertake periodic cross-border military strikes on what they describe as TTP facilities. In September 2024, Pakistan removed its special representative to Afghanistan, thereby scaling up the already strained bilateral ties. The camaraderie that existed between the Taliban and the Pakistani security establishment before August 2021 has largely disappeared. However, that does not seem to bother the Taliban authorities as it continues to prioritise maintaining its blood ties with the TTP over improving bilateral relations.

The same strategy prevails with the TIP. After regaining power, the economic investment and recognition starved Taliban regime tried to gesture positively towards China. It relocated TIP's Uyghur fighters from the northeastern province of Badakhshan [18], which is located along Afghanistan's 76-kilometre border with China to other faraway provinces, in a bid to allay Beijing's fears of violence by the group in Chinese mainland. During a July 2021 meeting in China with the Taliban, Chinese Foreign Minister Wang Yi had demanded that the group sever any ties with the TIP militants [19]. However, the Taliban has not acceded to the demands to hand over those militants to Beijing. That probably explains why China still hasn't officially recognised the Taliban regime, despite accepting its ambassadorial nominee to take over the Afghan embassy in Beijing.

There are two explanations for the Taliban's approach towards individual terror groups. Firstly, there are groups like the ISKP and IMU, which the Taliban considers fit to be annihilated as they pose an existential challenge to it. However, taking external assistance to do so is against the sense of pride of the Islamic Emirate which boasts of defeating the US to reclaim power in Kabul. This allows the ISKP a large window of opportunity to thrive.

Secondly, other groups like the AQ, TTP, and TIP are considered either as strategic assets or as blood brothers acting against whom is beyond the norms of the Islamic Emirate particularly their tribal code of pushtunwali. The Taliban may have been issuing periodic advice to AQ and TIP to refrain from plotting or carrying out any attack against the US and China respectively as they seek international recognition. However, no such restraining order appears to have been issued to the TTP, which continues with its recurrent violence in Pakistan.

Implications

The instability in Afghanistan and the Taliban's connections with numerous terrorist groups across the country continue to pose a security threat to South and Central Asia. This threat is likely to extend beyond the region in the coming months. Global terrorist organizations such as the AQ and ISKP are unlikely to remain inactive or limit their activities to Afghanistan alone for an extended period. This situation creates the potential for terrorism to spread into neighbouring countries, resulting in significant loss of life and instability.

The bigger issue concerns the international community's isolationist policies toward the Taliban, which may have led to the creation of an information vacuum and security black hole in Afghanistan that terrorist groups could exploit. This situation could potentially be resolved through greater engagement with the Taliban. A stronger presence of the international community in the country would lead to a better understanding of the activities of groups like AQ, TTP, and TIP and assistance to address the drivers of violent extremism- poverty, unemployment and economic hardship could deprive these groups the support base. Increased scrutiny could put pressure on the existing connections between the Taliban and these groups, possibly leading to a reversal of the Islamic Emirate's official policies toward them. The approach of the international community should be aimed at achieving this long term goal of addressing the drivers of conflict and helping Afghanistan come out from the present morass.

Bibliography

1. Smith, Graeme. "Afghanistan Three Years after the Taliban Takeover", International Crisis Group, 14 August 2024, https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/afghanistan/afghanistan-three-years-after-taliban-takeover. (last accessed 1 September 2024)
2. "Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America", 29 February 2020, https://www.washingtonpost.com/context/u-s-taliban-peace-deal/7aab0f58-dd5c-430d-9557-1b6672d889c3/?itid=lk_inline_manual_3. (last accessed 1 September 2024)
3. United Nations Analytical Support and Sanctions Monitoring Team, 15th Report, 3 July 2024,https://www.longwarjournal.org/wpcontent/uploads/2024/07/n2415600.pdf. (last accessed 3 September 2024)
4. Detsch, Jack, "Al Qaeda Expands Its Footprint in Afghanistan", Foreign Policy, 30 August 2024, https://foreignpolicy.com/2024/08/30/al-qaeda-presence-afghanistan-taliban-resistance-panjshir-cia/. (last accessed 1 September 2024)
5. "Operation Enduring Sentinel and Other U.S. Government Activities Related to Afghanistan", Lead Inspector General Report to the United States Congress, 1 April- June 30, 2024, https://media.defense.gov/2024/Aug/29/2003534907/-1/-1/1/OES_Q3_JUN2024_FINAL_508.PDF. (last accessed 1 September 2024)
6. Roggio, Bill & Weiss, Caleb, "Al Qaeda leader calls foreign fighters to Afghanistan", 8 June 2024, Long War Journal, https://www.longwarjournal.org/archives/2024/06/al-qaeda-leader-calls-foreign-fighters-to-afghanistan.php. (last accessed 1 September 2024)
7. "Taliban say no al Qaeda or ISIS in Afghanistan", Reuters, 21 September 2021, www.ruters.com/world/asia-pacific/taliban-say-no-al-qaeda-or-isis-afghanistan-2021-09-21/. (last accessed 4 September 2024)
8. "TTP largest terror group in Afghanistan, could turn extra regional: UN", Business Standard, 16 July 2024, https://www.business-standard.com/world-news/ttp-largest-terror-group-in-afghanistan-could-turn-extra-regional-un-124071600197_1.html. (last accessed 13 September 2024)
9. Ansari, Mantasa. "Tehreek-e-Taliban Pakistan (TTP) Attacks In Pakistan More Than Tripled Between 2021 And 2023, Following Taliban Takeover Of Afghanistan", MEMRI: Jihad and Terrorism Threat Monitor, 19 January 2024, https://www.memri.org/jttm/tehreek-e-taliban-pakistan-ttp-attacks-

pakistan-more-tripled-between-2021-and-2023-following. (last accessed 10 September 2024)
10. "Suicide bomber kills at least 55 at Afghanistan mosque", The Hindu, 9 October 2021, https://www.thehindu.com/news/international/suicide-bomber-kills-many-at-afghanistan-mosque/article36895449.ece. (last accessed 9 September 2024)
11. Mehmood, Arshad. "Taliban Leader Meets Key Commanders in First Northern Visit Since 2021", Media Line, 10 September 2021, https://themedialine.org/top-stories/taliban-leader-meets-key-commanders-in-first-northern-visit-since-2021/. (last accessed 9 September 2024)
12. Sharipzhan, Merhat. "IMU Spells Out Grievances With Afghan Taliban", Radio Free Europe Radio Liberty, 4 August 2015, https://www.rferl.org/a/afghanistan-imu-calls-out-taliban-on-mullah-omar/27170682.html. (last accessed 10 September 2024)
13. Webber, Lucas. and Pannier, Bruce. "The Islamic Movement of Uzbekistan's Enduring Influence on IS-Khurasan", Global Network on Extremism and Technology, 3 March 2023, https://gnet-research.org/2023/03/03/the-islamic-movement-of-uzbekistans-enduring-influence-on-is-khurasan/. (last accessed 10 September 2024)
14. Gul, Ayaz. "IS-claimed attack kills 14 Shiite Muslims in Afghanistan", Voice of America, 13 September 2024, https://www.voanews.com/a/is-claimed-attack-kills-14-shiite-muslims-in-afghanistan/7782808.html. (last accessed 14 September 2024)
15. Bifolchi, Giuliano. "Analysis of the Islamic State Wilayat Khorasan's Video Message "Followers of al-Yahud", Geopolitical Report (44:1), https://www.specialeurasia.com/2024/07/01/iskp-video-message-al-yahud/. (last accessed 9 September 2024)
16. Gul, Ayaz, "UN: Al-Qaida, Afghan Taliban Assist TTP With Attacks in Pakistan", Voice of America, 1 February 2024, https://www.voanews.com/a/un-al-qaida-afghan-taliban-assist-ttp-with-attacks-in-pakistan-/7466250.html. (last accessed 4 September 2024)
17. "Afghan Taliban asks Pakistan Government to pursue peace talks with TTP: Report", The Hindu, 23 July 2023, https://www.thehindu.com/news/international/afghan-taliban-asks-pakistan-government-to-pursue-peace-talks-with-ttp-report/article67110307.ece. (last accessed 6 September 2024)
18. Standish, Reid. "Taliban 'Removing' Uyghur Militants From Afghanistan's Border With China", Radio Free Europe Radio Liberty, 5 October 2021, https://www.rferl.org/a/afghanistan-taliban-uyghurs-china/31494226.html. (last accessed 14 September 2024)

19. “China says Taliban expected to play ‘important’ Afghan peace role”, Reuters, 29 July 2021, https://www.reuters.com/world/china/taliban-delegation-visits-china-taliban-spokesperson-2021-07-28/. (last accessed 14 September 2024)

Каратаева Леся
Eurasian Center for People Management
генеральный директор, доктор исторических наук
Казахстан, Алматы

Афганский фактор в дискурсе террористических угроз Центральной Азии

Особенности глобального дискурса терроризма

Несмотря на значительное расширение списка проблем, потенциально способных нести риски для глобальной безопасности, терроризм продолжает удерживать лидирующие позиции в рейтинге угроз современному обществу. При этом статистика показывает снижение террористической активности в глобальном масштабе, сокращение количества активных террористических группировок и постепенное смещение террористической активности к югу от Сахары. Так, замеры 2023 года показали, что количество террористических атак в 2023 году сократилось на 23 % в сравнении с 2022 годом, количество действующих террористических группировок снизилось на 51 % в сравнении с 2007 годом [1]. Но гораздо большее внимание в текущей статистике терроризма привлекает доля террористических атак, за которые была взята ответственность, – 54 % [1]. Тот факт, что практически в половине случаев осуществленные теракты остались без авторства и, соответственно, без сопровождающих действие требований, идет вразрез с традиционно принятым толкованием природы терроризма.

Еще одной специфической особенностью дискурса терроризма является его устойчивость и относительная гомогенность, проявляющаяся несмотря на отсутствие унифицированного и общепринятого определения понятия «терроризм» [2] и перманентную трансформацию самого терроризма.

В силу отсутствия общепринятого определения терроризма, агенты дискурса ориентируются на его толкование. Традиционно научный дискурс в состав идентифицирующих терроризм признаков включает сочетание таких составляющих, как насилие, совершаемое в политических целях, наличие политически ориентированного целеполагания, психологического воздействия, нелегитимный характер, зависимость от СМИ и несовпадение объекта насилия с объектом воздействия. В то же время не все действия,

которые определяют как террористические, соответствуют всем критериям толкования. Так, ряд терактов остаются без авторства и, соответственно, не сопровождаются какими-либо требованиями, не всегда объект насилия не совпадает с объектом воздействия и т. д. Таким образом, происходит постепенное политически мотивированное расширение понятия «терроризм».

Что касается трансформации терроризма, то современный терроризм бесконечно далек от терроризма последней трети XX века. В частности, можно указать на некоторые особенности современного терроризма.

Во-первых, террористический интернационал все больше напоминает совокупность транснациональных бизнес-корпораций и демонстрирует характерные для них модели поведения [3; 4]. Такое поведение может являться проявлением высокого уровня адаптации. Террористы «приспосабливают все средства господствующего могущества. Деньги и биржевые спекуляции, информационные и авиационные технологии, зрелищный размах и медиасети — террористы усваивают все: и модернизацию, и глобализацию, не меняя курса на их уничтожение» [5].

В то же время идея Ж. Бодрийяра о том, что терроризм является не чем иным, как столкновением торжествующей глобализации с самой собой, и потому имморален [5], не получила широкого распространения.

Напротив, глобальное дискурсивное пространство однозначно негативно коннотирует терроризм как явление. В то же время не все действия, которые характерны для терроризма как метода, имеют негативную коннотацию. В этом случае действия того или иного актора выводятся за пределы дискурса терроризма и оцениваются в рамках других дискурсов, например национально-освободительных движений. Такой подход напрямую соотносится с тактическими или стратегическими интересами основоположников дискурса.

Во-вторых, международный терроризм, эксплуатирующий религиозную тематику, создает собственное дискурсивное пространство и масштабирует его в рамках глобального уровня. В основе процесса лежит виртуализация терроризма [6]. Активное продвижение террористами своих информационных стратегий [7] формирует множественность локально ориентированных субдискурсов. Большинство из них являются производными от идеологий, продвигаемых Аль-Каидой и ИГИЛ. При этом обе организации по-разному понимают выполняемую ими миссию, роль и образ врага. Если Аль-Каида видит свою миссию в борьбе с условным Западом, а роль – в защите мусульман, и вводит понятие

«дальнего врага», то ИГИЛ в свою бытность объявила себя защитницей ислама и ввела концепцию «ближнего врага». Анализ террористической активности показывает, что, начиная с 2013 года, идеология, генерируемая террористическими организациями, значительно расширила свою социальную базу.

В-третьих, происходит символизация терроризма, который окончательно укрепился в своем статусе симулякра. В силу понятных причин такой тезис не поддерживается ни глобальным, ни национальными официальными дискурсами. В свою очередь в рамках научного и экспертного дискурсов эта идея воспринимается как вполне жизнеспособная.

Включение феномена символизации терроризма в научный дискурс терроризма позволяет агентам дать собственное объяснение природы терроризма, международных отношений, а также поведения глобальной системы в целом. Безусловно, научный дискурс методологически неоднороден. Так, терроризм может восприниматься как естественная часть и одновременно главный антагонист современного глобального гегемонистского общества [5]. Восприятие терроризма как символа структурно опосредованного насилия, его причины и следствия позволяет значительно расширить спектр его проявлений и агентов [8]. Символизация терроризма помогает усилить его толкование и использовать его устрашающий образ в качестве маркера, которым можно пометить абсолютно любого оппонента [9].

Академический субдискурс символизации терроризма позволяет видеть терроризм под иным углом зрения, при этом не отказываясь от его негативной коннотации. Терроризм как симулякр становится эффективным инструментом не только для террористов, но и для акторов, противодействующих им.

Особенности дискурса террористических угроз в Центральной Азии

Анализ данных Глобального индекса терроризма позволяет оценить ситуацию в странах Центральной Азии как относительно стабильную, а риски – как низкие или ниже среднего [1]. Казахстан, Кыргызстан и Туркменистан на протяжении нескольких лет стабильно размещаются в группе стран с нулевым индексом. Узбекистан в 2023 году вышел из группы с нулевым индексом, заняв 70 место [10], но в 2024 году уже снизился до 76 позиции из 92 стран, имеющих ненулевой индекс [1].

Более серьезные риски характерны для Таджикистана, который в 2022 году занимал 47 строку из 163 подвергшихся оценке стран. Индекс, присвоенный Таджикистану, в 2022 году являлся медианным показателем среди стран, имеющих ненулевой индекс [11]. При этом за последние 3 года Таджикистан продемонстрировал самые быстрые темпы снижения уровня террористических угроз в индексе и в 2024 году достиг 69 позиции [1].

Специфической особенностью Центрально-Азиатского региона является то, что именно вопросы обеспечения безопасности долгое время выступали в качестве ключевого фактора, обеспечивающего внутрирегиональное взаимодействие. Принимая это обстоятельство во внимание, логично, что вопросы противодействия терроризму занимают одно из ключевых мест в региональной повестке.

В силу вовлеченности стран региона в процессы многосторонней дипломатии, официальный дискурс терроризма в странах Центральной Азии принципиально схож с глобальным дискурсом [12]. Терроризм имеет крайне негативную коннотацию и трактуется как посягательство на личную, общественную и национальную безопасность [13].

Во всех странах официальный дискурс терроризма фиксирует понимание его как угрозы, корни которой находятся за пределами страны. В то же время следует отметить, что правительства стран Центральной Азии не склонны использовать обвинения в терроризме в отношении других стран. Это в полной мере касается и Афганистана. Дискурсивно понятия Афганистана как государства и Афганистана как территории, на которой базируются террористические организации, разводятся. Такой подход позволяет обеспечить реализацию экономических интересов [14] и выполнить международные обязательства [15], сохранив релевантное ситуации понимание угроз, проистекающих с территории Афганистана [16]. Территория Афганистана продолжает рассматриваться странами Центральной Азии как главный источник террористических угроз для стран региона.

Статус серьезных проблем приобрели вовлечение в деятельность «ИГ Хорасан» граждан стран региона и смещение вектора внимания террористов в направлении Центральной Азии [17]. Не умаляя значимости оперативных действий спецподразделений, правительства стран Центральной Азии главными задачами видят укрепление патриотизма, особенно среди молодежи [18], и национальной идентичности [19].

В то же время, не отрицая наличие таких «тонких мест», как сохраняющийся наркотрафик, сложности с установлением монополии

Талибан на насилие в стране и неизменные угрозы со стороны базирующихся в Афганистане террористических группировок, правительства стран Центральной Азии демонстрируют прагматичный подход, определяя приоритет базиса над настройкой [20]. Дискурсивно такой подход выразился в смене парадигмы экономического взаимодействия с Афганистаном. Если до 2021 года рабочей являлась формула «сначала безопасность, потом инвестиции», то в последние три года формула трансформировалась в идеологему «экономическая стабильность – залог безопасности».

В 2024 году впервые было зафиксировано снижение террористической активности в Афганистане. Количество терактов в сравнении с 2007 годом сократилось на 75 %, число погибших – на 84 %. Таким образом, если на протяжении 2011-2022 годов Афганистан входил в ТОП-3 наиболее страдающих от терроризма стран, то по итогам 2023 года страна заняла 6 место. Впервые с 2019 года Афганистан не является страной, наиболее пострадавшей от терроризма [1].

Эти показатели могли бы считаться наиболее серьезным достижением контртеррористических усилий во всем мире, в том числе предпринятых странами Центральной Азии. Но есть один нюанс. Глобальный индекс терроризма не учитывает действия правительств. Соответственно, до прихода к власти Талибан действия Движения учитывались как террористические, а начиная с 2021 года, любые действия талибов не рассматриваются в контексте терроризма.

Оценка действий Талибан является неотъемлемой частью дискурса террористических угроз для стран Центральной Азии. По этому вопросу фиксируются наибольшие расхождения в позициях государств. Самую жесткую и непримиримую позицию в отношении Талибан демонстрирует Таджикистан [21]. Казахстан и Кыргызстан, официально не признав легитимность Талибан, исключили организацию из списков запрещенных террористических организаций. Общественный дискурс стран региона зафиксировал эти решения как шаг навстречу Талибан. Однако с большей вероятностью данные действия являются проявлением лояльности властей Казахстана и Кыргызстана к национальному бизнесу, чьи устойчивые торгово-экономические связи с Афганистаном с приходом к власти талибов попали в категорию уголовно наказуемых преступлений.

Подводя итог, можно констатировать следующее. Перспективы развития Центральной Азии оцениваются с учетом включения Афганистана в систему регионального взаимодействия. Безопасность

региона напрямую увязывается с ситуацией стабильности/нестабильности в Афганистане. Нахождение Талибан у власти в Афганистане оценивается как долгосрочный фактор, но к полноценному переводу дипломатических отношений из формата де-факто в формат де-юре правительства стран Центральной Азии не готовы. Территория Афганистана продолжает рассматриваться правительствами стран Центральной Азии как основной источник террористических угроз. Устранение угроз и минимизация рисков терроризма со стороны Афганистана видится в контексте поддержки экономического развития путем вовлечения страны в региональные экономические процессы, с одной стороны, и укрепления патриотизма и национальных идентичностей – с другой.

Литература

1. Global Terrorism Index. A comprehensive summary of the key global trends and patterns in terrorism over the last decade // Institute for Economics and Peace. – 2024. // https://www.economicsandpeace.org/global-terrorism-index/ (последнее обращение: 20 августа 2024).
2. Катрич Л.В. Проблема определения терроризма: Социолингвистический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2009. – № 1 (13). – С. 18-24.
3. Death By a Thousand Cuts // Foundation for Defense of Democracies. – 2011. – August 9 // https://www.fdd.org/analysis/2011/08/09/death-by-a-thousand-cuts-2/ (последнее обращение: 10 августа 2024).
4. Weiss C. Turkistan Islamic Party had significant role in recent Idlib offensive // Long War Journal. – 2015. – April 30 // http://www.longwarjournal.org/archives/2015/04/turkistan-islamic-party-had-significant-role-recent-idlib-offensive.php (последнее обращение: 16 августа 2024).
5. Бодрийяр Ж. Дух терроризма / перевод А. Качалов // Syg.ma. – 2016. – 22 марта // https://syg.ma/@exsi-exsistencia/zhan-bodriiiar-dukh-tierrorizma (последнее обращение: 9 сентября 2024).
6. Awan, Akil N. The Virtual Jihad // CTC Sentinel. – 2010. – May. – vol. 3, iss. 5. – pp. 10-13.
7. Каратаева Л. Информационные стратегии терроризма: вызовы для системы противодействия // Новые вызовы и подходы по региональной и глобальной безопасности в Центральной Азии: материалы международной конференции (г. Нур-Султан, 26 октября 2018 г.). – Нур-Султан, 2020. – С. 182-209.

8. Zafirovski M., Rodeheaver D. Modernity and Terrorism. From Anti-Modernity to Modern Global Terror // Brill. – 2013. – May 2 // https://brill.com/display/title/22789#showmorecontent (last accessed 5 September 2024).
9. Лавицкая М.И., Тимофеев С.В., Ефремова О.В. Дискурс о терроризме в современном мире: анализ с точки зрения теории секьюритизации // CYBERLENINKA // https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-o-terrorizme-v-sovremennom-mire-analiz-s-tochki-zreniya-teorii-sekyuritizatsii (последнее обращение: 21 августа 2024).
10. Global Terrorism Index // Institute for Economics and Peace. – 2023. // https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2023/12/GTI-2023-web.pdf (последнее обращение: 20 августа 2024).
11. Global Terrorism Index. Measuring the Impact of Terrorism // Institute for Economics & Peace. – 2022. // https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2022/03/GTI-2022-web-09062022.pdf (последнее обращение: 20 августа 2024).
12. Совместный План Действий по реализации Глобальной Контртеррористической Стратегии ООН в Центральной Азии // Региональный центр ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии. – 2011. – 30 ноября // https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/final_joint_action_plan_rus.pdf (последнее обращение: 20 июля 2024).
13. Закон Республики Казахстан «О противодействии терроризму» // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов РК. – 1999. – № 416. // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000416_; Закон Кыргызской Республики «О противодействии терроризму» // Централизованный банк данных правовой информации КР. – 2022. – № 55. // https://cbd.minjust.gov.kg/112387/edition/1177705/ru; Закон Республики Таджикистан «О борьбе с терроризмом» // Министерство иностранных дел РТ. // https://mfa.tj/ru/main/view/3959/zakon-respubliki-tadzhikistan-o-borbe-s-terrorizmom; Закон РУ «О борьбе с терроризмом» // Национальная база данных законодательства РУ // https://lex.uz/acts/19015 (последнее обращение: 15 июля 2024).
14. Неъматов А., Эгамов Б. Роль стран Центральной Азии в установлении прочного мира на афганской земле // Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. – 2021. – 14 июля // https://isrs.uz/ru/maqolalar/rol-stran-centralnoj-azii-v-ustanovlenii-procnogo-mira-na-afganskoj-zemle (последнее обращение: 17 июля 2024).

15. Отчет о проделанной работе за 2023 // Казахстанское агентство международного развития «KazAID» // https://www.gov.kz/memleket/entities/kazaid/documents/details/624944?lang=ru (последнее обращение: 17 июля 2024).
16. Президент Касым-Жомарт Токаев принял секретарей советов безопасности стран Центральной Азии // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – 2024. – 16 мая // https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-prinyal-sekretarey-sovetov-bezopasnosti-stran-centralnoy-azii-1641624 (последнее обращение: 23 августа 2024).
17. О смещении территориального вектора деятельности «Исламского государства» // РАТС ШОС. – 2024. – 30 июля // https://ecrats.org/ru/security_situation/analysis/12249/; О деятельности террористической организации «ИГ-Хорасан» в Турции // РАТС ШОС. – 2024. – 21 февраля // https://ecrats.org/ru/security_situation/analysis/8941/ (последнее обращение: 5 сентября 2024).
18. Президент Республики Таджикистан. Выступление в честь Дня знаний // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. – 2024. – 1 сентября // https://www.president.tj/event/speeches/47093 (последнее обращение: 8 сентября 2024).
19. Президент Республики Казахстан. Независимость превыше всего: Статья Президента Республики Казахстан // Официальный сайт Сената Парламента РК. – 2021. – 5 января // https://senate.parlam.kz/ru-RU/statyaindependence (последнее обращение: 8 сентября 2024).
20. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на саммите Специальной программы Организации Объединенных Наций для экономик Центральной Азии – СПЕКА // Официальный сайт Президента Республики Афганистан. – 2023. – 24 ноября // https://president.uz/ru/lists/view/6886 (последнее обращение: 23 августа 2024).
21. Встреча с Министром иностранных дел Исламской Республики Пакистан Махдумом Шах Махмудом Курейши // Генеральное консульство Республики Таджикистан в г. Алматы. – 2021. – 26 августа // https://mfa.tj/ru/almaty/view/8499/vstrecha-s-ministrom-inostrannykh-del-islamskoi-respubliki-pakistan-makhdumom-shakh-makhmudom-kureishi (последнее обращение: 30 августа 2024).

Азизи Рустам
Центр исламских исследований
при Президенте Республики Таджикистан
заместитель директора
Таджикистан, Душанбе

Влияние «фактора Талибан» на новые риски и вызовы радикализации и экстремизма в регионе Центральной Азии

Введение

События последнего десятилетия подтвердили, что проблема радикализации и экстремизма остается одной из наиболее значимых угроз для стран Центральной Азии, ставящей под удар не только внутреннюю стабильность государств, но и региональную безопасность в целом.

Одним из факторов, усиливающих эту угрозу, стало возвращение в августе 2021 года на политическую сцену в Афганистане движения «Талибан». Активизация его деятельности оказывает значительное влияние на эскалацию проблемы, создавая новые риски и вызовы, которые требуют эффективных ответов от мирового сообщества и особенно стран, соседствующих с Афганистаном, включая государства Центральной Азии. Все это увеличивает риски возникновения конфликтов со стороны экстремистских и террористических группировок и появления новых вызовов для стабильности и безопасности.

В материале рассматривается влияние «фактора Талибан» на радикализацию и экстремизм в регионе, а также возможные стратегии противодействия этим угрозам.

Исторический контекст и актуальность проблемы

С момента распада СССР страны Центральной Азии столкнулись с серьезными вызовами, такими как политическая нестабильность, экономические трудности и социальные потрясения. Эти факторы сделали регион уязвимым перед лицом различных радикальных и экстремистских группировок, которые стремились распространить свое влияние за пределы Афганистана. Начиная с 1990-х годов, Талибан стал не только политической, но и идеологической угрозой для стран региона, особенно в условиях, когда социально-экономические проблемы

и отсутствие устойчивой власти создавали благоприятные предпосылки для роста экстремистских настроений.

Исторические события, такие как гражданская война в Таджикистане, показали, как быстро экстремистские идеологии могут распространяться в условиях нестабильности. Поддержка исламистских групп со стороны Талибан способствовала эскалации конфликта и продемонстрировала уязвимость перед религиозным экстремизмом. Влияние событий в Афганистане на Центральную Азию стало еще более очевидным после терактов 11 сентября 2001 года, когда глобальная борьба с терроризмом привела к вмешательству международных сил. Однако вывод войск США и НАТО из Афганистана в 2021 году и возвращение Талибан к власти вновь усилили возможность радикализации и распространения экстремистских идеологий. Связи Талибан с различными террористическими группировками несут потенциальные угрозы для Центральной Азии.

Влияние «фактора Талибан» на Центральную Азию

Возвращение Талибан к власти в Афганистане создало новую волну нестабильности и неопределенности в Центральной Азии, усиливая риски радикализации и экстремизма в регионе. Важно выделить несколько ключевых аспектов, через которые проявляется влияние Талибан.

1. Усиление радикализации и вербовки.

После возвращения Талибан к власти возникает угроза усиления радикализации среди мусульманского населения стран Центральной Азии. Талибан пропагандирует радикальные идеи, которые противоречат ценностям умеренности и толерантности. Особенно восприимчивы к таким идеям уязвимые группы и индивиды. Успехи Талибан служат вдохновляющим примером для радикальных элементов, показывая, что вооруженная борьба может привести к власти. Эти идеи активно распространяются через социальные сети и мессенджеры, находя отклик среди некоторых медиапользователей.

2. Активизация экстремистских сетей и рост числа боевиков.

Возвращение Талибан к власти превращает Афганистан в притягательное место для иностранных боевиков, включая граждан стран Центральной Азии. Талибан традиционно предоставлял убежище различным экстремистским группировкам, что создает условия для

вербовки и подготовки новых боевиков, которые могут вернуться в свои страны, принося с собой радикальные идеологии и увеличивая угрозу террористических атак. Использование Центральной Азии как транзитной зоны для перемещения боевиков также создает риски распространения экстремистской идеологии и расширения сети вербовки.

3. Идеологическое влияние и пропаганда.

Талибан активно использует свои достижения для усиления радикальной идеологии, продвигая идею о возможности создания исламского государства. «История успеха» Талибан может найти благодатную почву среди определенной аудитории. В приграничных регионах, где сильны культурные и этнические связи с Афганистаном, влияние Талибан ощущается особенно остро, усиливая восприимчивость местного населения к радикальным идеологиям.

4. Усиление террористической угрозы.

Исторически Талибан поддерживал тесные связи с такими террористическими организациями, как «Аль-Каида» и др., что вызывает обоснованные опасения относительно возможного увеличения числа террористических атак в регионе. Центральноазиатские правительства обеспокоены возможностью активизации экстремистских ячеек, которые могут планировать и осуществлять нападения как на государственные структуры, так и на граждан. Эти угрозы способны дестабилизировать ситуацию в регионе и спровоцировать рост насилия.

5. Поток мигрантов и беженцев.

Политическая нестабильность в Афганистане, вызванная приходом Талибан к власти, может привести к увеличению потока беженцев и мигрантов в Центральную Азию. Это создаст дополнительные социально-экономические проблемы, усилит нагрузку на местные ресурсы и вызовет социальную напряженность. Невозможность легально трудоустроиться и интегрироваться в новые общества делает беженцев уязвимыми перед радикальными идеологиями, что может способствовать усилению экстремистских настроений.

Можно заключить, что «фактор Талибан» оказывает значительное влияние на динамику радикализации и экстремизма в Центральной Азии. Усиление радикализации, активизация экстремистских сетей, приток иностранных боевиков и миграционные потоки требуют от стран региона и международного сообщества принятия комплексных мер.

Вероятные политические и социальные последствия для стран Центральной Азии

- **Угрозы безопасности.**

Возвращение Талибан к власти привело к росту угроз безопасности для стран Центральной Азии, включая нападения на приграничные территории, проникновение радикальных боевиков на территорию стран региона и возможную поддержку местных экстремистских группировок. Это создает вероятность использования территории Афганистана для планирования и осуществления террористических атак.

- **Влияние на внутреннюю политику.**

Внутриполитическая ситуация в странах Центральной Азии также подвержена влиянию «фактора Талибан». Правительства региона вынуждены усиливать меры безопасности, увеличивать расходы на оборону, что может приводить к ограничению гражданских свобод и ужесточению государственного контроля. Это в свою очередь способно спровоцировать недовольство среди населения и усугубить социальные и экономические проблемы, создавая благоприятную почву для радикализации. В таких условиях правительствам сложно найти баланс между обеспечением безопасности и сохранением демократических норм и прав человека.

- **Талибан как «пример для подражания» для экстремистов.**

Успехи Талибан в захвате власти в Афганистане служат вдохновляющим примером для различных экстремистских группировок в Центральной Азии. Движение Талибан демонстрирует, что целенаправленная кампания, опирающаяся на идеологическую и военную стратегию, может привести к успеху даже в условиях международного противодействия. Это посылает опасный сигнал экстремистам в Центральной Азии о том, что их цели могут быть достигнуты силой оружия и при поддержке идеологически близких организаций. Талибан, добившийся признания со стороны некоторых международных акторов, доказывает, что радикальные движения могут получить не только контроль над территорией, но и международное признание.

- **Пропаганда успеха.**

Талибан активно использует свои достижения для пропаганды среди радикалов, утверждая, что их модель управления и подход к реализации шариатских законов являются эффективными для мусульманских обществ. Это может создать новую волну радикализации в регионе, если радикалы, вдохновленные примером Талибан, решатся на активные действия против местных правительств.

Использование движением Талибан фактора активизации ИГ-Хорасан

Анализ ситуации последних трех лет показывает, что Талибан использует фактор ИГ-Хорасан в Афганистане для расширения своего влияния, а также для выстраивания отношений с разными акторами. Таким образом Талибан пытается балансировать между демонстрацией своей жесткой позиции против ИГ-Хорасан и поддержкой определенного уровня хаоса, который усиливает его роль как необходимой стабилизирующей силы. Это обстоятельство позволяет ему не только удерживать власть внутри страны, но и искать признания на международной арене.

- **Легитимация власти через борьбу с ИГ-Хорасан.**

Есть мнение, что Талибан сталкивается с серьезной угрозой со стороны группировки ИГ-Хорасан, которая активно действует в регионе, не признает его власть и видит в нем конкурента за влияние и контроль. На самом деле, являются ли Талибан и ИГ-Хорасан союзниками или противниками, остается непонятным. По утверждению Талибан, территория Афганистана полностью им контролируется. Исходя из этого, ИГ-Хорасан без поддержки властных групп Талибан (особенно Сети Хаккани) не может свободно действовать в провинциях Афганистана, открывать лагеря для подготовки боевиков, заниматься привлечением новых адептов, а также вести активную пропагандистскую деятельность.

На фоне стремления ИГ-Хорасан к дестабилизации региона, а также осуществления серии атак и терактов в различных странах мира Талибан пытается использовать угрозу ИГ-Хорасан для легитимации своей власти, позиционируя себя как единственную силу и эффективного защитника против ИГ-Хорасан. Такая риторика позволяет Талибан утверждать, что без его контроля ситуация в Афганистане стала бы гораздо более хаотичной и опасной для всего региона. Этот аргумент становится важным для привлечения поддержки международного сообщества, некоторые представители которого рассматривают Талибан как потенциального союзника в борьбе против более радикальных и неконтролируемых группировок, таких как ИГ-Хорасан.

- **Дискредитация политики правительств Центральной Азии.**

Используя угрозу ИГ-Хорасан, Талибан может подрывать доверие к светским правительствам стран Центральной Азии, указывая на их неспособность эффективно справляться с радикализмом и терроризмом. Талибан утверждает, что только его модель управления и опыт могут успешно противостоять таким угрозам, ставя под сомнение компетентность и леги-

тимность существующих правительств в Центральной Азии. Подобная риторика может усиливает антиправительственные настроения среди населения, особенно в проблемных слоях общества. В результате Талибан не только укрепляет свои позиции внутри Афганистана, но и создает благоприятные условия для роста радикальных настроений в соседних странах.

- **«Шантаж» международного сообщества.**

Талибан также способен использовать угрозу ИГ-Хорасан в качестве рычага давления на международное сообщество. Позиционируя себя как единственную силу, способную эффективно противостоять ИГ-Хорасан, Талибан может требовать признания своего правительства, снятия санкций и оказания экономической помощи в обмен на гарантии борьбы с более радикальными элементами. Таким образом, Талибан использует двойную стратегию: с одной стороны, он борется с ИГ-Хорасан, чтобы укрепить свою легитимность и получить международную поддержку, с другой стороны, он сохраняет определенный уровень угрозы от ИГ-Хорасан, чтобы иметь возможность манипулировать международным сообществом, угрожая последствиями отказа от сотрудничества.

- **Проблема признания легитимности правительства Талибан.**

Сложность для международного сообщества заключается в том, что поддержка Талибан ради борьбы с ИГ-Хорасан может восприниматься как легитимация его правления и методов. Это создает моральную дилемму: как бороться с одной формой экстремизма, не усиливая другую? Ситуация усложняется тем, что Талибан сам по себе является радикальной группировкой с историей нарушений прав человека и связями с террористическими организациями. Признание или поддержка Талибан может вызвать негативную реакцию со стороны других стран и международных организаций, а также свести на нет усилия по продвижению прав человека и демократических ценностей в регионе.

Талибан использует угрозу, исходящую от ИГ-Хорасан, как инструмент давления на международное сообщество. Выступая как защитник от более радикальных группировок, Талибан пытается заручиться поддержкой или по крайней мере терпимостью со стороны мировых держав. В этом контексте Талибан может требовать смягчения санкций, оказания гуманитарной и экономической помощи, а также политического признания в обмен на свою роль в сдерживании ИГ-Хорасан. Талибан предлагает себя в качестве «меньшего из зол», аргументируя тем, что без его участия экстремизм будет распространяться еще быстрее и угрожать не только региону, но и глобальной безопасности.

Заключение

Возвращение Талибан к власти в Афганистане создало сложную геополитическую ситуацию, усугубив риски радикализации и дестабилизации в Центральной Азии. «Фактор Талибан» представляет собой серьезную угрозу для региональной безопасности и стабильности, усиливая радикальные настроения и создавая новые вызовы в борьбе с экстремизмом и терроризмом. Эти обстоятельства требуют от правительств стран региона и международного сообщества выработки комплексных стратегий, которые учитывали бы как необходимость поддержки афганского народа, так и риски, связанные с возможной легитимацией радикальных режимов.

Эффективное противодействие этим угрозам должно базироваться на совместных усилиях стран Центральной Азии и их международных партнеров. Усиление регионального сотрудничества, инвестиции в образование и социально-экономическое развитие, а также взвешенный подход к международному взаимодействию могут стать ключевыми элементами для поддержания порядка и предотвращения радикализации.

Страны региона находятся на передовой линии борьбы с экстремизмом и их успех в этой области зависит от способности балансировать между оказанием гуманитарной помощи Афганистану и избеганием легитимации радикальных сил. Чтобы эффективно противостоять существующим вызовам и рискам, необходимо подходить к решению проблемы комплексно и с учетом всех особенностей регионального контекста. Международное сообщество и центральноазиатские правительства должны выработать стратегии взаимодействия с Афганистаном, которые позволят оказать помощь афганскому народу, не легитимируя при этом радикальные силы. Такой комплексный подход, основанный на понимании уникальных особенностей региона и активной международной поддержке, позволит обеспечить стабильность, безопасность и процветание в Центральной Азии.

Рекомендации

1. **Экономическое и гуманитарное сотрудничество без легитимации движения Талибан.**

Необходимо разделять вопрос гуманитарной помощи афганскому народу и политическую легитимацию Талибан. Международные организации, такие как ООН, могут продолжать предоставлять

гуманитарную помощь через нейтральные каналы и неправительственные организации, избегая прямого сотрудничества с Талибан, которое могло бы быть воспринято как признание его власти. Это позволит смягчить страдания афганского народа, не поддерживая политически радикальные режимы.

2. Признание фактического контроля.

Хотя международное сообщество и центральноазиатские страны могут признать факт контроля Талибан над Афганистаном, это не должно означать автоматического политического признания или легитимации его режима. Важно установить четкие границы взаимодействия с Талибан, опираясь на принципы международного права, прав человека и антитеррористические обязательства. Эти рамки должны служить основой для любых переговоров и взаимодействия с афганским правительством, контролируемым Талибан.

3. Усиление регионального сотрудничества.

Для нейтрализации влияния Талибан на радикализацию и экстремизм в Центральной Азии необходимо усилить региональное сотрудничество в области безопасности. Странам Центральной Азии следует развивать механизмы внутрирегионального, то есть пятистороннего обмена информацией, координировать меры по обеспечению пограничной безопасности и бороться с террористическими угрозами совместными усилиями. В этом контексте могут быть полезны такие организации, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которые способны предоставить платформу для взаимодействия и координации усилий.

4. Противодействие радикализации через просвещение и профилактику.

Одним из наиболее эффективных способов борьбы с радикализацией является укрепление системы образования и повышение уровня информированности населения о рисках экстремизма. Программы профилактики должны быть направлены на молодежь, наиболее подверженную радикальному влиянию, и включать в себя элементы критического мышления, медиаграмотности и толерантности. Программы религиозного образования также должны быть реформированы для продвижения умеренных исламских ценностей, что поможет противостоять экстремистской идеологии.

5. Укрепление социально-экономической стабильности.

Радикализация часто коренится в социально-экономических проблемах, таких как безработица, бедность и отсутствие перспектив. Правительствам стран Центральной Азии необходимо разрабатывать программы экономического развития, направленные на создание рабочих мест, поддержку малого и среднего бизнеса, улучшение инфраструктуры и повышение уровня жизни населения. Способствуя экономической стабильности, они смогут уменьшить привлекательность радикальных группировок для молодежи, которой обещаются быстрые и легкие решения.

6. Акцент на реинтеграцию и реабилитацию.

Страны Центральной Азии должны уделять особое внимание программам реабилитации и реинтеграции бывших боевиков и тех, кто оказался под влиянием радикальной идеологии. Важно создать условия для их безопасного возвращения в общество, включая программы профессионального обучения, психологическую поддержку и помощь в нахождении работы. Это поможет предотвратить повторное вовлечение этих лиц в террористическую деятельность и укрепить социальную сплоченность.

7. Образовательные и культурные инициативы.

Создание платформ для культурного обмена и образовательных программ, направленных на поощрение межкультурного диалога и понимания, может сыграть важную роль в противодействии экстремизму. Поддержка инициатив, таких как культурные фестивали, обмен студентами и профессиональные тренинги, поможет продвигать ценности толерантности, уважения и взаимопонимания. Таким образом, культурная дипломатия станет важным инструментом в предотвращении радикализации и укреплении региональной стабильности.

Перспективы и дальнейшие исследования

Будущее Центральной Азии зависит от того, насколько эффективно страны региона смогут противостоять угрозам, связанным с «фактором Талибан». Поскольку ситуация в Афганистане остается нестабильной, а присутствие и влияние Талибан продолжает оказывать давление на соседние страны, важно проводить постоянный мониторинг и анализ развивающейся ситуации. Рекомендации по усилению мер безопасности, поддержке экономического развития и культурного взаимодействия могут

стать основой для разработки политики, направленной на нейтрализацию радикализма и укрепление безопасности в регионе.

Кроме того, необходимо проводить дальнейшие исследования по оценке эффективности уже существующих стратегий и разработке новых подходов, адаптированных к изменяющимся реалиям. Подключение широкого круга заинтересованных сторон, включая представителей гражданского общества, ученых и международных экспертов, может способствовать выработке более сбалансированных и действенных мер.

III. МИРОВЫЕ ЦЕНТРЫ СИЛЫ И БОЛЬШАЯ АФГАНСКАЯ ИГРА: ГЕОПОЛИТИКА, ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ И ПРИЗНАНИЕ ТАЛИБОВ

Degang Sun
Center for Middle Eastern Studies, Fudan University
Director, Professor of Political Sciences
Shanghai, China

Cautious Engagements: China's Response to the Taliban Government in Afghanistan

From the Chinese perspective, Afghanistan is easy to defeat but hard to conquer. In the past three centuries, the United Kingdom, the Soviet Union, the US, and other major powers stationed troops in Afghanistan for geopolitical rivalries and tried to use this "heart of Asia" as a springboard to penetrate into the hinterland of South, Central, and West Asia. Still, these efforts all turned out to be in vain. The invasion and occupation of Afghanistan by the United Kingdom in the 19th century, by the Soviet Union in the 20th century, and by the US in the 21st century, respectively, provoked Afghan uprising and resistance, which compelled invaders to retreat [1]. As a result, Afghanistan has remained a graveyard for aggressive empires.

I. China's Strategic Calculation after the US Withdrawal from Afghanistan

Since the "911" terrorist attacks in 2001, Afghanistan has been under US rule for 20 years, ranging from four presidents: Bush (Junior), Obama, Trump, and Biden. More than 2,400 U.S. soldiers were killed in the tribal country, nearly 20,000 US troops were wounded, and more than 3,000 US contractors died in the country. The US Congress allocated $144 billion for Afghanistan's security affairs and social reconstruction [2]. The Pentagon also mobilized troops from NATO, Japan, South Korea, Australia, and Afghanistan's neighbors to consolidate Kabul's political and economic reconstruction, but the results were ultimately lackluster.

China is the largest neighbor of Afghanistan; the withdrawal of US troops from Afghanistan in 2021 is perceived as both an opportunity and a challenge. The opportunity is that the US had used Afghanistan as a springboard and a platform to contain China from its western border. Afghanistan was believed

to be a bridgehead by the US and NATO to sabotage China and to dilute its geopolitical influence in the heartland of Asia. Since 2021, China has no longer worried about the US "dual containments" from the East in the Indo-Pacific (at sea) and from the West in Afghanistan (on land) simultaneously.

The withdrawal of US troops from Afghanistan is also a challenge to China. The "Islamic State" and its affiliate Khorasan are resurging; the East Turkestan Islamic Movement (ETIM) is rolling back. These terrorist groups make use of Afghanistan as their forward base to infiltrate China. Afghanistan's daunting problems, such as drugs, refugees, instability, and economic slowdown, have had a serious impact on China's Belt and Road Initiative (BRI) in Central and South Asia.

With concerns about the "security trap" caused by great power rivalries and the "ideological trap" caused by the looming radicalism and extremism, the Chinese government has adopted a policy of cautious engagements with the new Taliban government. It aims to establish congenial relations with the new administration before other actors launch their respective diplomatic offensive. Meanwhile, it avoids falling into the "Dual Traps," which might plunge China into the quagmire of Afghanistan.

II. Principles of China's Engagements in Afghanistan

First of all, China adheres to the "Three Respects" and "Three Nevers." Beijing attempts to explore a new way to handle its relations with Afghanistan in a prudent manner. In 2023, China released a white paper titled "China's Position on the Afghanistan Question", the first principle of which is that China respects Afghanistan's independence, sovereignty, and territorial integrity, respects the independent choices made by the Afghan people, and respects its religious beliefs and ethnic customs. China underscored that it has never interfered in Afghan internal affairs, never pursued its own interests, and never sought so-called spheres of influence in Afghanistan [3]. The "Three Respects" and "Three Nevers" are regarded as the cornerstone of China's policy towards the Taliban administration.

Unlike the US strategy of military intervention, the Chinese government stresses that the Afghan problem is so complex that it can't be settled quickly, which is caused by US military interventionism. China criticizes US occupation and aggression against Afghanistan in the UN Security Council and other multilateral arenas, stressing the importance of respect for Afghan sovereignty and equal treatment of the Afghan government based on the Five Principles of Peaceful Coexistence. In October 2021, China's Foreign Minister Wang

Yi met the Acting Deputy Prime Minister Baradar and Acting Foreign Minister Mottaki of the Taliban Interim Government in Doha, Qatar. Wang highlighted that we should uphold an attitude of equality and mutual respect, contact and communicate with all parties and ethnic groups in Afghanistan. China is not in favor of indiscriminate pressure and is in opposition to US economic and military sanctions against Afghanistan [4]. China's attitude towards Afghan political transformation can be summarized as "by the people, of the people, for the people," i.e., the Afghan people should be the land masters, not second-class citizens.

Second, China disseminates the concept of "promoting peace through development". Different from the Western liberalists' assumption of the Afghan conflict resolution, which highlights that the "democratic deficit" is the root cause of regime failure, China places more emphasis on the material root cause of conflicts. The "development deficit" stems from the imbalance of development and external military intervention, resulting in a widening gap between the rich and the poor, insufficient resilience to economic and financial risks, and the intensification of global energy and food security problems, etc [5].

Since the end of the 20-year anti-terror war in September 2021, the US imposed sanctions on the Taliban government and froze $7 billion of the Central Bank of Afghanistan's overseas assets, half of which would be used to compensate the families of the victims of the "911" incident. China stressed that the two-decade-long military intervention and "democratic transformation" carried out by foreign forces have caused huge losses and suffering to the Afghan people. The profound impact will be difficult to eliminate in many years to come. The seizure of Afghan assets and the US's unilateral sanctions on Afghan people are the fundamental hurdles that have prevented a substantial improvement in the humanitarian situation in the country, exposing the hypocrisy of the US "democratization initiative" in Afghanistan. China's stand is that the US should earnestly draw lessons from the changes in Afghanistan, face up to the severe humanitarian, economic, and security risks and challenges in the war-torn nation, immediately lift sanctions, return Afghanistan's overseas assets, implement its promised humanitarian assistance to Afghanistan, and ensure that it is used for the urgent needs of Afghan people [6].

China's "developmental peace" narrative aims to win the Afghan people's hearts and minds, which has consolidated its discourse power vis-à-vis the US-proposed "democratic peace" proposal. The failure of the US democratic reform in Afghanistan sharply contrasts the "summit for democracy" initiated by the Biden administration.

Third, China highlights the importance of state governance. Beijing has a strong conviction that every developing country should follow its modernization model, prioritizing people's well-being. To consolidate "South-South cooperation," China highlights that it would actively cooperate in medical care, poverty alleviation, agriculture, disaster prevention, and mitigation and help Afghanistan achieve independent and sustainable development early. China's modernization drive is down-top, emphasizing "bread instead of the ballot." China welcomes Kabul's participation in the BRI, supports its integration into regional economic cooperation and infrastructure interconnectivity, and transforms Afghanistan from a "land-locked country" to a "land-linked corridor" [7]. Instead of radical revolution, China favors incremental reforms and appeals to the Afghan government to build a more tolerant, open, and inclusive government. China hopes that the Interim Government will protect the basic rights and interests of all Afghans, including women, children, and ethnic minorities, addressing the thorny issues of drugs, refugees, as well as water and electricity scarcity.

Fourth, China seeks anti-terror cooperation with Afghanistan. After the Biden administration removed ETIM from the terrorist list, China has been upset about the potential surge of the radical group. According to the 2023 United Nations terrorism report, ETIM and ISIS Khorasan are cooperating in Afghanistan [8]. ETIM is designated not only by the Chinese government but also by the UN Security Council as a terrorist group; the ETIM entrenchment in Afghanistan poses a serious threat to China, Afghanistan, and other states. China urges that Afghanistan should earnestly fulfill its commitments, take more effective measures, and resolutely crack down on all terrorist forces, including ETIM. China calls on the international community to firmly support Afghanistan in combating the "three evil forces" of terrorism, separatism, and extremism, support Afghanistan in taking positive measures to cut off ETIM's financing channels, combat its recruitment, cross-border circulation, and the transmission of violent audios and videos. Efforts should be made to curb extremism among youngsters, stop the spread of terrorist ideologies, and eradicate latent terrorists and their hiding places. The interim government of Afghanistan does not allow organizations such as ETIM to have any training bases, fund-raising agencies, or soldier recruitment sites in the country. In September 2021, Afghan Taliban spokesman Suhai Shaheen said that many ETIM members had left Afghanistan and that the group could not seek asylum anywhere in the country [9].

Finally, China has conducted a series of multi-lateral coordination on Afghan issues. The importance of Afghanistan is beyond its borders.

China attempts to consolidate its diplomatic influence through multi-lateral coordination. Taking the Afghan problem as the issue linkage, China has consolidated its strategic cooperation with the US, Russia, Pakistan, Afghan neighbors, and other Central Asian countries. China's political power and diplomatic influence are expanded in the process. In September 2021, the Pakistani Foreign Minister chaired the first Foreign Ministers' Meeting of Afghanistan's Neighbouring Countries. The Foreign Ministers or Deputy Foreign Ministers of Iran, Tajikistan, Uzbekistan, and Turkmenistan also attended the meeting. In March 2022, the third foreign ministers' meeting of Afghanistan's neighboring countries was held in Anhui Province, China, attended by the foreign ministers or high-level representatives of China, Iran, Pakistan, Russia, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. The participants reached consensus on respecting Afghanistan's independence, sovereignty, and territorial integrity and supporting the Afghan people in independently determining their country's destiny. In March 2022, at the China-Pakistan-Afghanistan Foreign Ministers' Meeting, Afghanistan expressed its hope to strengthen China-Pakistan-Afghanistan trilateral cooperation, actively participate in the construction of the "BRI", and consolidate the practical cooperation of the China-Pakistan Economic Corridor project to Afghanistan as soon as possible. In 2023 and 2024, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) successively admitted Iran and Belarus to the organization; the "Shanghai Five" has been transformed into "the SCO Ten" grouping. Afghanistan is striding at the crossroads of the SCO and is considering becoming a full member. The SCO is ideal for its members to discuss Afghan issues, such as drugs, refugees, terrorism, disaster relief, humanitarian aid, unemployment, border disputes, water distributions, etc.

III. Efficacy of China's Respond to Afghanistan

China's economic engagement is substantial. In 2022, the trade volume between China and Afghanistan was merely 595 million US dollars. In 2023, China's trade with Afghanistan reached US$1.33 billion (RMB9.351 billion), up 134.9 % year-on-year, of which China's exports to Afghanistan amounted to US$1.27 billion (RMB8.901 billion), an increase of 141.2 %. In 2023, China imported US$64 million (449 million yuan) from Afghanistan, an increase of 54.9 % [10]. In 2023, Iran was the largest import origin country of Afghanistan (23 %), followed by Pakistan (19 %), China (15 %), and the United Arab Emirates (15 %) [11].

China is one of the stakeholders of the Afghan minerals. Afghanistan is estimated to be home to $1 trillion worth of minerals, including some 60 billion tons of copper, more than 2.2 billion tons of iron ore, and 1.4 million tons of rare earth minerals, which are all crucial to China [12].

Wakhan Corridor connects four countries: China, Afghanistan, Tajikistan, and Pakistan, which is the key to infrastructure interconnectivity. In January 2024, the interim government of Afghanistan announced the completion of the Little Pamir Highway to the China-Afghanistan border via the Wakhan Corridor after five months of construction, declaring that it was an important step in the economic development and tourism revitalization of the region where the corridor is located. As a result, the Wakhan corridor has been "a headline" [13]. In return, China supports Afghan products in the Chinese market, such as cotton, peppers, sunflower seeds, and other agricultural products, and will continue to support the export of Afghanistan's pine nuts, saffron, almonds, and other agricultural products to China [14]. These are regarded as China's developmental assistance to the country.

China's diplomatic engagement in Afghanistan is prudent. On September 17, 2021, in his speech at the Joint Summit of the Leaders of the SCO and the Collective Security Treaty Organization on Afghanistan, Chinese President Xi Jinping stressed that Afghan affairs are in the hands of its own people. China supported all parties in Afghanistan in reaching inclusive political reconciliation through dialogue and consultation [15]. In January 2023, Chinese State Councilor and Foreign Minister Qin Gang had a phone call with Acting Foreign Minister Amir Khan Muttaqi of the Interim Government of Afghanistan. In April Qin Gang met with Muttaqi while attending the Fourth Foreign Ministers' Meeting of Afghanistan's Neighboring Countries in Samarkand. In May, Qin Gang met with Muttaqi again during the Fifth China-Afghanistan-Pakistan Trilateral Foreign Ministers' Dialogue in Islamabad. In October, Wang Yi, Minister of Foreign Affairs, met with Muttaqi on the sidelines of the Third China Tibet Rim-Himalayan Forum for International Cooperation [16].

China's humanitarian engagement in Afghanistan is proactive, which has helped Beijing build a positive image. Through "small but beautiful projects", China has provided timely humanitarian assistance to Afghanistan, including vaccines, medicines, and winter supplies, totaling 300 million yuan in the past three years. In March 2022, China funded one-billion-yuan unconditional assistance for humanitarian, educational, medical, and rural construction projects. *The Global Times* of China launched a petition in 2022 calling for the unconditional return of life-saving money to the Afghan people frozen by the US, which

received worldwide attention [17]. In June 2022, a strong earthquake struck southeastern Afghanistan, killing more than 1,000 people and injuring nearly 2,000, and China offered humanitarian relief as well. The Chinese government contributed 250 million yuan of emergency assistance to Afghanistan through bilateral channels, including winter clothing, food, and COVID-19 vaccines. Some local governments and NGOs in China have also provided up to 50 million yuan in material aid to Afghanistan [18]. All of this assistance has expanded China's influence in the country after the US withdrawal.

However, China's cultural engagement in Afghanistan is limited compared to its economic, diplomatic, and social engagements. In October 2014, during President Ashraf Ghani's visit to Beijing, China announced that it would provide 500 government scholarships to Afghanistan in the next five years. In fact, due to COVID-19 and other reasons, the real number of scholarships is much smaller. As Sultan Baheen, former Afghan Ambassador to China, underscored, compared with scholarships provided by other governments to Afghanistan, the number of scholarships offered by China is rather insignificant [19]. China and Afghanistan are immediate neighbors, but their mutual understanding is rather shallow. Since 2017, more than 200 artifacts from the National Museum of Afghanistan have been exhibited at the Palace Museum in Beijing. Since then, they have been exhibited in Dunhuang, Chengdu, Zhengzhou, Changsha, Nanjing, and Hong Kong [20]. However, the Chinese people's knowledge of Afghanistan and the new Taliban government is shaped mostly by the Western media and China's soft power is restrained. In 2023, President Xi Jinping put forward the Global Civilization Initiative (GCI), but China-Afghan cultural exchanges remain minimal. Therefore, China still has a long way to go in promoting its educational and cultural influence in its neighbor.

Bibliography

1. Sun Degang and Zhang Jieying, "Complex Identity Politics: Three Dimensions of West Asian Powers' Participation in the Afghan Security Affairs," Journal of International Security Studies, Vo1. 40, No. 2, March/ April 2022, p. 31.
2. "Afghanistan: Background and U.S. Policy: In Brief," Congressional Research Service, June 11, 2021, R45122, p. 1, https://sgp.fas.org/crs/row/ R45122.pdf.
3. "Document Issued by the Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China on the Afghan Issue," People's Daily, April 13, 2023, p. 3.

4. “Chinese Foreign Minister Wang Yi’s Remark on China’s Afghan Policy,” October 26, 2021, https://www.mfa.gov.cn/web/wjdt_674879/wjbxw_674885/202110/t20211026_10128495.shtml. (last accessed 27 August 2024).
5. W. Wang, & X. Han, “The Idea and Practice of the Global Security Initiative,” Cotemporary China and World, No. 7, 2022, p. 10.
6. “Document Issued by the Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China on the Afghan Issue,” People’s Daily, April 13, 2023, p. 3.
7. “Document Issued by the Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China on the Afghan Issue,” People’s Daily, April 13, 2023, p. 3.
8. UN, “Letter dated 13 February 2023 from the Chair of the Security Council Committee pursuant to resolutions 1267 (1999), 1989 (2011) and 2253 (2015) concerning Islamic State in Iraq and the Levant (Da’esh), Al-Qaida and associated individuals, groups, undertakings and entities addressed to the President of the Security Council,” 13 February 2023, p. 12, https: digitallibrary. un. org/ record/4002636?ln=zh_CN#record-files-collapse-headert (last accessed 27 August 2024).
9. Yang Xiuqin and Lan Jiang, “System Pressure, Governance Preferences, and the Prospect of the Afghan Interim Government Seeking International Recognition,” South Asian Studies Quarterly, No. 4, 2023, p. 9.
10. Huaon Intelligence, “Statistics on bilateral trade volume and trade balance between China and Afghanistan in 2023,” January 27, 2024, https://www.huaon.com/channel/tradedata/959822.html. (last accessed 27 August 2024).
11. “Afghanistan: Economic and Political Overview,” https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/afghanistan/trade-profile#:~:text=According %20to %20the %20World %20Bank %2C %20in %202023 %2C %20Afghanistan %27s,46 %25 %20reduction %20to %20USD %20257 %20million %20in %202023. (last accessed 27 August 2024).
12. Qiuyi Xie, “China and Taliban-Led Afghanistan: Opportunities and Challenges,” Oxford Political Review, December 21, 2021.
13. Zhu Yongbiao and Hu Ning, “One Corridor, Four Nations: Will Wakan Corridor of Afghanistan Receive the Spring?” World Affairs, No. 12, 2024, p. 66.
14. Wang Shida, “China Will Play a Bigger and Leading Role in Afghan Reconstruction,” World Affairs, No. 9. 2022, p. 26.
15. Wang Chutian, “Policy Choices for Peaceful Development in Afghanistan and China’s Constructive Role”, Contemporary World, No. 12, 2021, p. 45.

16. Chinese Embassy to Afghanistan, “China’s Relations with Afghanistan,” http://af.china-embassy.gov.cn/. (last accessed 27 August 2024).
17. “China will continue to support Afghanistan as it transitions from chaos to stability: Chargé d’Affaires of Chinese Embassy in Afghanistan,” August 30, 2023, http://af.china-embassy.gov.cn/eng/sgxw/202308/t20230830_11135538.htm. (last accessed 27 August 2024).
18. Cheng Xin, “Sending Charcoal to Afghanistan and Demonstrating China’s Responsibility as a Great Power,” Xinhua Daily Telegraph, April 2, 2022, p. 8.
19. Interviews with former Afghan Ambassador to China Sultan Baheen, June 2024, Shanghai, China.
20. “China and Afghanistan join hands to protect cultural relics and jointly defend the Silk Road civilization”, China Culture Daily, September 1, 2021, p. 4.

Толипов Фарход
Негосударственное научное учреждение «Билим карвони»
директор, кандидат политических наук
Узбекистан, Ташкент

Талибан как геополитический проект и роль стран Центральной Азии в Большой Афганской игре

Введение

Вот уже три года исламское движение «Талибан» находится у власти в Афганистане. Представляя его как своеобразный «Талибан-2.0», многие сегодня задаются вопросом о том, насколько правильно рассматривать движение как устойчивую и дееспособную власть. Афганистан на протяжении всей своей истории страдал от двух перманентных факторов, определявших условия его существования: средневековые междоусобные племенные конфликты и фрагментация страны, сохранившиеся до наших дней, а также груз геополитического соперничества крупных региональных и внерегиональных держав в зоне Южной и Центральной Азии.

Приход к власти Талибан произошел при довольно странных и таинственных обстоятельствах: во-первых, он был внезапным, во-вторых, стал результатом не явной военной победы, а секретного договора между ним и США. Все это не может не порождать подозрения в том, что Талибан является определенным геополитическим проектом, а не органическим внутриафганским феноменом.

Противоречивая информация о многолетнем конфликте в Афганистане всегда оставалась концептуально и теоретически либо не проработанной, либо слабо обработанной в рамках исследовательских и аналитических усилий. В силу этого многие представления о событиях в этой стране, особенно о способах миростроительства и развития страны, остаются поверхностными и сиюминутными, а, следовательно, ошибочными.

Неполноценная картина

Почему одно за другим государства начинают признавать власть Талибан в Афганистане? Надо ли это понимать так, что они просто смирились с фактом «победы» Талибан и стремятся поскорее покончить с неопределенностью, а также признали безнадежность альтернативных

решений о способах государственного устройства и управления страной? Вообще следует заметить, что целый ряд вопросов, относящихся к феномену Талибан, остаются пока без определенных ответов. Вот некоторые из них:

- Является ли Талибан реальной силой в Афганистане, как утверждают сегодня многие?
- Талибан – это договороспособная власть?
- Талибан действительно контролирует всю территорию страны?
- Талибан – это гарант безопасности в стране?
- Талибан – это ключ к богатствам Афганистана?
- Является ли Талибан самостоятельной силой, за которой никто не стоит?
- Может ли Талибан стать субъектом международных отношений?
- Почему сохраняется старое название «Талибан», если его лидеры и функционеры далеко не «учащиеся», и если многие считают, что это уже не тот Талибан, что был в 1990-е годы?
- Следует ли считать Талибан угрозой безопасности ЦА?

Чаще всего ответы на эти вопросы звучат неубедительно, поскольку не подкрепляются строгими фактами. Например, придя к власти, Талибан обещал создать инклюзивное правительство, а также разрешить женщинам работать, а девочкам – учиться в школах. Однако эти обещания остались не выполнены, более того, ситуация продолжает ухудшаться.

Кроме таких фундаментальных вопросов, есть еще, так сказать, сопутствующие. Известный политический деятель Генри Киссинджер писал: «Традиционно Афганистан был не столько государством в общепринятом смысле, сколько географическим обозначением территории, которая никогда не находилась под постоянным управлением какой-либо единой власти. На протяжении большей части зафиксированной истории афганские племена и секты воевали друг с другом, на короткое время объединяясь для сопротивления вторжению или для совершения мародерских набегов на своих соседей» [1]. В связи с этим вопрос: это modus vivendi афганцев, перманентное свойство, сохранившееся до наших дней?

Еще один важный вопрос – а есть ли «Большая игра»? Отвечая на него, нужно отметить, что будущая стабилизация и урегулирование ситуации в Афганистане, а также любые стратегические подходы к этой стране будут связаны с наличием и контекстом постоянной геополитической обстановки [2]. Это в свою очередь порождает следующие вопросы. Каково

содержание новой геополитики в Афганистане? На чем основывается «общественный договор» в Афганистане и что из себя представляет нынешний Левиафан в лице Талибан? Основывается ли общественный договор на секретных, либо племенных, либо внеафганских драйверах?

Как пишет индийский аналитик доктор Судха Рамачандран: «Соглашение о мире в Афганистане, подписанное США и Талибаном 29 февраля 2020 года, является важной вехой в почти двадцатилетней войне между двумя противниками. Хотя оно может изменить траекторию конфликта, оно вряд ли принесет мир в Афганистан. Движущей силой сделки были узкие личные интересы двух подписавших сторон, а не цель мира в Афганистане. Это и некорректное содержание соглашения, по всей вероятности, приведут к эскалации насилия в ближайшие месяцы» [3].

Секретное Соглашение между ИГА и США, достигнутое в Дохе, до сих пор вызывает вопросы, касающиеся его содержания. Внезапный уход сил западной коалиции из Афганистана в августе 2021 года также оставляет многие вопросы без ответа. Именно поэтому в подобных ситуациях возникают подозрения, домыслы и утверждения геополитического характера.

Что касается Центральной Азии, то в ней появилась некая геополитическая амбивалентность: если идет Большая игра, то она должна завершиться определенным установившимся порядком (1-я и 2-я игры так и завершились). Еще в 2005 году первый Президент Узбекистана И. Каримов говорил о стратегической неопределенности, которая означала, что интересы мировых держав остаются неясными и противоречивыми. Президент Ш. Мирзиёев заявляет о том, что Узбекистан испытывает на себе давление мировых держав. Появление такого феномена, как форматы «С5+1», тоже свидетельствует о повышении градуса геополитической напряженности в регионе.

О внешней поддержке боевиков в свое время с разочарованием говорил Специальный Представитель ООН Лахдар Брахими: «Что действительно заставило меня принять решение уйти, так это то, что мы собрали всех этих людей, всех соседей, а также Россию и США на встрече в Ташкенте в июле 1999 года. Они подписали очень торжественную декларацию, в которой заявили: “Мы больше не будем помогать ни одной фракции, и мы будем вмешиваться с другими, чтобы не помогать ни одной фракции”». Тем не менее месяц спустя произошло наступление Талибан, которое поддерживалось, финансировалось, вооружалось некоторыми из тех людей, которые подписали эту декларацию [4].

Головоломка вовлеченности/невовлеченности

Разные государства ведут замысловатую политику в отношении афганского вопроса. Так, нынешнее руководство Узбекистана использует политику вовлечения и взаимодействия. Казахстан также начал активно сотрудничать с нынешней властью Афганистана. Таджикистан пока не признает и не сотрудничает с Талибан. Внерегиональные государства также ведут амбивалентную политику в афганском вопросе: Пекин официально признал Талибан, Россия также придерживается политики признания, США и ЕС не подают признаков возможного признания.

Почему так происходит? Что изменилось со вторым «пришествием» Талибан? Последний Президент Афганистана Ашраф Гани, покидая страну, сказал, что Талибан вовсе не изменился с тех пор, как они пришли к власти в первый раз. Можем ли мы утверждать, что война в Афганистане между противоборствующими силами полностью завершилась, или она продолжается?

Ахмед Рашид, пакистанский журналист и аналитик, указал на корыстные интересы лидеров северо-западных провинций Пакистана в поддержке Талибана, сохранении текущего статус-кво и блокировании мирного процесса в Афганистане, поскольку Талибан является частью прибыльной системы покровительства местных вождей пуштунских племен, политиков и мулл [5].

Высказывание А. Рашида содержит следующие вопросы: «Это утверждение, сказанное два десятилетия назад, нынче уместно? Внешняя помощь Талибан, особенно со стороны Пакистана, которая была всегда источником войны, способом его поддержания, является ли сегодня средством удержания власти Талибан?». Очевидно, что в состоянии *failed state* вряд ли власть можно считать устойчивой и способной к эффективному управлению страной. Она все еще остается очень зависимой от внешней помощи.

Но какая помощь власти и народу Афганистана может быть оказана? Видимо, она должна быть двойственной: гуманитарная помощь нужна народу, геополитическая – властям. Другими словами, силы, приведшие Талибан к власти, разумеется, заинтересованы в обеспечении его живучести и дееспособности как правительства, а не только как военизированной группировки, призванной лишь свергнуть предыдущую власть. Известное утверждение, что источником власти в государстве является народ, очевидно, нерелевантно

в афганском кейсе. Народ нуждается в гуманитарной помощи, которую власть не способна предоставить, и ее оказывает мировое сообщество. Поэтому концепции «Левиафана», а также «общественного договора» (social contract) в афганском контексте можно считать несозревшими понятиями. Можно сказать, что ни само существование, ни функционирование Афганистана как самостоятельного государства невозможно полноценно объяснить в рамках известных школ реализма, либерализма или конструктивизма.

Сегодня на разных уровнях все чаще звучит расхожее высказывание о том, что необходимо работать с Талибан. Но что это значит? Каковы реальные интересы и мотивы государств, которые хотят работать с Талибан? Что можно получить от Афганистана и что можно ему дать? Насколько интересен Афганистан для них с точки зрения их стратегических и геополитических интересов? И насколько эти интересы достижимы при нынешней власти в этой стране? Необходимы строгие калькуляции, отражающие возможные реальные выгоды сотрудничества с нынешней властью этой страны.

На самом деле в практике международных отношений существуют три основные формы взаимодействия с точки зрения переговоров и усилий по решению проблем: 1) ультиматум, давление и запугивание; 2) диалог и взаимные компромиссы; 3) посредничество. Какая из них будет более актуальной в случае тупиковой проблемы канала Куштепа? Мне кажется, можно прибегнуть ко всем трем формам, поскольку это заложено в природе международных отношений – что государства преследуют свои национальные интересы и считаются рациональными субъектами. Государства всегда пытаются обеспечить сотрудничество, но готовы к конфликту. Другими словами, реальный процесс взаимодействия государств подразумевает и обусловливает диалектическое переплетение взаимодействия и разъединения.

Чтобы понять суть этого взаимодействия, давайте сравним отношение различных вовлеченных государств к Талибан в разные периоды времени (гипотетические взгляды). Если соотнести данные в таблице ниже, становится очевидно, что понятие этого взаимодействия весьма размыто.

Вовлеченные государства	Отношение к идее переговоров (1996-2021 гг.)	Отношение к идее признания (2021 год)
США	Да	Возможно, да
РФ	Нет	Да
Афганистан	Нет	Нет
Индия	Нет	Да
Пакистан	Да	Да
Таджикистан	Нет	Нет
Китай	Может быть	Конечно
Узбекистан	Нет, но...	Мы должны
Туркменистан	Почему бы и нет?	Почему бы и нет?
Иран	Ну...	Да

Центральная Азия в отношениях с Афганистаном

Позицию и политику Узбекистана в отношении вопросов войны и мира в Афганистане всегда отражал принцип: «Надейся на лучшее, но готовься к худшему». Со времен советско-афганской войны 1979-1989 годов Афганистан ассоциировался у узбеков с опасным районом, где погибли тысячи соотечественников во время этой войны.

Память о прошлой войне в какой-то мере повлияла на узбекистанцев после обретения их государством независимости и сформировала их видение общей ситуации в Афганистане. Узбекистан оказался, так сказать, лицом к лицу с этой страной после исчезновения мощного советского «зонтика безопасности». Вот почему Ташкент сочетал идеалистический пацифизм с реалистичной готовностью. Пацифизм был показан для демонстрации подхода доброй воли к охваченной войной стране и, вероятно, скрывал желание предотвратить любое возможное распространение проблем с территории Афганистана на Узбекистан. Готовность к худшему в свою очередь основана на более реалистичном предположении о возможности такого распространения. В последнем случае были приняты все необходимые меры по укреплению пограничной охраны и армейских подразделений, которые были хорошо обучены и готовы отразить любую угрозу.

Позиция Узбекистана при первом и втором президентах заметно отличается. Первой администрации была более свойственна изоляционистская политика по отношению к Афганистану. Уместно

вспомнить такие инициативы Ташкента, как «6+2» и «6+3», в рамках которых были предприняты попытки создать дипломатическую диалоговую площадку для шести соседних с Афганистаном государств, включая США и РФ («6+2»), а также НАТО («6+3»), для обсуждения миротворческого подхода. Эти усилия, к сожалению, не имели успеха. Возможно, неудачи в значительной степени разочаровали руководство Узбекистана в те годы, что послужило одной из причин более изоляционистской политики Ташкента vis-a-vis Афганистана.

В это трудное время единство стран Центральной Азии востребовано как никогда ранее. Общая позиция и скоординированная политика государств Центральной Азии в отношении Афганистана крайне необходимы. В июле 2021 года в Ташкенте прошла встреча «С5+1» (США и 5 государств Центральной Азии), на которой было принято Совместное заявление. В частности, в нем говорится, что «С5+1» стремится «создать стабильные и процветающие условия, благоприятствующие афганскому мирному процессу, включая подтверждение всем сторонам: срочности существенных переговоров по политическому урегулированию; что единственный путь к справедливому и прочному миру — это согласованное политическое урегулирование, которое приведет к инклюзивной политической системе и будет уважать основные права всех афганцев; что нет никакой поддержки навязыванию силой нового правительства в Афганистане; и что террористам и силам третьих сторон никогда не должно быть позволено использовать афганскую территорию для угроз или нападений на страны «С5+1» или любую другую страну» [6].

Как можно видеть, и в прошлом, и в настоящее время было множество попыток на разных уровнях и в разных международных форматах разработать некие магические способы установления мира в Афганистане. Часто можно заметить, что контакты с Талибаном поддерживаются ради контактов. Это создает впечатление, что региональные государства и великие державы пытаются переманить руководство Афганистана для его умиротворения.

В настоящее время в аналитическом сообществе, а также в политических кругах раздувается миф о том, что Афганистан является частью Центральной Азии. Это не только антинаучная концепция, но и политически опасная, настолько же, насколько приписывание Центральной Азии евразийской сущности искажает историческую и геополитическую перспективу региона. Афганистан – это не часть Центральной Азии, а часть Южной Азии.

Итак, Большая афганская игра возобновилась. Все предыдущие геополитические игры великих держав в регионе тоже велись вокруг Афганистана. Нынешняя геополитика отличается, во-первых, множественностью внерегиональных игроков, во-вторых, субъектностью стран Центральной Азии, которые во время предыдущих игр были лишь объектами их геополитики.

Отсюда вопрос: какую линию должны выстроить страны Центральной Азии в своей политике по отношению к Афганистану? Ответ очевиден – общую и принципиальную. Но как добиться того, чтобы интересы и позиция государств Центральной Азии были услышаны и удовлетворены?

Прежде всего, следует придерживаться духа и буквы стратегического партнерства и союзничества между государствами ЦА. Этот тип отношений предопределяет и диктует не только координацию их внешних политик, но и взаимную поддержку и помощь в ситуациях вызовов их безопасности.

Заключение

Уместно вспомнить замечание Генри Киссинджера: «… повстанец побеждает, если не проигрывает; традиционная армия проигрывает, если не побеждает». Возникает вопрос: кто кого победил? Действительно ли Талибан выиграл войну и были ли силы США действительно побеждены?

1. Нестратегический и неконцептуальный подход к анализу ситуации в Афганистане, с одной стороны, приводит к тому, что способы решения афганского вопроса и в целом представления об этой стране остаются неполноценными и половинчатыми; с другой стороны, порождает подозрения в том, что нынешняя власть в Афганистане – «Талибан» – есть не что иное, как геополитический проект внеафганских сил, а не внутриафганский феномен. Таинственный вывод американских войск из Афганистана в августе 2021 года, непонятное и беспричинное отступление несравнимо превосходящих сил США перед якобы наступающими и непобедимыми силами противника лишь усилили подобные подозрения.

2. Как следствие паралича международного права в таких кейсах, как война в Украине и Палестине, в афганском вопросе мы также наблюдаем, что международное политико-правовое и морально-гуманитарное измерение этой проблемы уступили место сиюминутным интересам,

которые трудно объяснить в рамках теории как реализма, так и либерализма, а также других теорий международных отношений.

3. В обществе создалось впечатление, что всю эту «заварушку» затеяли США и НАТО, и что Талибан якобы вел национально-освободительную борьбу против них. Талибан довольно эффективно спекулировал на этом мифе. В результате общественное мнение во многом было дезориентировано и стратегическая коммуникация была выстроена в искаженном виде. На самом деле стратегическая коммуникация должна была быть направлена на то, чтобы талибы были убеждены, что против них выступает не только Америка или НАТО, но и весь мир. С этой точки зрения Организация Исламская конференция могла бы сыграть решающую роль.

4. Нормативный аспект по-прежнему остается неадресованным. Это вопрос о правах человека, об инклюзивном правительстве, идеологии Талибан и др.

5. Наконец, роль ООН должна иметь огромное значение. Талибан включен в список террористических организаций ООН. С этой точки зрения ожидается, что резолюция СБ ООН даст справедливую, принципиальную и твердую оценку ситуации в Афганистане и возьмет на себя ведущую роль в установлении и обеспечении мира в этой охваченной войной стране. Необходимо создать обстановку «ООНизации»: усилить роль, авторитет, влияние ООН в решении афганского вопроса. Все иные подходы, видимо, будут геополитически перегруженными.

Литература

1. Kissinger H. World Order. – Penguin Books, 2014. – 319 p.
2. Saikal A. Afghanistan's Attitudes toward the Region // The Regional Dimensions to Security. Other Sides of Afghanistan / in Aglaya Snetkov and Stephen Aris, eds. – London: Palgrave Macmillan, 2013. – 50 p.
3. Ramachandran S. What Will the U.S. - Taliban Peace Agreement Bring for Afghanistan? // CACI Analyst. – 2020. – March 7 // http://cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13608-what-will-the-us-taliban-peace-agreement-bring-for-afghanistan?.html
4. Kreisler H. Conversation with Lakhdar Brahimi. – 2005. – April 5 // http://globetrotter.berkeley.edu/people5/Brahimi/brahimi-con3.html
5. Rashid A. Pakistan and the Taliban / in W. Maley (ed.) Fundamentalism Reborn? Afghanistan and Taliban. – New York University Press, 1998. – P. 82-84.

6. Joint Statement of the C5+1 on the International Conference «Central and South Asia: Regional Connectivity. Challenges and Opportunities» // U.S. Embassy in Uzbekistan. – 2021. – July 16 // https://uz.usembassy.gov/joint-statement-of-the-c51-on-the-international-conference-central-and-south-asia-regional-connectivity-challenges-and-opportunities/

Daniel Luecking
Scientific adviser to a member of Bundestag, Dr. André Hahn
Berlin, Germany

From Former Mistakes to Future Failures? Stop Playing Games in Afghanistan – a Statement of a Former Soldier

As presumptuous as it might be regarded since I come from one of the countries that have abandoned Afghanistan in August 2021 after years of supposedly supporting the country, I have a very clear demand that needs to be forwarded: "Stop playing games with Afghanistan".

I was 26 years old when I first arrived in Afghanistan in the end of the year 2005. I had received almost no training for my job as an officer and head of the Sada-e-Azadi Shamal radio station. It was acquired knowledge about a country that had known only war, violence and injustice for as long as I had been alive.

Hence, I had little choice but to listen to the seven male and one female Afghan, I worked with every day. We used English as our means of communication – a language that was neither their nor my mother tongue. We always had to communicate carefully and deliberately, because the words and what we wanted to express naturally couldn't flow in the same way as they would have in our respective first languages.

But communication between equals on an eye to eye level requires even more. Trust requires even more. I experienced people who, with their war experience, quickly analyzed what I expected or could possibly expect from them faster than I had ever encountered before. This made it difficult to get an open and unbiased answer to a question. I say that without reproach, because it was an important form of self-protection for the people in Afghanistan to act like this. They simply could not afford to trust too quickly and certainly not to a bunch of soldiers that were brought to their country without proper training or knowledge in language and culture.

In many ways, the daily cooperation lead to a change in my perception. From fulfilling a duty, that was given to me, my work quickly changed in to support and sympathy.

At the end of 2005, we were lucky, because there was a peace in Kunduz that is almost unimaginable today. Just a few days after arriving in Afghanistan, I found myself next to a soccer field in the city. We were reporting live from the soccer tournament on the radio. The soldiers stood relaxed on the sidelines, enjoying the still-warm sun. Even if I didn't dare after that short time in the

country, others had already gained so much confidence that they took off their bulletproof vests. At least I had enough courage to get myself an egg soup from one of the local stalls. It was delicious.

In the end of 2005, the Christian Christmas and the Muslim Eid al-Adha coincided with each other, taking place just one month apart. As curious as the Afghan editors were at Christmas as to how I would behave during one of the high holidays of my religion, what my customs and traditions were, I was equally interested at how the Eid festival went a few weeks later. I asked curiously about other festivals and wanted to know what happens for example at a wedding. And here, too, there was little difference between the cultures. Even if the faith was different, both cultures knew that it was the task of friends and families to do their best, to help the young couple on their way to a life together.

These first bonds were fortunately not broken when caricatures were published in a Western newspaper at the end of January 2006, which caused an uproar in the Muslim world. People's religious sensibilities were offended.

As a trained journalist, it was clear to me that the pictorial defamation had been deliberately chosen as a message that would even reach those who have never learned to read or write. As high, as I value freedom of press, as much I demand a responsible behavior from my fellow professionals. An intellectual debate on religious topics is possible. But it was easy to forecast, that these caricatures would not criticize and address a decent topic, but escalate into bloodshed.

The Afghans have been "played" with for too long. For too long they have seen rule from the outside, people who have traveled from far away and who falsely meet them as friends and cooperation partners. Komak wah ham kare - help and cooperation- that was the motto of the early years of Western visitors. We wanted to win the hearts and minds of the people. That was the military mission for me and my radio team. But hearts and minds are one thing - trust and the conviction that we really meant it would have taken more. And we as international troops or political institutions did not deliver that.

Instead of working for the people, their villages and communities, we involved the first cooperation partners that came along, regardless their role in the former struggles Afghanistan had to fight. Nothing made us less credible than talking about human rights, democracy and education, while the Afghan people knew all too well which former warlords we were cooperating with. The biggest problem in Afghanistan is corruption - that was already the subject of many conversations I had with the editors and our correspondents back then. The international community has done few to nothing to change this but has instead made the situation worse.

"Insanity is doing the same thing over and over again but expecting different results." A quote that has proven itself time and time again in Afghanistan not only during my lifetime. The Soviet army came and left the country defeated. The international troops came and left the country just as unsuccessfully.

"Insanity is doing the same thing over and over again, but expecting different results." There is a greater truth, a greater warning in this quote, because ultimately it also applies to war and armed violence. US President George W. Bush was spreading terror and fear with his troops especially during night raids because he wanted to fight terror and fear. US President Barack Obama replaced the foot troops with drones and spread terror and fear. When US soldiers and international troops were tired of their own deaths, they let Afghan special forces do the same things. Now it is the Taliban who are using terror and fear to keep the population of Afghanistan in check.

"Insanity is doing the same thing over and over again, but expecting different results." Afghanistan has been characterized by this approach far too long. We must succeed in unlearning the war, which several generations in Afghanistan have experienced in my lifetime alone as the only reliable source of income. But for this to succeed, the people of Afghanistan need communication on an equal footing. This starts with the equal treatment of all ethnic groups living in the country. It must continue with ensuring that no nation from outside pushes its own political interests into the country with weapons and money flows, destabilizing it with secret services.

Afghanistan needs partners, but not financial flows and donors who - sometimes more, sometimes less directly – push their own agenda by promoting the next war.

Over the past two years, a commission of experts in the Bundestag, the German parliament, has compiled and documented the fact that the Germans in particular have been indifferent to what is happening in Afghanistan for far too long. On three hundred fifty six pages it says, among other things: "Knowledge and detailed unvarnished pictures of the situation were provided by various sources of information, but were not systematically brought together to form a realistic overall picture." That's a nice way of saying "we lied to ourselves".

Another quote: "T*here was also insufficient networking at parliamentary level. The focus was on control."* But what does "control" mean? It just means standing by and looking at what has long since happened.

The report also writes about the game with Afghanistan without expressing it directly. Quote: *"At the international level, coordination was complicated due*

to numerous actors with sometimes competing interests, which made it difficult to set common objectives and coordinate the use of resources." This reminds me of a soccer match in which the teams run onto the field but cannot agree on where the goals should be placed and what rules should be applied to the ball.

What remains after all these years? The Afghans have quickly learned that even the world's strongest economic powers cannot be relied upon. While "the West" went into a battle between good and evil, the best thing that an afghan family with three sons could do was, to sent one son to work for the international troops, one son to the Afghan National police and one son to the Taliban, Isis or a warlord's militia.

So for Afghanistan there could be no "good or bad", no "right or wrong", but only the goal of survival. A solution that may finally work, seems far away. Violence must disappear from people's minds and hands if Afghanistan is to be a neighbor to your countries in the future, from which neither danger nor misery in the form of refugees can emanate. Only when weapons and bombs are silent fear and distrust can disappear and people's focus can shift towards peace.

It is depressing that women in Afghanistan are again banned from speaking in public under the so called "Virtue Law". How afraid must those currently in power be of female criticism?

The quote, about doing the same thing over and over again and expect different results is commonly associated to Albert Einstein. But in fact, there is no written evidence found in Einsteins works and the first appearance of this misscitation can be found in the 1980s. Guess what: it was the female author and activist Rita Mae Brown who used it in a book. Besides that, variations of this quote are around since the 19th century.

"Insanity is doing the same thing over and over again, but expecting different results." This should not only be told to the current rulers in Afghanistan.

I wish for the Afghanistan people that the flow of weapons, bombs, terror and violence will dry up. I wish the Afghans who have had to leave the country the courage to continue to support their homeland and to achieve a peaceful solution for their country and their ethnic groups internationally.

Things that have to be done differently, are not only to be found in Afghanistan or its neighboring states. If it comes to the global power brokers, we have to establish a trustworthy and accountable interaction.

To establish this, the powerful have to must keep themselves in check. No false games with self-proclaimed invitations to the country. No wars inside the country that are declared as security-cooperation. No actions of secret-

services overthrowing countries and governments. No private security companies, that appear to commit crimes, soldiers and states would be criticized for and disappear shortly after these crimes become publicly noticeable.

We have to remind our politicians, that announcements to save up to 36.000 former co-workers from being pursued in Afghanistan must be held. To end up in just allowing 860 people to flee from the Afghanistan to Germany, is unacceptable.

Махмудов Рустам
Университет мировой экономики и дипломатии (УМЭД)
доцент, ведущий научный сотрудник
Института перспективных международных исследований
Узбекистан, Ташкент

Абдуллаева Мадина
Университет мировой экономики и дипломатии (УМЭД)
старший преподаватель кафедры политологии

Усмонова Муштарий
Университет мировой экономики и дипломатии (УМЭД)
магистрантка направления «Международные отношения
и современные политические процессы»

Природные ископаемые Афганистана: станут ли они фактором Большой игры?

Поражение движения «Талибан» и их союзников в 2001 году в результате военной операции США и приход к власти проамериканского правительства Хамида Карзая, казалось бы, открыли возможности для начала ввода значительных запасов природных ископаемых Афганистана в структуру мировой экономики. Стали подписываться первые контракты с китайскими и индийскими компаниями. Однако последовавшая затем нестабильность, вызванная нарастающей партизанской активностью талибов, поставила крест на масштабных инвестициях в добычу сырья.

Вновь окно возможностей стало открываться после возвращения «Талибан» к власти в августе 2021 года, вслед за выводом иностранных военных контингентов. Хотя Временное правительство талибов так и не получило за последние три года официального признания мирового сообщества, тем не менее стабилизация ситуации в стране и проведение частью элиты движения прагматической экономической политики снова подняли вопрос о дополнительной разведке запасов сырья и разработке открытых месторождений.

Что представляет собой Афганистан с точки зрения природных ресурсов?

Территория Афганистана на 80 % состоит из гор и плоскогорий, которые, как показывает практика, всегда представляют собой кладовую природных ресурсов. Кроме того, в Афганистане много пустынных территорий, способных потенциально содержать в себе большие запасы нефти и природного газа. Эксперты расходятся в оценках стоимости афганских природных ресурсов, но, как правило, они находятся в диапазоне от 1 до 3 трлн долларов.

Первые геологические исследования в Афганистане начались еще в XIX веке британскими геологами. Однако систематические геологические исследования стали проводиться советскими, американскими, немецкими, французскими и шведскими специалистами только в XX веке. С 1955 года, когда была основана Национальная геологическая служба Афганистана, к ним присоединились афганские геологи. Была проведена масштабная работа по открытию и исследованию многочисленных месторождений золота, железной и медной руды, драгоценных и полудрагоценных камней, нефти и природного газа.

Некоторые из открытых месторождений стали в 1970-1980 гг. важной статьей дохода для афганского бюджета, в частности месторождения углеводородного сырья, открытые в северных провинциях Афганистана. В 1960-х годах в провинции Джаузджан были обнаружены нефтегазовые месторождения: Анготское (нефтяное), Етыг-Тагское, Ходжа-Гогрдакское, Ходжа-Булакское (газовые).

При содействии Советского Союза в 1967 году была начата добыча на месторождении «Ходжа Гогердак» (с запасами 67 млрд куб. м), расположенном недалеко от провинциального центра Шибирган. Запланированная мощность добычи должна была составить 3 млрд куб. м в год, из которых 2,5-2,6 млрд должны были идти в Советский Союз (Узбекскую и Таджикскую ССР). Для этого был построен 100-километровый газопровод до г. Келиф (Туркменистан), по которому афганский природный газ поставлялся на север до 1990 года. В первый же год экспорта природного газа (1968 г.) Кабул получил 53 млн долларов за поставку 1,5 млрд кубометров, что было равно доходу от всего экспортируемого хлопка, каракуля, шерсти и кожи. Газ из этого месторождения также использовался для снабжения сырьем Мазари-Шарифской ТЭЦ и азотно-тукового комбината [1].

Афганские месторождения нефти и природного газа территориально находятся в рамках двух бассейнов. Первый – это Амударьинский нефтегазовый бассейн, расположенный в северо-западных провинциях Фарьяб

и Сари-Пуль. Вторая нефтегазовая провинция – Афгано-Таджикские нефтегазовые месторождения, расположенные в северных и северо-восточных провинциях страны. Потенциально извлекаемые запасы нефти в этих двух месторождениях оцениваются в 1,94 млрд баррелей [2].

В 1960-70-е годы советские геологи начали работу по составлению карты афганских золоторудных месторождений. Они выделили два перспективных региона: северо-восточные провинции Бадахшан и Тахар и южные провинции Газни, Забуль и Кандагар.

В 1995 году «Экономическая и социальная комиссия Организации Объединенных Наций для Азии и Тихого океана» (the United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific) опубликовала отчет под названием «Геология и минеральные ресурсы Афганистана», где был дан список и описание более 1 400 месторождений природных ресурсов, из которых 110 месторождений – с содержанием золота. В свою очередь «Геологическая служба США» (USGS) в 2002 году опубликовала список из 112 месторождений с содержанием золота – золоторудные месторождения (vein gold) и месторождения с рассыпным золотом (placer gold deposits).

Одним из крупнейших месторождений золота считается «Заркашан». В период 1967-1971 гг. советскими геологами была проведена его оценка, которая показала, что доказанные запасы золота в нем составляют 7 777 кг, а предполагаемые – от 12 000 до 15 000 кг [3].

Были также открыты большие запасы железной руды. Крупнейшим месторождением железа является «Хаджигак» в провинции Бамиан с запасами до 2 млрд тонн руды с содержанием железа 63-69 % [4]. В Афганистане находится 80 млн метрических тонн железной руды с содержанием железа 50-68 % [5]. Специалисты считают, что эта страна очень перспективна на месторождения железа.

Также Афганистан богат медью. На сегодняшний день осадочные запасы меди (the sediment-hosted copper) оцениваются почти в 30 млн метрических тонн, из которых 12,3 млн тонн – это подтвержденные запасы и 16,9 млн тонн – возможные запасы. Сопутствующие запасы серебра и кобальта в них составляют 7,670 и 601,5 тыс. тонн соответственно. Перспективные неразведанные запасы медно-порфировых месторождений оцениваются в 28,5 млн метрических тонн меди, при сопутствующих запасах золота в 682 кг и молибдена – 724 тыс. тонн [4].

Крупнейшим из открытых месторождений меди является «Мес-Айнак» в провинции Логар, с запасами 4,4 млрд тонн медной руды [6].

По американским оценкам, стоимость сырья в этом крупнейшем неразработанном меднорудном месторождении составляет 50 млрд долларов [7]. По другим оценкам, запасы меди и кобальта в «Мес-Айнаке» могут достигать суммы в 102 млрд долларов [8].

В настоящее время одним из крупнейших источников доходов для Афганистана является добыча и экспорт угля. В 2023 году экспорт угля принес 174 млн долларов [9]. На деньги, получаемые с продажи угля из Балхабского угольного бассейна, Талибан планирует финансировать строительство канала «Куштепа» [10]. В целом подтвержденные запасы угля в стране составляют всего 73 млн тонн [11], однако, по другим оценкам, потенциальные запасы могут составлять 440 млн тонн [12]. В Афганистане открыто 80 месторождений угля, из которых разрабатывается только 17, большинство из них находится в северных и центральных районах страны [13]. Интересным фактом является то, что в 2017 году, в период нахождения американцев в стране, добывалось 150 тыс. тонн угля в год, из которых только 40 тыс. тонн поступало из шахт, контролируемых правительством [10]. Наведение талибами порядка в этой сфере позволило им увеличить доходы бюджета.

Многообещающими для экономического развития Афганистана могут стать месторождения лития, которые протянулись широким «литиевым поясом» от западной провинции Герат до восточной провинции Нуристан. Длина этого пояса оценивается в 900 км, а ширина – от 150 до 200 км [14]. Большие запасы лития были обнаружены в провинции Газни американскими геологами в 2010 году. Запасы лития оцениваются в 2,3 млн тонн, за что Афганистан получил прозвище «литиевая Саудовская Аравия» (Saudi Arabia of Lithium) [15]. Есть также и очень оптимистические оценки, сравнивающие запасы лития только в одной провинции Газни с крупнейшими в мире месторождениями в Боливии, содержащими 21 млн тонн этого металла [16]. Литий сегодня является одним из самых востребованных в мире металлов в связи с «зеленым переходом». Он используется при производстве литий-ионных аккумуляторов для электромобилей.

Афганистан очень перспективен на редкоземельные металлы (РМЗ), используемые в технологиях Четвертой промышленной революции. Их оценочные запасы доходят до 1,4 млн тонн. Страна известна также своими большими запасами драгоценных и полудрагоценных камней и мрамора (1,3 млрд тонн) [17]. Есть значительные месторождения бокситов, хрома, цинка.

Анализ конкурентных преимуществ возможных участников Большой сырьевой игры

Безусловно, столь обширные неразработанные запасы природных ископаемых рано или поздно должны привлечь внимание крупнейших мировых компаний и стоящих за ними государств, что в свою очередь с высокой степенью вероятности может стать триггером Большой сырьевой игры вокруг Афганистана. Можно сказать, что первые ее признаки уже просматриваются в борьбе за наиболее крупные активы – месторождения меди и лития. Также в поле конкурентной борьбы могут превратиться в ближайшем будущем месторождения редкоземельных металлов.

Говоря об участниках Большой сырьевой игры, в первую очередь речь идет о Китае, который стремится войти в сырьевой сектор Афганистана, используя умелую дипломатическую тактику, заключающуюся в избегании критики политики Талибан с ценностной точки зрения (что присуще странам Запада). Китай обосновывает свои планы по вхождению в афганскую экономику интересами взаимной выгоды и оказанием помощи в создании рабочих мест, что внесет вклад в укрепление дружественных отношений между китайским и афганским народами.

Преимуществами Китая в начавшейся сырьевой гонке являются мощная экспортоориентированная экономика, нуждающаяся в постоянном притоке сырья, и географическая близость к Афганистану, которая может быть конвертирована в финансово-экономические дивиденды в случае развития транспортной взаимосвязанности двух стран. В настоящее время ведется работа на этом направлении. Речь идет о строительстве транспортной инфраструктуры через Ваханский коридор.

В августе 2024 года Мохаммад Юнус Ахундзада, исполняющий обязанности министра по восстановлению и развитию села (Mohammad Younus Akhundzada, the acting Minister of Rural Rehabilitation and Development), заявил, что он ожидает завершения строительства автодороги «Вахан – Китай» к зиме. «Во время поездки меня сопровождали друзья из Китая и китайский посол. Они хотели осмотреть территорию, чтобы посмотреть, можно ли построить железнодорожную линию вдоль дороги. Сначала они думали, что на этой дороге понадобится несколько километров туннелей; однако им доказали, что не требуется даже одного километра туннеля», – отметил Мохаммад Юнус Ахундзада [18]. Завершение строительства этой дороги серьезно усилит конкурентные преимущества

китайских компаний, снизив транспортную зависимость на афганском направлении от коридоров через Центральную и Южную Азию.

После возвращения талибов к власти экспертами отмечается резко возросшее число китайских бизнесменов, приезжающих в Афганистан для зондирования возможностей инвестирования в разработку полезных ископаемых. По состоянию на июнь 2024 года с такой целью Афганистан посетило около 500 китайских бизнесменов. На афганском рынке работает уже более 20 китайских компаний, более 100 китайских компаний зарегистрировались в Министерстве горнодобывающей промышленности Афганистана [14].

Знаковым событием для китайской стратегии по усилению своих позиций в сырьевом секторе в Афганистане стало начало разработки месторождения «Мес-Айнак» China Metallurgical Group Corporation (MCC), которая выиграла тендер стоимостью 3 млрд долларов еще в 2008 году, однако из-за нестабильности так и не начала добычу меди [19].

Запуск производства меди в Афганистане еще больше усилит лидирующие позиции КНР на глобальном рынке добычи, переработки и экспорта меди. Кроме того, добавление нового источника поставок меди на внутренний рынок позволит Пекину получить серьезное преимущество в разворачивающейся глобальной гонке за лидерство в новейших технологиях. Как известно, медь играет критически важную роль в индустрии производства электромобилей – таких их компонентов, как батареи, двигатели, инверторы и зарядная инфраструктура. Также медь лежит в основе производства центров обработки данных искусственного интеллекта (ИИ), в секторах, связанных с энергетической и экологической устойчивостью [20].

Можно с уверенностью говорить о том, что если Пекину удастся реализовать полный цикл ввода в строй месторождения «Мес-Айнак», то медную гонку в Афганистане он выиграл.

Также отмечается пристальный интерес Китая к афганским месторождениям лития. Для него данный металл является критически важным, поскольку китайские компании считаются мировыми лидерами по производству и экспорту электромобилей. По состоянию на 2023 год на долю Китая пришлось 56,3 % мирового рынка электромобилей [15]. Это вынуждает его импортировать растущие объемы карбоната лития для производства литий-ионных аккумуляторов, большая часть поставок которого идет на китайский рынок из Южной Америки (Чили и Аргентина) и Австралии [21]. Запуск импорта литиевого сырья из Афганистана

позволит диверсифицировать источники поставок и снизить зависимость от Австралии, которая является уязвимой для давления со стороны США в их игре на обострение против Пекина.

Китай уже сделал первый шаг в литиевой игре в Афганистане. Китайская компания Gochin в 2023 году выразила заинтересованность в инвестировании 10 млрд долларов в литиевые месторождения Афганистана в ходе визита своих представителей в Кабул [22]. Однако Талибан, похоже, взял паузу, не желая попадать в чрезмерную зависимость от Пекина и ожидая предложений со стороны других игроков на рынке лития. Потенциально конкуренцию Китаю могут составить Индия и Россия.

Эксперты считают, что афганские месторождения лития имеют высокую значимость для Индии в рамках ее программ развития экономики нового технологического уклада и зеленого перехода, а также технологической геополитики. Дело в том, что цепочки поставок лития в Индию сильно завязаны на ее ключевом экономическом и технологическом конкуренте в лице Китая. Это стало возможным благодаря тому, что Китаю удалось взять под свой контроль почти 60 % мировых мощностей по переработке лития и вложить значительные средства в проекты по добыче лития в таких странах, как Чили и Австралия. Подобная зависимость серьезно сужает свободу маневра для Дели, в том числе и в области геополитической конкуренции с КНР.

В то же время Индия не может отказаться от китайского лития, так как у нее амбициозные планы по созданию собственной индустрии производства электромобилей и литий-ионных аккумуляторов. Прогнозируется, что до 2030 года ее электромобильной промышленности потребуется до 56 тыс. метрических тонн карбоната лития. Литий также понадобится на развитие индийских систем электроники, телекоммуникации и промышленных приложений [23].

Ряд индийских экспертов считает, что у Дели фактически нет альтернативы, кроме как начать большую литиевую игру в Афганистане в ее экономическом и геополитическом измерении. При этом Индия будет иметь определенные шансы на успех, поскольку Талибан также может стремиться диверсифицировать свои экономические связи. Однако насколько быстро официальные власти Индии смогут сменить свои подходы в отношении ИЭА, пока остается неясным. Между тем время не ждет, и проекты разработки крупнейших афганских месторождений лития могут в итоге достаться Китаю.

Еще одним потенциальным конкурентом Пекина в литиевой гонке в Афганистане может выступить Россия. Первый шаг в этом вопросе сделали сами талибы. В мае 2024 года и. о. министра промышленности и торговли ИЭА Нуруддин Азизи на полях форума «Россия – Исламский мир: KazanForum» пригласил российские компании инвестировать в добычу лития, меди и драгоценных камней [24].

Для самой России литий все больше превращается в ресурс стратегической важности на фоне ужесточения санкционной войны с Западом, которая затрагивает также цепочки поставок лития, что создает угрозу планам производства электромобильной индустрии.

В этой связи Москва делает ставку на создание собственного полного литиевого цикла. Он включает в себя следующие составляющие:

— наращивание внутренней добычи. До 2030 года планируется освоить пять крупных литиевых месторождений;

— налаживание производства первого передела (переработка, получение гидроксида, карбоната или металлического лития);

— второй передел (выпуск литийсодержащей продукции, прежде всего катодных материалов);

— третий передел (производство ячеек и накопителей);

— четвертый передел (изделия с аккумуляторами).

Как признают сами российские специалисты, у Москвы есть проблемы на двух этапах литиевого цикла. На первом этапе необходимы новейшие технологии, поскольку, в отличие от Аргентины, Боливии и Чили (где литий содержится в минерализованных подземных водах), в России литий содержится в пегматитах (горных породах), что делает его добычу технологически более сложной и дорогой. Есть проблемы и на втором этапе, связанном с производством элементов для накопителей энергии – анодов, катодов, электролита. Это наиболее «узкое место в создаваемой цепочке». Решение данной проблемы потребует времени и инвестиций в прикладную науку и систему образования [25].

Указанные сложности делают Россию менее конкурентоспособной по сравнению с Китаем, который имеет полноценный литиевый цикл. Тем не менее шансы у России войти на афганский литиевый рынок в рамках добычи и первичной переработки есть, учитывая как стремление Талибан диверсифицировать свои инвестиционные связи, так и новую российскую стратегию «разворота на Восток».

Потенциально еще одно поле для Большой игры может открыться вокруг месторождений редкоземельных металлов. Очевидно, что ключевым

игроком на нем опять будет Китай. Пекин – традиционно мировой лидер в области добычи, переработки и поставок редкоземельных металлов. В последнее десятилетие пик добычи РМЗ в КНР пришелся на 2016 год – 78,9 % от мирового производства. В 2020 году добыча упала до 57,6 %, однако затем начался рост, и по итогам 2022 года был достигнут показатель в 70 %, а в 2023 году – 68,8 % [26]. На мировом рынке около 90 % поставляемых очищенных редкоземельных металлов имеют китайское происхождение [27].

РМЗ – это ключевые компоненты для высокотехнологической продукции, и лидерство Пекина в этом сегменте глобального сырьевого рынка дает ему серьезный инструмент давления на США и ЕС в разворачивающейся глобальной технологической гонке, которая все больше приобретает геополитический и даже идеологический характер. Пекин уже пользуется им для сдерживания политики санкций и политического давления со стороны США.

В частности, в августе 2024 года КНР ввела ограничения на поставки галлия и германия, используемых для производства микропроцессоров, полупроводников, различной волоконно-оптической продукции, солнечных панелей, электромобилей. Это стало шоком для рынка, вызвав двухкратный рост цен, поскольку доля китайского галлия в мировом производстве составляет 98 %, а германия – 60 % [28]. Более того, Китай стремится установить государственный контроль над отраслью добычи редкоземельных металлов в стране посредством национализации всех запасов тех металлов, которые используются при изготовлении интегральных микросхем [29].

Подобные шаги Пекина вызвали недовольство США, которые признали чрезмерную зависимость стран Запада от китайских РМЗ и, похоже, хотят изменить глобальный рынок добычи этих стратегически важных металлов через наращивание инвестирования в другие регионы и страны. При этом Вашингтон предпочитает придерживаться ценностно-идеологического подхода. Как заявила Министр энергетики США Дженнифер Грэнхолм: «Мы не хотим слишком зависеть от стран, ценности которых мы можем не разделять» [30].

Заключение

В целом на сегодня есть все предпосылки для Большой игры вокруг природных ископаемых Афганистана, и наиболее высокие шансы выиграть

ее у Китая. Такая мощная экономика, как китайская, тем более обладающая потребительским рынком, одним из крупнейших в мире, и развитой технологической базой, сможет практически в одиночку «переварить» наиболее прибыльные виды природных ресурсов Афганистана.

В то же время Индия и Россия остаются пока на вторых ролях. Индии мешает идеологический подход, а Россия находится под санкциями. Тем не менее они при наличии определенной политической воли могут войти на афганский рынок сырья, особенно лития, а также железа (семь индийских компаний во главе с государственным Steel Authority of India выиграли тендер стоимостью 10,3 млрд долларов на разработку трех участков железорудного месторождения «Хаджигак»). Нужно принять во внимание, что новые афганские власти были бы не против прихода компаний этих стран для снижения зависимости от КНР в сфере горной добычи.

Что касается США и ЕС, то они пока придерживаются идеологического подхода, предпочитая не иметь экономических и инвестиционных отношений с ИЭА.

Литература

1. Верхотуров Д. Почему Афганистан поставлял газ Советскому Союзу? // Afghanistan.ru. – 2004. – 12 января // https://afghanistan.ru/doc/2007.html
2. Ahmad Tamim Mehrad. Assessment of oil and gas resources of northern Afghanistan and their impact on energy security in the country // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. – 2020. // https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/976/1/012038/pdf#:~:text=Most %20of %20the %20oil %20and,Uzbekistan %20and %20Iran %20 %5B4 %5D.
3. Minerals in Afghanistan // Afghanistan Geological Survey // https://nora.nerc.ac.uk/id/eprint/10926/1/Gold_A4.pdf
4. Mining sector Roadmap // Ministry of Mines and Petroleum, Islamic Republic of Afghanistan. – 2019. // https://momp.gov.af/sites/default/files/2020-07/MoMP %20Roadmap-1-merged.pdf
5. Stephen G. Peters. Summary of the Badakshan Gold Area of Interest. Summaries of Important Areas for Mineral Investment and Production Opportunities of Nonfuel Minerals in Afghanistan // Research Gate. – 2011. – January 29 // https://www.researchgate.net/publication/274253087_Chapter_3A_Summary_of_the_Badakshan_Gold_Area_of_Interest_Contribution_by_Stephen_G_Peters_Abstract#:~:text=This %20chapter %20summarizes %20mineral %20resource %20studies %20of %20the

6. Christina Lu. China and the Taliban Team Up on Copper // Foreign Policy. – 2024. – September 10 // https://foreignpolicy.com/2024/09/10/china-taliban-copper-afghanistan-economy-minerals-mes-aynak/
7. Roshan Noorzai. Taliban Press for Extraction of Copper Despite Worries About Mes Aynak Historical Site // Voice of America. – 2023. – September 13 // https://www.voanews.com/a/taliban-press-for-extraction-of-copper-despite-worries-about-mes-aynak-historical-site-/7266968.html
8. Leonardo Dinic. Rare Earth Minerals – China's Key to Afghanistan, and the Taliban's Chance to Raise Living Standards? // China-US Focus. – 2021. – October 21 // https://www.chinausfocus.com/energy-environment/rare-earth-minerals-chinas-key-to-afghanistan-and-the-talibans-chance-to-raise-living-standards
9. 65 % Decrease in Coal Exports Last Year // Tolo News. – 2024. – April 14 // https://tolonews.com/business-188302
10. Sabria Abdal. Afghan Coal Exports Halve in 1403 Due to Border Tensions and Rising Costs // Tolo News. – 2024. – September 26 // https://tolonews.com/afghanistan-190896
11. Afghanistan Coal. Worldo Meters.
12. Ghulam Mohd Malikyar. The State of Environment of Afghanistan 2011-2017 // Research Gate. – 2018. – June // https://www.researchgate.net/publication/326734634_The_State_of_Environment_of_Afghanistan_2011-2017#:~:text=Ghulam %20Mohd %20Malikyar %20People %E2 %80 %99s %20priorities %20and %20therefore
13. Abubakar Siddique. Cash-Strapped Taliban 'Exploiting' Afghanistan's Natural Resources To Boost Revenue // Radio Liberty. – 2022. – July 15 // https://www.rferl.org/a/cash-trapped-taliban-exploiting-afghanistans-natural-resources/31945420.html
14. Ata Sahit. How lithium is powering China, Afghanistan bonhomie // TRT World. – 2022. – August 15 // https://www.trtworld.com/opinion/how-lithium-is-powering-china-afghanistan-bonhomie-18172586
15. Altaf Moti. Afghanistan's Lithium Treasure: China's Key To EV Dominance - OpEd // Eurasia Review. – 2024. – June 25 // https://www.eurasiareview.com/25062024-afghanistans-lithium-treasure-chinas-key-to-ev-dominance-oped/
16. Iftikhar Gilani. Vast lithium reserves to transform Afghanistan from aid to trade economy // Anadolu Agency. – 2021. – December 13 // https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-vast-lithium-reserves-to-transform-afghanistan-from-aid-to-trade-economy/2446019

17. Mohammed Hussein, Mohammed Haddad. Mapping Afghanistan's untapped natural resources // Al Jazeera. – 2021. – September 24 // https://www.aljazeera.com/news/2021/9/24/mapping-afghanistans-untapped-natural-resources-interactive
18. Wakhan-China Road to Be Completed By Winter: Ministry // Tolo News. – 2024. – August 24 // https://tolonews.com/business-190388
19. China Breaks Ground On Massive Afghan Copper Mine After 16 Years Of Delays // Radio Azadi. – 2024. – July 25 // https://www.rferl.org/a/china-afghanistan-mes-aynak-copper-mining/33050447.html
20. Donna Gregory. Chinese Economic Policies Influence Copper Market Dynamics in 2024 // Environment Energy Leader. – 2024. – June 24 // https://www.environmentenergyleader.com/stories/chinese-economic-policies-influence-copper-market-dynamics-in-2024,45036
21. CHINA DATA: May lithium carbonate imports hit record high; hydroxide exports also rise // S&P Global. – 2024. – June 21 // https://cilive.com/commodities/metals-mining/news-and-insight/062124-china-data-may-lihium-carbonate-imports-hit-record-high-hydroxide-exports-also-rise
22. China eyes Afghanistan's lithium reserves, offers to invest USD 10 billion // The Economic Times. – 2023. – April 15 // https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/china-eyes-afghanistans-lithium-reserves-offers-to-invest-usd-10-billion/articleshow/99521732.cms?from=mdr
23. Taha Ali. India-Afghanistan Critical Mineral Cooperation: Opportunities and Challenges // South Asian Voices. – 2024. – July 3 // https://southasianvoices.org/geo-m-in-r-india-afghanistan-mineral-cooperation-07-03-2024/
24. Афганистан намерен сотрудничать с РФ по добыче редкоземельных металлов // TASS. – 2024. – 15 мая // https://tass.ru/ekonomika/20806721
25. Как создать в России полную литиевую цепочку // Страна РосАтом. – 2023. – 9 октября // https://strana-rosatom.ru/2023/10/09/kak-sozdat-v-rossii-polnuju-litievuju-c/
26. China's share of rare earths production worldwide from 2016 to 2023 // Statista. – 2024. // https://www.statista.com/statistics/1294393/share-of-global-rare-earths-production-in-china/
27. Gabriel Gavin. Precious rare earth metals belong to the state, China declares // Politico. – 2024. – June 30 // https://www.politico.eu/article/precious-rare-earth-metals-belong-to-the-state-china-declares/#:~:text=China %20currently %20produces %20around %2060,rare %20earths %20on %20the %20market.

28. Самофалова О. Китаю удался торговый удар по Европе // Взгляд. – 2024. – 28 августа // https://vz.ru/economy/2024/8/28/1284150.html
29. Китай национализирует все запасы редкоземельных металлов, которые используются в производстве чипов // CNews. – 2024. – 24 июля // https://www.cnews.ru/news/top/2024-07-02_kitaj_natsionaliziruet_zapasy
30. Sam Meredith. U.S. ‘very concerned’ about China’s dominance as a critical minerals supplier, energy chief says // CNBC. – 2024. – February 14 // https://www.cnbc.com/2024/02/14/us-energy-chief-concerned-about-chinas-critical-minerals-dominance.html

Ziyoda Abdurakhimova
PhD student, University of World Economy and Diplomacy
Laylo Tashpulatova
Head of the Department, University of World Economy and Diplomacy
Tashkent, Uzbekistan

Foreign aid and soft power: Competition of great powers in Afghanistan

Abstract: ODA serves as a vehicle for soft power can illuminate the strategies employed by nations to cultivate relationships, enhance their global image, and achieve geopolitical objectives. This paper aims to explore the mechanisms through which ODA functions as an instrument of soft power, in the context of Afghanistan. Afghanistan has consistently ranked among the largest recipients of Official Development Assistance (ODA) globally, reflecting the international community's commitment to supporting the country's development needs.

Introduction

The concept of ODA emerged in the aftermath of World War II, with the Marshall Plan serving as a seminal example of development aid aimed at rebuilding war-torn Europe. Over the decades, ODA has evolved in response to changing global dynamics, focusing on infrastructure development, structural adjustments and sustainable development goals.

Official Development Aid (ODA)or simply foreign aid refers to government aid designed to promote the economic development and welfare of developing countries. It is characterized by its concessional nature, meaning that it is provided at favorable terms, often with lower interest rates and extended repayment periods. ODA is primarily aimed at fostering sustainable development, reducing poverty, and enhancing the quality of life in recipient countries.

The Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) the main regulatory body for the foreign aid defines ODA as government aid that is primarily aimed at promoting the economic development and welfare of developing countries, with a focus on the least developed countries [1]. The official development assistance can be delivered directly to the recipient country (The US Agency for International Development (USAID), the Japan International Cooperation Agency (JICA), the Korea International Cooperation

Agency (KOICA), the German development agency (GIZ), etc), that is bilateral aid or through international financial institutions, such as the World Bank and the International Monetary Fund, that is multilateral development assistance [2].

ODA can significantly enhance a donor country's economic influence by fostering trade relationships and investment opportunities. By providing financial assistance, donor countries can create favorable conditions for their businesses to operate in recipient countries, thereby expanding their economic footprint. This economic interdependence can lead to increased political leverage and a more favorable perception of the donor country. Bilateral development assistance is frequently perceived as a political instrument wielded by donor countries, rather than embodying the altruistic intentions of more developed nations. The concentration of financial resources from various sources in multilateral development assistance means that these funds no longer belong to a specific «owner,» which makes it possible to exclude direct donor influence on the recipient country. Although no organization can be completely free from economic and political constraints, relative freedom allows these organizations to use their resources effectively. Researchers D. Headey, C.Minoui, and S.Reddy have concluded that multilateral aid is more likely to ensure the absence of geostrategic interests of donor countries. Consequently, they have proven that multilateral aid has a positive effect on the economic progress of recipient countries [3][4].

Cultural diplomacy is another critical mechanism through which ODA operates as soft power. By funding educational programs, cultural exchanges, and capacity-building initiatives, donor countries can promote their cultural values and norms. This cultural engagement fosters mutual understanding and goodwill, enhancing the donor country's image and influence in the recipient country.

ODA also plays a vital role in shaping political relationships between donor and recipient countries. By providing aid, donor countries can cultivate alliances and partnerships that align with their geopolitical interests. This political dimension of ODA can lead to increased cooperation on various issues, including security, trade, and environmental challenges.

Afghanistan as a recipient of Official Development Assistance

Since the early 2000s, following the fall of the Taliban regime, Afghanistan has been a focal point for international aid. The country has faced numerous challenges, including prolonged conflict, political instability, and humanitarian

crises, which have necessitated substantial external support [5]. According to data from OECD, Afghanistan was one of the top recipients of ODA and it has remained a significant beneficiary in subsequent years.

Table 1. Top 10 donor and recipient countries of the official development assistance.

Donor	Cumulative ODA (2013-2022)	Recipient	Cumulative ODA (2013-2022)
USA	338,466.3	Syrian Arab Republic	73,587.37
Germany	205,235.2	Afghanistan	45,712.1
United Kingdom	124,856.3	Ethiopia	41,064.59
Japan	88,294.6	Bangladesh	33,959.04
France	81,852.89	Egypt	29,447.26
Sweden	41,063.28	Kenya	28,549.35
Netherlands	40,573.24	Nigeria	28,508.05
Canada	40,567.75	Yemen	28,388.34
Norway	37,043.27	Congo Democratic Republic	27,065.47
Australia	29,527.65	India	26,106.72
Switzerland	28,377.72	Tanzania	25,819.24

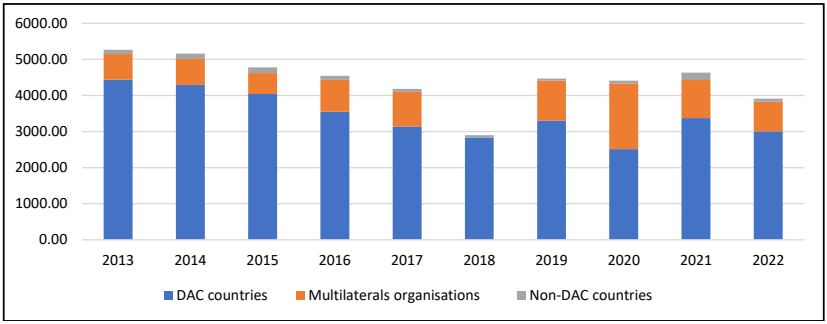
Source: OECD DAC statistics database “Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]

Afghanistan has received a total of $45 billion in official development assistance (ODA) between 2013 and 2022, making it the second-largest recipient of ODA worldwide. This aid has played a crucial role in addressing immediate humanitarian needs and supporting the country’s long-term development goals. An analysis of the top donors of ODA during this period demonstrates the leading role of major powers in providing assistance to recipients.

The investigation of the main actors in the aid-flows to Afghanistan reveals that 76.6 % of the total amount of ODA provided have been delivered by the members of the OECD Development Assistance Committee. As of 2023, the OECD Development Assistance Committee (DAC) has 32 members. Key members are Australia, Canada, France, Germany, Japan, the United

Kingdom, and the United States. The DAC serves as a platform for major donor countries to discuss aid and development issues. Involvement of international financial organizations remained limited during the period of study, while new donors or non-DAC donors constitute only 2-3 % of the foreign aid provided to Afghanistan. Only in 2020, the share of multilateral development assistance increased sharply due to COVID pandemic response measures taken by international financial organizations,

Figure 1. Donor groups of official development assistance provided to Afghanistan.



Source: OECD DAC statistics database "Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]

The primary donors to Afghanistan include the United States, Germany, and Japan, among others. The United States has historically been the largest donor, providing extensive military and civilian assistance aimed at stabilizing the country and promoting governance reforms. Aid provided by **United State - t**he largest donor throughout the years, with aid peaking at $1977.78 million in 2015 and showing fluctuations over the years. **Germany** is consistently the second-largest donor with relatively stable aid amounts, peaking in 2016 at $558.69 million. Afghanistan's fourth-largest donor – **Japan** displays a consistent declining trend in aid from 2015 to 2020, with a slight increase afterward.

Table 2. Top 10 donors of the official development assistance provided to Afghanistan.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
United States	1977.78	1652.09	1433.51	1054.55	1619.97	1130.09	1584.98	1296
Germany	406.37	558.69	513.72	440.44	424.72	373.41	579.61	407.06
United Kingdom	441.08	339.4	321.36	345.52	394.24	292.02	243.97	434.56
Japan	297.85	252.94	202.74	160.59	110.15	102.59	177.99	156.67
Canada	180.92	121.11	82.19	149.35	139.21	102.75	116.86	160.5
Sweden	103.77	104.92	116.83	142.53	137.94	112.95	103.61	93.17
Norway	112.95	116.61	100.29	120.23	106.37	116.37	91.76	77.76
Australia	92.57	71.71	66.73	82.54	69.74	50.81	50.38	66.94
Denmark	96.86	43.34	72.07	82.56	79.07	46.29	103.9	37.62

Source: OECD DAC statistics database “Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]

In addition, Scandinavian countries, including Denmark, Norway, and Sweden, have been significant donors of official development aid (ODA) to Afghanistan. Their aid primarily focuses on sectors such as education, health, and governance. For instance, Denmark has financed educational programs aimed at improving literacy rates, while Sweden has supported health initiatives to enhance maternal and child health. Norway has contributed to governance projects that promote democratic processes [6].

Alongside with the DAC donors and international financial organizations as a donors of the Afghanistan one should also investigate the role of China as a major player in the aid architecture. Although China imply developments assistance as an instrument of soft power, the country remains outside the Development assistance committee. China’s absence from the OECD Development Assistance Committee (DAC) is a significant aspect of its approach to international development assistance. The DAC, which comprises 32 member countries, serves as a forum for the largest providers of aid, establishing standards and principles for effective development cooperation.

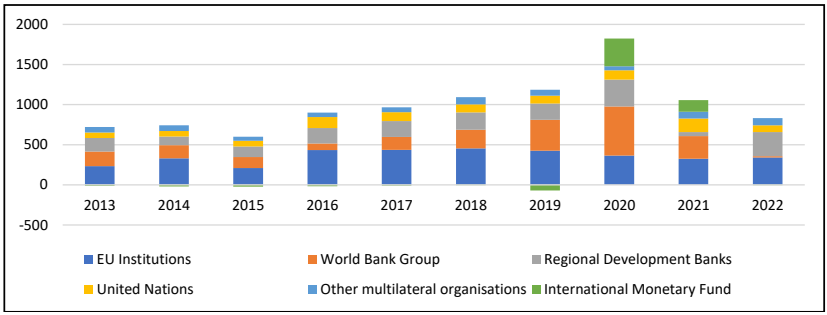
In contrast, China classifies itself as a South-South cooperation partner and does not adhere to the DAC's definitions or reporting standards for official development assistance (ODA).

In contrast to the DAC donors, China has adopted a different strategy, focusing on economic investments and infrastructure development as a means of establishing its soft power. Chinese aid often comes with fewer political conditions compared to Western assistance, appealing to a government like the Taliban that prioritizes immediate economic benefits over democratic reforms. This approach not only enhances China's standing in Afghanistan but also positions it as a counterweight to U.S. influence in the region [7].

The breakdown of the multilateral development assistance received by Afghanistan in recent years shows the dominance of EU institutions (36.4 % of total multilateral aid), followed by World Bank group with 23.1 % of the share in multilateral aid.

The European Union (EU) has mobilized significant official development assistance (ODA) to Afghanistan, pledging up to €1 billion since August 2021. As of September 2023, €980 million has been allocated, with €480 million directed towards humanitarian aid and €500 million for basic needs and livelihoods. Sectoral distribution emphasizes health, education, and support for displaced populations. The EU's principled approach ensures aid effectively reaches women and vulnerable groups, aiming to enhance socio-economic conditions despite ongoing challenges in the region.

Figure 1. Donor groups of multilateral development assistance provided to Afghanistan.



Source: OECD DAC statistics database "Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]

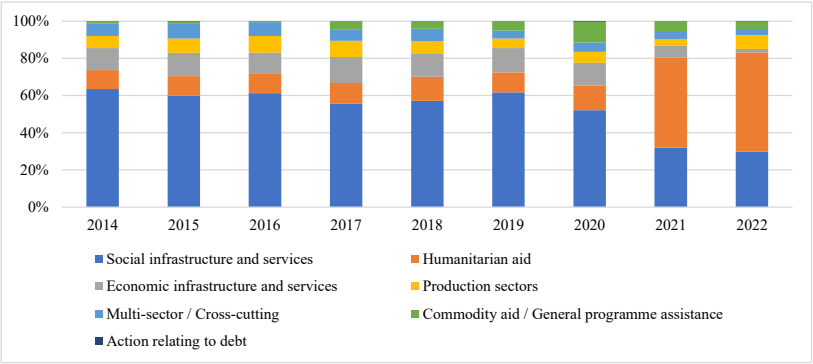
The analysis of the sectoral distribution of aid flows can reveal the donor motives, demonstrating objectives of the aid donors in Afghanistan. According to the classification of the OECD DAC official development assistance can be allocated to the social infrastructure and services including healthcare, education, water supply, sanitation as well as, conflict resolution and security. The next group is economic infrastructure and services which consists of transport, energy and banking sector. Other categories include production sector, commodity aid, actions related to the debt and humanitarian assistance. The types of assistance provided to Afghanistan are diverse, encompassing humanitarian aid, infrastructure development, education, health services, and governance initiatives. Humanitarian assistance has been particularly vital, given the ongoing crises exacerbated by conflict and natural disasters. For instance, food security programs and health interventions have been critical in addressing the immediate needs of vulnerable populations [8].

Share of the humanitarian assistance in the total official development provided to Afghanistan has increased dramatically in the last two years, reaching 52.1 % in 2022. In 2021 and 2022, Afghanistan faced a severe humanitarian crisis exacerbated by political instability and economic collapse. International organizations and governments mobilized to provide essential aid, including food, medical supplies, and shelter. The United Nations reported millions of Afghans required urgent assistance, with a significant portion being internally displaced.

Within the sub-sector of social infrastructure, which demonstres decreasing trend in the last 10 years, expenditures on government and civil society has the highest share (35.9 %), followed by health sub-sector (20.1 %), water supply and sanitation (14.3 %) and healthcare (10.9 %) in 2022.

Along with the growing amount and importance of the official development assistance to Afghanistan, it is crucial to investigate the impact of these funds on economic development and welfare of the recipient country. The impact of ODA on Afghanistan's economy is multifaceted. While the country has seen an increase in national income, the reliance on foreign aid remains high. As of 2022, ODA accounted for about 35 % of Afghanistan's national income, ranking it ninth globally in terms of aid dependency. This dependency raises concerns about the sustainability of development efforts, particularly as international donors reassess their commitments in light of changing political dynamics.

Figure 2. Sectoral distribution of official development assistance to Afghanistan.



Source: OECD DAC statistics database "Aid (ODA) disbursements to countries and regions [DAC2a]

The literature on the topic of the relationship between official development assistance received and economic growth and welfare in the context of Afghanistan has not reached consensus. For instance, a paper by M.Deniz and Z.Ghulam Haidar investigates the impact of foreign aid on Afghanistan's economic development from 2001 to 2015 considering political and strategic motivations, corruption levels, and the socio-economic outcomes.

The study concludes that foreign aid alone is insufficient for the economic growth of post-conflict states like Afghanistan. Despite significant aid inflows, Afghanistan's socio-economic conditions have not improved. The GDP growth rate has declined, corruption levels have risen, poverty rates have increased, and unemployment has grown. The authors suggest that while foreign aid could potentially improve infrastructure, agriculture, education, and technology transfer, these benefits have not been realized in Afghanistan due to the ineffectiveness of aid programs [9].

The paper identifies several factors contributing to the ineffectiveness of foreign aid in Afghanistan, including the dual nature of aid that serves both developmental and political purposes, the lack of alignment with recipient needs, and the negative impacts on governance and political stability.

On the other hand, a study by Q.Andaish and S. Assadi which examine the relationship between Official Development Assistance (ODA) and the Human Development Index (HDI) by employ the Vector Error Correction Model

(VECM) finds a reciprocal relationship between ODA and HDI, suggesting that foreign aid contributes positively to human development in the long term. Specifically, a 1 % increase in ODA corresponds to a 0.0007 % improvement in HDI. The research also indicates that human development itself can attract foreign aid. The authors note that Afghanistan's reliance on foreign aid is due to its history of conflict and underdevelopment, which has hindered its ability to develop using domestic resources.

Results show a significant long-term relationship between foreign aid and human development in Afghanistan, with foreign aid contributing to improvements in health, education, and income indices. The authors suggest that proper management of foreign aid is crucial for Afghanistan's development, recommending that the government improve negotiation skills, combat corruption, and allocate aid effectively. Donors are also encouraged to align their priorities with Afghanistan's national goals [10].

In recent years, the landscape of ODA in Afghanistan has been influenced by significant political changes, particularly the Taliban's return to power in August 2021. This shift has led to a reevaluation of aid strategies by many donor countries, with some suspending or reducing their assistance due to concerns over human rights and governance.

Despite these challenges, Afghanistan remains a critical focus for humanitarian assistance. Reports indicate that the country continues to receive substantial aid, albeit with a shift towards humanitarian rather than development assistance. The need for food, healthcare, and basic services remains acute, and international organizations are working to adapt their strategies to meet these pressing needs.

Conclusion

Afghanistan's position as one of the primary recipients of official development assistance underscores the complexities and challenges of providing foreign aid in a context marked by ongoing conflict and political instability. The flow of ODA has played a crucial role in addressing immediate humanitarian needs, such as food, shelter, and medical aid, while also supporting long-term development initiatives including infrastructure projects, education, and public health programs. However, the sustainability of these efforts remains uncertain due to the volatile nature of the region. As the international community works to navigate the constantly shifting political landscape, it is imperative to prioritize thoughtful and nuanced strategies that promote self-sufficiency and resilience within Afghanistan, thereby ensuring that aid contributes to lasting positive change. The future of ODA in Afghanistan will largely depend on a balanced

and comprehensive approach that addresses both the immediate needs of the population and the long-term development goals of the country, fostering a pathway towards stability, prosperity, and self-reliance.

Bibliography

1. OECD. DAC working party on development finance statistics. Converged statistical reporting directives for the Creditor reporting system (CRS) and the Annual DAC questionnaire. https://One.Oecd.Org/Document/Dcd/Dac/Stat(2018)9/Final/En/Pdf 9
2. OECD. Definition and coverage of official development assistance. https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable development/development-finance standards/officialdevelopmentassistancedefinitionandcoverage.htm
3. Minoiu, Camelia, and Sanjay Reddy. «Aid does matter, after all: revisiting the relationship between aid and growth.» *Challenge 50,* no. 2 (2007): 39-58.
4. Headey, Derek. *Foreign aid and foreign policy: how donors undermine the effectiveness of overseas development assistance.* No. WP052005. School of Economics, University of Queensland, Australia, 2005.
5. Rahmani, Roya. «Donors, beneficiaries, or NGOs: whose needs come first? A dilemma in Afghanistan.» *Development in Practice* 22, no. 3 (2012): 295-304.
6. Karahan, Hatice. «Nordic Generosity and Development Aid: The Cases of Denmark, Norway and Sweden.» *Journal of Economic Cooperation & Development* 43, no. 3 (2022): 1-16
7. Zhang, Yanzhe, Xiao Yu, and Huizhi Zhang. «Addressing the insufficiencies of the traditional development aid model by utilizing the one belt, one road initiative to sustain development in Afghanistan.» *Sustainability* 11, no. 2 (2019): 312.
8. OECD (2023). Development Co-operation Report. Debating the Aid System. https://www.oecd-ilibrary.org/development/development-co-operation-report-2023_cecd8a6c-en
9. Deniz, Müjgan, and Zubeyr Ghulam Haıdar. «The Effects of Foreign Aid On Economic Development in Afghanistan (2001-2015).» *Journal of Research in Economics* 3, no. 2 (2019): 110-138.
10. Andaish, Mr Qiamuddin, and Mr Sakhibaksh Assadi. «A study on the effectiveness of foreign aid on human development of Afghanistan.» *Sustainable Technology and Entrepreneurship* 3, no. 1 (2024): 100056.

ABSTRACTS[4]

Assessment of Sustainability of Taliban Power in Afghanistan at the Present Stage

Author: Smagulov Agybai, Honoured Officer of the Diplomatic Service of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Historical Sciences (Kazakhstan, Almaty)

The author analyses the situation in Afghanistan after the Taliban came to power and concludes that the Taliban's power is sustainable in politics, economy and humanitarian sphere. In his opinion, the Taliban governance within three years has refuted numerous forecasts about the resumption of civil and inter-ethnic war, the split within the Taliban themselves, a large-scale terrorist threat and the growth of drug flow, socio-economic and humanitarian catastrophe, and millions of refugees.

At the same time, at present, the conservatism of traditional society, reflecting the ideology of the Taliban, has severely slowed down the modernisation of Afghanistan. The author believes that it is important to understand how deep are the roots holding back the movement towards development: the desire to preserve tribal relations, traditions of blood feuds and the role of women in the life of society. However, the efforts of previous Afghan authorities, reformers and educators, the international aid and development community, and educational programmes have had and continue to have an impact. Deeper Afghan society has begun to realise the need for change. Even the Taliban leaders, in their own way, have realised the need to change their orientation and subordinate their positions to the broader interests of national renewal.

In the author's view, Taliban power should be seen as a potential opportunity to end the long-running intra-Afghan conflict and stimulate regional security. He believes that such a position should be taken in the short term, while observing further developments in this country.

Perception of Taliban in the Expert Community of Central Asia

Author: Rizoyon Sherali, Candidate of Political Science (Tajikistan, Dushanbe)

[4] Abstracts of those articles that were written in Russian.

According to the author, there are different perceptions of what the Taliban are in the expert community of the region. The same trend can be observed among practitioners, i.e. employees of foreign policy agencies and security forces, who to a greater extent broadcast the official country narrative. Representatives of law enforcement agencies and special agencies of all countries, due to the specifics of their activities, speak about threats and challenges emanating from the territory of Afghanistan. In general, governmental structures in the region comment on the situation in Afghanistan in different ways: they speak of both opportunities and problems, use soft rhetoric or do not comment at all. It is still unknown what the second version of this movement will be and how it will behave in the future. Most likely, as the situation in Afghanistan changes, it is likely that the perception of the Taliban will be transformed for better or worse.

The author believes that in the interests of security and sustainable development of Central Asian countries, as well as the expansion of regional co-operation, the following practical questions need to be answered: How real are the threats emanating from the territory of Afghanistan to the Central Asian states? If yes/no, in what way is this expressed? Will the Taliban be able to influence the political, security, economic and environmental situation in Central Asia? If yes/no, in what way is this expressed? How will the situation in Afghanistan evolve in the near future? What is in store for Central Asia in the near future, taking into account the Afghan factor?

The author believes that it is advisable to institutionalise the discussion of the Afghan factor, to abandon the practice of holding 'solemn' and 'protocol' events, to switch to holding permanent expert meetings, to start preparing joint books, analytical reports and other materials with the participation of researchers from all countries of the region on the above-mentioned and other issues and make them available to the structures responsible for making political decisions.

Taliban' Socio-Economic Policy and Prospects of Afghanistan's Modernisation

Author: Rustam Makhmudov, Associate Professor, University of World Economy and Diplomacy (UWED), Leading Researcher, Institute of Advanced International Studies (Uzbekistan, Tashkent)

In the author's opinion, despite the fact that over the past three years the Taliban has done much to stabilise the socio-economic situation in Afghanistan, it is still too early to talk about the country's entry into a sustainable trajectory

of economic growth and social stability. The author, analysing the steps taken by the Taliban, believes that Afghanistan is moving towards the development of extractive economic institutions based on cheap and low-skilled labour, the development and export of resources and low-value-added goods. At the same time, the Taliban's rejection of an inclusive political system with its pluralistic institutions triggers a process of further evolution of the exclusive political institutions that take place in Afghanistan today. The further evolution of these institutions will be that political and economic resources will become increasingly concentrated in the hands of certain pressure groups within the Taliban and associated business circles. Of course, the dominance of extractive institutions does not preclude overall economic development in Afghanistan, but the question for now is how long the growth will last.

In the author's view, the Taliban's ability to play the diplomatic field professionally to attract investment, technology and open markets will be of paramount importance for further economic development. So far, this game has been quite successful, especially at the regional level. Almost all countries bordering Afghanistan have restored trade and economic relations and view the Taliban as partners in large-scale trans-regional infrastructure projects. In this case, their desire to stabilise Afghanistan as soon as possible and gain economic benefits is at work.

However, things are not so clear-cut at the international level, and this is where there is a serious source of uncertainty for the Taliban's future economic plans. At issue is the growing geopolitical rivalry between the West on one side and China, Russia and Iran on the other. For the Taliban, it would be beneficial if competing global and regional actors launched a 'positive competition' around them - so that external players would seek to pull the new Afghan authorities to their side through investment and official recognition. At the same time, the most disadvantageous scenario for the Taliban would be the scenario of 'negative competition,' which could turn Afghanistan into one of the sites of an emerging new Cold War, which would have a negative impact on the economic development of the country.

Afghanistan and Central Asia: International Legal Regulation of Water Relations

Author: Dinara Ziganshina, Director of the Scientific Information Centre of the Interstate Commission for Water Coordination of Central Asia, Doctor of Law (Uzbekistan, Tashkent)

Afghanistan, Tajikistan, Uzbekistan, Turkmenistan and Kyrgyzstan (to a small extent) share water resources as countries of the Amu Darya River Basin, one of the most water-bearing rivers in Central Asia (average annual flow of 79.3 km3). The Amu Darya is formed by the confluence of the Pyandj and Vakhsh rivers, which account for 43 % and 25 % of the flow volume, respectively.

The construction of a large irrigation canal, the Kosh-Tepa Canal, with a water intake on the left bank of the Amu Darya River in Kaldar District, Balkh Province, near the border of Tajikistan and Uzbekistan, which began in March 2022, has raised questions concerning the international legal regulation of water relations between the riparian countries of the basin.

In article, the author examines the Agreements on Transboundary Water Use in the Amu Darya River Basin between the Central Asian countries, the Water Agreements with Afghanistan and the Global Conventions and Norms of International Customary Law. The author concludes that at present there is no single agreement that would regulate water relations in the entire Amu Darya River basin between all countries of the basin. Afghanistan does not participate in regional water management under the existing agreements on water issues in Central Asia and ICWC. However, the norms of customary international water law and the treaty on transboundary issues can serve as a basis for maintaining current contacts as well as strengthening water co-operation and concluding separate agreements in the future.

Modern Ideological Views of the Taliban on the Construction of an Islamic State in Afghanistan

Author: Khaidarov Abdusamat, Director of the UWED' Diplomatic Academy (Uzbekistan, Tashkent)

In the article the author consecutively considers: (1) the historical context of the emergence of the Taliban, (2) the formation of the main ideological views of the Taliban on the establishment of the Islamic state at the initial stage of formation, (3) the attitude of the Taliban to the construction of the Islamic state during their first accession to power, (4) the views of the Taliban on the Islamic state during the period of opposition to the republican government in 2002-2021, (5) the current ideology of the Taliban.

The author argues that the consolidation of Taliban ideology in Afghanistan and state-building after their regaining power include the large-

scale implementation of religious norms based on Shariah, revision of the educational system, establishment of control over the media, and active use of the country's Islamic institutions and clergy to achieve the main objective of building an Islamic state. In his view, these measures are aimed at creating a society that is fully compliant with the Taliban's interpretation of Shariah.

In the author's opinion, Afghanistan, which is experiencing enormous difficulties caused by years of war and the ongoing economic and humanitarian crisis, cannot develop without the help of the international community, which demands the fulfilment of the promises of the Taliban interim government. These include preventing the use of the country's territory as a platform or safe haven for terrorist organisations and the need to sever ties with various terrorist groups, the formation of an inclusive government, and respect for human rights, including the rights of women and national minorities. The survival and continued existence of the Taliban depends on the fulfilment of these commitments.

The Afghan Factor in the Discourse of Terrorist Threats in Central Asia

Author: Lessya Karataeva, General Director of Eurasian Centre for People Management, Doctor of Historical Sciences (Kazakhstan, Almaty)

For several decades, Afghanistan has been viewed by Central Asian countries as a source of terrorism and drug trafficking The first serious adjustments in the foreign policy course of Central Asian countries towards Afghanistan begin to take place in 2017-2018 However, with the Taliban movement coming to power in 2021, the attitude towards Afghanistan is again undergoing changes This article reflects the peculiarities of the terrorism discourse and Central Asian governments' understanding of Afghanistan's role in the context of terrorist threats.

In the author's opinion, the prospects for the development of Central Asia are assessed in the light of Afghanistan's inclusion in the system of regional interaction. The security of the region is directly linked to the situation of stability/instability in Afghanistan. The Taliban in power in Afghanistan is assessed as a long-term factor, but the governments of Central Asian countries are not ready for a full-fledged transfer of diplomatic relations from de facto to de jure format. The territory of Afghanistan continues to be considered by Central Asian governments as the main source of terrorist threats. Eliminating threats and minimising the risks of terrorism from Afghanistan is seen

in the context of supporting economic development by involving the country in regional economic processes, on the one hand, and strengthening patriotism and national identities, on the other.

Influence of the Taliban Factor on New Risks and Challenges of Radicalisation and Extremism in the Central Asia Region

Author: Azizi Rustam, Deputy Director of the Centre for Islamic Studies under the President of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe)

The paper discusses the influence of the 'Taliban factor' on radicalisation and extremism in the region, as well as possible strategies to counter these threats.

According to the author, the return of the Taliban to power in Afghanistan has created a complex geopolitical situation, exacerbating the risks of radicalisation and destabilisation in Central Asia. 'The Taliban factor poses a serious threat to regional security and stability, strengthening radical sentiments and creating new challenges in the fight against extremism and terrorism. These circumstances require the governments of the region and the international community to develop comprehensive strategies that would take into account both the need to support the Afghan people and the risks associated with the possible legitimisation of radical regimes.

The author believes that effective counteraction to these threats must be based on the joint efforts of the Central Asian countries and their international partners. Strengthening regional cooperation, investment in education and socio-economic development, and a balanced approach to international engagement can be key elements in maintaining order and preventing radicalisation.

According to the author, the countries of the region are on the front line of the fight against extremism and their success in this area depends on their ability to balance humanitarian assistance to Afghanistan with avoiding legitimisation of radical forces. In order to effectively address the existing challenges and risks, it is necessary to approach the problem comprehensively and with due consideration of all the specificities of the regional context. The international community and Central Asian governments must develop strategies for engagement with Afghanistan that will help the Afghan people without legitimising radical forces. Such a comprehensive approach, based on an understanding of the unique characteristics of the region and active international support, will ensure stability, security and prosperity in Central Asia.

Taliban as a Geopolitical Project and the Role of Central Asian Countries in the Big Afghan Game

Author: Tolipov Farhod, Directorjf the Non-State Scientific Institution 'Bilim Karvoni' (Caravan of Knowledge), Candidate of Political Sciences (Uzbekistan, Tashkent)

In the author's opinion, the non-strategic and non-conceptual approach to analysing the situation in Afghanistan, on the one hand, leads to the fact that the ways of solving the Afghan issue and, in general, the perception of this country remain incomplete and half-hearted; on the other hand, raises suspicions that the current power in Afghanistan - the Taliban - is nothing but a geopolitical project of extra-Afghan forces, rather than an intra-Afghan phenomenon. The withdrawal of US troops from Afghanistan in August 2021, the incomprehensible and unwarranted retreat of the incomparably superior US forces in front of the supposedly advancing and invincible enemy forces have only strengthened such suspicions.

In the author's opinion, the international political-legal and moral-humanitarian dimension of the Afghan problem gave way to immediate interests that are difficult to explain within the framework of both realism and liberalism, as well as other theories of international relations. The public got the impression that this whole 'mess' was started by the US and NATO, and that the Taliban were allegedly waging a national liberation struggle against them. The Taliban speculated on this myth quite effectively. As a result, public opinion was largely disorientated and strategic communication was distorted. In fact, strategic communication should have been aimed at making the Taliban convinced that it was not only America or NATO, but the whole world that was against them. From this point of view, the Organisation of Islamic Conference could play a crucial role.

The author believes that the role of the UN should be of utmost importance. Taliban is listed as a terrorist organisation by the UN. From this point of view, a UNSC resolution is expected to give a fair, principled and firm assessment of the situation in Afghanistan and take the lead in establishing and ensuring peace in this war-torn country. It is necessary to create an environment of 'UNisation': to strengthen the role, authority and influence of the UN in resolving the Afghan issue. All other approaches are likely to be geopolitically overloaded.

Afghanistan's Natural Resources: Will They Become a Factor in the Big Game?

Authors: Rustam Makhmudov, Associate Professor at UWED, Leading Researcher at the Institute for Advanced International Studies; Madina Abdullaeva, Senior Lecturer at the Department of Political Science at UWED; Mushtariy Usmonova, Master's student in International Relations and Modern Political Processes at UWED (Uzbekistan, Tashkent).

The authors in their paper first consider what Afghanistan is in terms of natural resources, and then analyse the competitive advantages of possible participants in the Great Raw Materials Game.

According to the authors, today there are all the prerequisites for the Great Game around Afghanistan's natural resources, and China has the highest chances of winning it. Such a powerful economy as China's, especially possessing a consumer market, one of the largest in the world, and a developed technological base, will be able to 'digest' the most profitable types of natural resources in Afghanistan almost single-handedly.

At the same time, India and Russia remain on the sidelines. India is hampered by its ideological approach, while Russia is under sanctions. Nevertheless, with some political will, they can enter the Afghan market of raw materials, especially lithium, as well as iron (seven Indian companies led by the state-owned Steel Authority of India won a $10.3 billion tender to develop three sections of the Hajigak iron ore deposit). It should be taken into account that the new Afghan authorities would not be against the entry of companies from these countries to reduce dependence on the PRC in mining.

The US and EU have so far adopted an ideological approach, preferring not to have economic and investment relations with Afghanistan.

ROSA LUXEMBURG STIFTUNG
CENTRAL ASIA

Фонд Розы Люксембург (RLS) является одним из семи политических фондов Федеративной Республики Германия. Он тесно связан с немецкой левой партией Die Linke. Основной задачей Фонда является гражданское просвещение. RLS осуществляет свою деятельность в традициях движений за права трудящихся, права женщин, антифашистского и антивоенного движений, отстаивая идеи демократического социализма.

RLS был основан в 1990 г. как некоммерческая организация. Фонд способствует критическому анализу общества и поддерживает деятельность, направленную на развитие социально справедливого и инклюзивного общества. Своими задачами Фонд видит содействие сотрудничеству, поддержание равноправного диалога в обществе и развитие концепций и практик гражданского просвещения. В своей деятельности Фонд привержен идеям и политическому наследию Розы Люксембург, предполагающим критику капитализма, противодействие империализму, войнам и продвижение ценностей демократии, социальной справедливости и солидарности.

RLS осуществляет деятельность в регионе Центральная Азия через свое представительство, открытое в г. Алматы в 2019 году. Программа финансируется Парламентом ФРГ через Федеральное министерство экономического сотрудничества и развития (Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung – BMZ). Основанная на идеях демократического социализма, программа способствует укреплению экономических, социальных, культурных, экологических и гражданских прав, а также развитию регионального и межрегионального сотрудничества в Центральной Азии и за ее пределами.

Представительство Розы Люксембург в Центральной Азии
Адрес: Казахстан, Алматы, 050022,
ул. Масанчи, 98а
Телефон: +7 (727) 224-55-21

Информацию о Фонде Вы сможете найти по ссылкам:
https://www.rosalux.de/
https://ru.rosalux-ca.org/

Подготовлено при спонсорской поддержке Фонда Розы Люксембург на средства Федерального министерства экономического сотрудничества и развития Германии. Материалы публикации могут использоваться третьими лицами при условии ссылки на оригинальную публикацию.

Sponsored by the Rosa Luxemburg Stiftung with funds of the Federal Ministry for Economic Cooperation and Development of the Federal Republic of Germany. This publication or parts of it can be used by others for free as long as they provide a proper reference to the original publication.

«Afghanistan under the Taliban — How Do Neighbours and Powers respond to them?»: materials of the international conference, Tashkent, 27 August 2024. — Almaty: «Book Expert Kazakhstan» LPP, 2024. — 144 p.

This collection of materials includes reports of the participants of the international conference 'Afghanistan under the Taliban - How Do Neighbours and Powers respond to them?' (Tashkent, UWED, 27 August 2024). The event was organised by the University of World Economy and Diplomacy and Rosa Luxemburg Stiftung in Central Asia.

The conference brought together leading experts on Afghanistan from Uzbekistan, Kazakhstan, Tajikistan, Germany, China, India and Russia. At the conference, a professional exchange of views took place, which allowed to outline new directions in the field of researching the problems of Afghanistan's reconstruction and formulating policies of the region's countries and world powers towards the IEA.

Some of the key issues raised in the collection are the analysis of security processes inside Afghanistan, assessment of the degree of consolidation of the Taliban elites as a key factor of the country's stability, as well as the level of sustainability of the financial, economic, food and humanitarian situation in the country. In addition, the materials of the collection raise the issues of the state of political, diplomatic and economic relations of Central Asian countries, the West, China, Russia, India and other players with Afghanistan, the prospects for its official recognition, as well as international investment in the development of Afghan natural resources, construction of industrial, agricultural and transport projects. A number of articles concern the definition of the contours and prospects of the new Great Afghan Game between the leading world players - the West, China, Russia and India. Another set of issues raised in the collection is related to the assessment of new challenges to regional stability and security that have emerged since the return of the Taliban to power: the water problem, cross-border terrorism, Islamic fundamentalism and drug trafficking (synthetic drugs). The book also analyses the possibility of the emergence of new ideological narratives in the region against the backdrop of the Taliban's drive to establish a state based on religious principles in Afghanistan.

The collection aims to give additional impetus to research on regional and international security issues in Central Asia and Afghanistan. The book is intended for international scholars, experts and practitioners engaged in the study of regional and international security issues, as well as teachers and students of higher educational institutions.

The contents of this publication are the sole responsibility of the authors, and the views expressed herein are not necessarily those of the Rosa Luxemburg Stiftung.

ISBN 978-601-08-4703-3 © Rosa Luxemburg Stiftung Central Asia, 2024

Афганистан под властью Талибан:
реакция соседних стран и великих держав.

Сборник материалов конференции

Ответственный редактор-составитель:
Лейла Музапарова

Редактор-корректор (русскоязычных текстов):
Екатерина Баркова

Материалы на английском языке опубликованы в авторской редакции.

Компьютерная верстка:
Оксана Лобанова

Подписано в печать 30.12.2024.
Гарнитура Times New Roman.
Формат 60x90/16. Цифровая печать.
Тираж 150 экз. Заказ № 3178.

Отпечатано ТОО «Бук Эксперт Казахстан»
Казахстан, г. Алматы, ул. Жангельдина, д. 31,
тел. + 7 771 290-66-96
e-mail: info@book-expert.kz
book-expert.kz